

ISSN 2500-347X

Вестник

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

2017 1 (778)

MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE
OF THE RUSSIAN FEDERATION
FEDERAL STATE BUDGETARY
EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
"MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY"

The year of foundation – 1940

**VESTNIK
OF MOSCOW STATE
LINGUISTIC UNIVERSITY**

SOCIAL SCIENCES

Issue 1 (778)

Moscow
FSBEI HE MSLU
2017

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИ-
ТЕТ»

Год основания издания – 1940

**ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА**

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Выпуск 1 (778)

Москва
ФГБОУ ВО МГЛУ
2017

Печатается по решению Ученого совета
Московского государственного лингвистического университета

Главный редактор научного журнала
«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки»
доктор философских наук, профессор **И. К. Харичкин**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Н. М. Алиева, д-р филол. наук, проф. (Азербайджан)
Г. Б. Воронина, канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Г. Р. Гаспарян, д-р филол. наук, проф. (Армения)
К. В. Голубина, канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
М. К. Гомес, проф. лингвистики (Кадис, Испания)
И. А. Гусейнова, д-р филол. наук, доц. (МГЛУ)
Н. А. Дудик, канд. филол. наук (МГЛУ)
М. С. Имомзода, д-р филол. наук, проф. (Таджикистан)
К. М. Ирисханова, канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
О. К. Ирисханова, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
А. Я. Касюк, д-р истор. наук, проф. (МГЛУ)
И. А. Краева, канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Г. Ф. Красноженова, д-р социол. наук, проф. (МГЛУ)
С. С. Кунанбаева, д-р филол. наук, проф. (Казахстан)
Т. В. Медведева, канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Л. В. Моисеенко, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
А. И. Мусавев, д-р филол. наук, проф. (Кыргызстан)
Л. А. Ноздрина, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Р. К. Потапова, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
О. А. Радченко, д-р филол. наук, проф. (Россия)
М. Н. Русецкая, д-р пед. наук, проф. (Россия)
И. А. Семина, д-р филол. наук, доц. (МГЛУ)
Т. С. Сорокина, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
И. И. Убин, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

А. Я. Касюк, д-р истор. наук, проф. (*ответственный редактор*)

Политические науки

В. К. Белозёров, д-р полит. наук, доц. (МГЛУ)
А. В. Брега, д-р полит. наук, проф. (Финансовый университет
при Правительстве РФ)
Д. Пророкович, д-р полит. наук (г. Белград, Сербия)
Ю. В. Синчук, д-р полит. наук, проф. (МГЛУ)
И. К. Харичкин, д-р филос. наук, проф. (МГЛУ)

Исторические науки

Л. Г. Ивашов, д-р истор. наук (МГЛУ)
И. Кемаль Оглу, д-р истор. наук, доц. (Турецкая Республика)
А. А. Колесников, д-р истор. наук, проф. (Санкт-Петербургский
информационно-аналитический центр РИСИ)
В. М. Плоских, д-р истор. наук, доц. (Киргизская Республика)
А. М. Хазанов, д-р истор. наук, проф. (МГЛУ)

Социологические науки

А. Беблер, д-р социол. наук, проф. (г. Любляна, Словения)
Е. И. Кравченко, д-р социол. наук, проф. (МГЛУ)
И. В. Образцов, д-р социол. наук, проф. (МГЛУ)
А. В. Саблуков, д-р социол. наук, доц. (МГЛУ)
В. Л. Примаков, д-р социол. наук, проф. (МГЛУ)

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Емельянов А. И.</i> Роль латиноамериканской цивилизации в современной мировой политической системе	9
<i>Знаменский Д. Ю.</i> Государственная политика Российской Федерации по развитию научного потенциала вузов: технологии реализации	16
<i>Макаревич Э. Ф.</i> Структура и возможности «мягкой силы»	27
<i>Мартынов Е. В.</i> Социальная реклама России в пространстве политологического и социологического анализа	38
<i>Рукавицын П. М.</i> Закат Европы?	52
<i>Таха Мохаммад Али</i> Исламский фактор в мировом политическом процессе	62
<i>Феофанов К. А.</i> Цивилизационные детерминанты «двойной реальности» в идеологическом противостоянии Запада и России	74
<i>Хауер-Тюкаркина О. М.</i> Особенности формирования имиджа политического актора в условиях кризиса	84

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Бурляй Я. Н.</i> О российско-испанском взаимодействии в Латинской Америке	92
<i>Загуляев А. Ф.</i> Значение встречи в Сен-Мало (1998) для европейской политики безопасности	103
<i>Касюк А. Я., Криворучко А. А.</i> Международные операции по поддержанию мира как способ урегулирования политических кризисов и вооруженных конфликтов	112
<i>Криворучко А. А.</i> Опыт участия СССР / РФ в миротворческой деятельности	122

<i>Минин Е. М.</i>	
Кто скрывался под псевдонимом «Дора»?	
(о деятельности «Красной капеллы» в Швейцарии	
в годы Второй мировой войны)	132
<i>Михайлин И. В.</i>	
Мониторинг как многофункциональный метод	
информационно-аналитической работы	144
<i>Репко С. И.</i>	
Гибридные войны США (1979–2017)	156

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Веремчук В. И., Скок А. С.</i>	
Социологическое сопровождение военно-социального	
управления в Вооруженных Силах России	
как социальная технология	166
<i>Гришенкова Е. В.</i>	
Влияние института телевидения на детей:	
социологический подход	175
<i>Образцов И. В., Половнёв А. В.</i>	
Отношение к студенческому самоуправлению в вузе	
(на примере студентов МГЛУ)	185
<i>Примаков В. Л.</i>	
Экстремизм в практике этноконфессиональных отношений	
молодежи Москвы: источники распространения	
и пути профилактики	205
<i>Шеева О. Н.</i>	
Последствия общественных трансформаций в России	216
<i>Саблуков А. В., Арабидзе И. Т.</i>	
Государственная поддержка инвалидов вследствие	
военной травмы и заболевания, полученного в период военной	
службы, и членов их семей: состояние и проблемы	225

CONTENTS

POLITICAL SCIENCES

<i>Emelianov A. I.</i> Latin-American Civilization Role in the Modern World Political System ...	9
<i>Znamenskiy D. Y.</i> Technologies of Realization of State Policy for Development of Scientific Potential of Higher Education Institutions	16
<i>Makarevich E. F.</i> «Soft Power» Structure and its Possibilities	27
<i>Martynov E. V.</i> Russian Social Advertising in the Space of Politological and Sociological Analysis	38
<i>Rukavitsyn P. M.</i> The Decline of the West?	52
<i>Takha Ali Mokhammad</i> The Islam and Policy	62
<i>Feofanov K. A.</i> Civilizational Determinants of 'Double Reality' in the Ideological Confrontation Between the West and Russia	74
<i>Хауер-Тюкаркина О. М.</i> Image Construction of a Political Actor During Crisis: Analyses of Key Features	84

HISTORICAL SCIENCES

<i>Burliy Yan</i> On the Russian Spanish Interaction in Latin America	92
<i>Zaguljaev A. F.</i> The Significance of St. Malo Summit (1998) for European Security Policy	103
<i>Kasyuk A. Ya., Krivoruchko A. A.</i> Un Peacekeeping Operations as a Method of Regulation Political Crises and Armed Conflicts	112
<i>Krivoruchko A. A.</i> Experience of the USSR / RF in the Peacekeeping Activity	122

<i>Minin E. M.</i>	
Who Was Hiding behind the Pseudonym «Dora»? About the Activities of the Red Orchestra in Switzerland during the Second World War	132
<i>Repko S. I.</i>	
American Hybrid Wars (1979–2017)	156

SOCIOLOGICAL SCIENCES

<i>Skok A. S.</i>	
Sociological Support of Military-Social Management in Armed Forces of the Russian Federation as Social Technology	166
<i>Grishenkova E. V.</i>	
Influence of Television as an Institute on Children: Sociological Approach	175
<i>Obratstov I. V., Polovnev A. V.</i>	
Attitude to Student's Self-Government in the University (based on MSLU)	185
<i>Primakov V. L.</i>	
Extremism in Practice of Moscow Youth's Ethno-Confessional Relationships: Sources of Spread and Prevention Directions	205
<i>Shaeva O. N.</i>	
Consequences of Societal Transformation in Russia	216
<i>Sablukov A. V., Arabidze I. T.</i>	
Government Support for the Persons, Who Are Disabled as a Result of War Injuries and Diseases Obtained during the Military Service, and Their Families: Status and Problems	225

УДК 327.35

А. И. Емельянов

кандидат политических наук, доцент кафедры политологии Института международных отношений и социально-политических наук, МГЛУ;
e-mail: anton.politolog@ya.ru

РОЛЬ ЛАТИНОАМЕРИКАНСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ МИРОВОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ

В статье исследуется роль цивилизаций в современной мировой политической системе, в частности место латиноамериканской цивилизации в рамках процессов регионализации в различных регионах мира. Автором дается оценка современному состоянию цивилиграфии различных научных школ и их оценки латиноамериканской цивилизации. Делается вывод о том, что схожая цивилизационная идентичность позволяет странам увеличить свой политический вес на международной арене в условиях глобализации, а также о возрастающем потенциале Латинской Америки в качестве нового актора в мировом политическом процессе.

Ключевые слова: цивилизационная идентичность; цивилизация; интеграция; Латинская Америка; мировая политика.

Emelianov A. I.

PhD (Political Science), Associate Professor, Political Sciences Department, Institute of International Relations and Social and Political Sciences (Faculty);
e-mail: anton.politolog@ya.ru

LATIN-AMERICAN CIVILIZATION ROLE IN THE MODERN WORLD POLITICAL SYSTEM

This article is dedicated to the issue of civilizations in the modern political system and the Latin-American civilization role in the case integrations processes in various regions of the world. The author assesses the current state of civiliography in different scientific schools and their assessment of Latin American civilization. It is concluded that a similar civilizational identity allows countries to increase their political weight in the international arena under conditions of globalization and increasing potential of Latin America as a new actor in the international political process.

Key words: civilization identity; civilization, integration; Latin America; world politics.

Быстроменяющаяся международная обстановка побуждает государства менять внешнюю политику, приспосабливаться к меняющейся международной политической конъюнктуре под воздействием различных факторов. В такой ситуации сближение родственных друг к другу народов и государств становится одним из главных ресурсов обеспечения суверенитета и безопасности стран, сохранения их самобытности в условиях глобализации. В этих условиях прогрессирует регионализация, а субъектами мировой политики становятся цивилизации. Цивилизационная самоидентификация в условиях современного мирового политического процесса является способом сохранения своей культуры и традиций в различных уголках земного шара.

Одним из шагов к сохранению своей сущности может являться регионализация, т.е. «процесс по развитию и укреплению экономических, политических и иных связей между областями или государствами, входящими в один регион; возникновение региональных объединений государств» [Райзберг 1999, с. 275]. Именно она демонстрирует, что интенсификация взаимодействия между представителями родственных культур, ведет к формированию единой цивилизационной общности и улучшению межкультурной коммуникации между представителями определенного региона мира.

Термин «цивилизация» имеет много трактовок. Отечественный исследователь А. С. Капто утверждает, что «цивилизация – это качественная специфика своеобразия материальной, духовной, социальной и политической сторон жизни той или иной страны или группы стран на определенном этапе истории» [Капто 2013, с. 543]. Согласно зарубежному специалисту С. Хантингтону, «цивилизация – это наивысшая культурная общность людей и самый широкий уровень их культурной идентификации» [Хантингтон 2003, с. 50–51]. Впрочем, существуют и другие трактовки этого понятия. Учитывая отсутствие единого мнения по данному вопросу и активное использование данного понятия в современной научной среде, затрагивающей как политические, так и культурологические процессы, под термином «цивилизация» нужно понимать геотнoкультурную систему. Именно она представляет собой исторически сложившуюся общность людей, объединенных особенностями культуры, психики, сознанием своего единства. Не последнее место играет и территориально-географическая целостность,

локализованная в пределах определенного ареала, формируемого под взаимодействием этнических общностей и территориальных общественных систем [Белозёров 2012, с. 53–59]. Современные отечественные исследователи Б. Н. Кузык и Ю. В. Яковец считают, что «в России, как и во всем мире, понятие «цивилизация» отличается чрезвычайно широкой палитрой концепций и идей, а становление науки о цивилизациях еще не завершилось» [Кузык, Яковец 2008, с. 110]. Подобная точка зрения современных отечественных исследователей свидетельствует о нескольких вещах. *Во-первых*, общепризнанная парадигма в определении цивилизаций пока не сформирована. *Во-вторых*, процессы ее формирования ведутся различными научными школами. Как бы то ни было, многие отечественные и зарубежные ученые признают, что процессы глобализации выводят роль цивилизаций на абсолютно новый уровень и делают их новыми акторами на мировой арене [Белозёров 2012; Касюк, Харичкин 2015; Кузык, Яковец 2008].

Исследователями признается, что для формирования цивилизации требуется наличие определенной цивилизационной сущности – идентичности. Под идентичностью в современной науке понимается «принадлежность индивида, этноса или государства к определенной цивилизации» [Новая философская энциклопедия 2001, с. 535]. Идентификация себя в качестве представителя определенной цивилизации придает индивиду чувство целостности и культурной доминанты, которая влияет на восприятие им событий в социальной среде, а также политической конъюнктуры общества. Являясь существом биосоциальным, человек дает оценку событиям с точки зрения традиций своей культуры, а следовательно, в каждом регионе выделяется своя политическая идентичность и политические ценности.

Под политическими ценностями следует понимать «выраженные во мнениях, суждениях позитивные ориентации людей на различные объекты и состояния политического бытия; представления о наиболее важном и значимом в политике» [Политология... 2006, с. 204]. Политическая идентичность представляет собой совокупность нематериальных универсальных ценностей, присущих определенному обществу с учетом социокультурных особенностей [там же, с. 201]. Таким образом, политическая идентичность является особым измерением политической жизни сообщества, связанным

с определением сообщества в политических категориях в процессе соотнесения с определенными политическими институтами. Таким образом, можно предположить, что именно вырабатывает специфическую для сообщества и его членов форму участия в политическом процессе, в том числе и взаимоотношения с другими участниками политического процесса, не являющимися членами данного сообщества.

Интересным для изучения предстает латиноамериканский регион, общества которого переживают бурные процессы самоидентификации по сравнению с другими регионами мира. В них политический процесс влияет на общественное сознание и в то же время прямо пропорционально отражается на политическом процессе во всем регионе. На современном этапе происходит переход на новый уровень развития цивилизационной идентичности в латиноамериканском социуме, отмечается формирование политической идентичности на наднациональном уровне. Учитывая тенденцию к регионализации в условиях глобализации, а также рост наднациональных региональных политико-экономических организаций, которые являются отражением цивилизационной сущности определенного региона, политическая идентичность становится частью цивилизационной идентичности. В данном контексте цивилизационная идентичность означает «высший уровень социальной идентичности индивида, этноса, народа или группы близких народов, подразумевающий осознание культурной и исторической общности в рамках определенной цивилизации» [Новая философская энциклопедия 2001, с. 706]. Таким образом, цивилизационная идентичность подразумевает наличие системообразующих элементов, формирующих самоотжествленность цивилизации.

В настоящее время в науке отсутствует единство относительно того, сколько цивилизаций существует на планете. Выделяют следующие цивилизации: африканскую, буддистскую, западную, индуистскую, исламскую, латиноамериканскую, православную, китайскую, японскую. Все они имеют свои отличия и определенные особенности, которые делают их по-своему уникальными. С. Хантингтон выделяет следующие критерии, отличающие одну цивилизацию от другой: язык, история, религия, обычаи, институты, самоидентификация людей [Хантингтон 2003, с. 32].

Среди латиноамериканских исследователей цивилизационной проблематикой занимаются Д. Ф. Сармьенто, Х. Васконселос,

Л. Сэа, Д.Рибейро и др. Именно они, представители культуры Латинской Америки, очертили латиноамериканскую цивилизацию и выделили особую цивилизационную идентичность региона. Значительное влияние на современное олицетворение идеи уникальной цивилизационной модели и на процессы цивилизационной самоидентификации жителей Латинской Америки оказал Х. Ортега-и-Гассет. Он разработал идею о дихотомии «подлинности – неподлинности», согласно которой человек по своей природе склонен идентифицировать себя с той или иной культурной средой [Ортега-и-Гассет 1997, с. 465]. Указанные латиноамериканские ученые совершили перелом в интерпретации действительности современного латиноамериканского мира, начав дискуссию об особом пути для всей Латинской Америки. Кроме того, они обратили особое внимание на то, что корректное название их родины – Латинская Америка (понятие, появившееся благодаря картографу М. Вальдземюллеру), а не Ибероамерика, Испанская Америка или Испаноамерика, как выражаются оппоненты латиноамериканской цивилизации, старающиеся подчеркнуть несостоятельность теории о ее формировании [Waldseemüller 1908].

Ареал распространения латиноамериканской цивилизации охватывает территории и страны, находящиеся на американских континентах к югу от Рио-Гранде до мыса Горн, где говорят на испанском и португальском языках. В данное сообщество можно также включить государства Латино-Карибского бассейна, но с небольшими оговорками:

- 1) значительное число стран Латино-Карибского бассейна незначительны по размерам и не играют ведущей роли в интеграционных процессах региона;
- 2) многие из них находятся в экономической зависимости от США;
- 3) большинство государств Латино-Карибского бассейна отличаются от стран Латинской Америки по этническому составу и культуре.

Несмотря на то, что некоторые государства этого региона не являются полноправными представителями латиноамериканской цивилизации, ввиду языковых или культурных особенностей, они входят в большинство интеграционных объединений региона и активно участвуют в региональных интеграционных процессах.

Цивилизационная модель имеет неизмеримое значение для Латинской Америки, так как она объединяет в себе многие логические схемы развития, в том числе политические, социально-экономические и духовно-культурные. Кроме того, формирование цивилизационной идентичности невозможно без ее этнического субстрата и цивилизационно-детерминированной личности.

У Латино-Карибской Америки немало общих признаков, отличающих ее от остального мира. Так, например:

- 1) политическое и социокультурное сходство, включающее лингвистическую близость в основном массиве;
- 2) господство универсальной религии – католичества;
- 3) общее доколумбовое и колониальное прошлое;
- 4) «запоздалое» включение в мировой экономический и политический процессы.

Некоторые государства Латинской Америки не имеют цивилизационного сходства с латиноамериканской цивилизацией из-за исторической близости с непиренейскими европейскими государствами. Например, Мартиника и Гваделупе (Франция), Кюрасао (Голландия), Багамы, Барбадос (Великобритания) и др. Пуэрто-Рико имеет статус особого юридического субъекта США. Под влиянием США также находится Панама. Ко всему прочему, к таким государствам относятся Гайана (Великобритания), Гвиана (Франция), Суринам (Нидерланды).

В настоящее время латиноамериканские страны стараются найти точки соприкосновения для дальнейшего углубления интеграции на базе общей цивилизационной идентичности. Результат этих процессов зависит не только от народов, населяющих государства, но и от правительств стран региона, так как именно ими осуществляется сотрудничество в рамках межправительственных объединений и субрегиональных организаций. Интеграция на базе общих культурологических и исторических особенностей представляется весьма вероятной, несмотря на политическое и экономическое воздействие извне, влияющее на дальнейшую судьбу формирующейся латиноамериканской цивилизации.

В то время пока США и страны ЕС, имеющие влияние в Латинской Америке и не желающие как формирования общего латиноамериканского рынка, так и укрепления этого региона как единой политической силы, заняты разрешением собственных проблем,

политические лидеры Латинской Америки могут достичь прорыва в выработке общей программы развития континента.

На основе вышесказанного можно предположить, что латиноамериканский регион имеет мощный цивилизационный фундамент, который может способствовать инкорпорированию разнообразных интеграционных процессов. Эти процессы проистекают как на межправительственном, так и на надгосударственном уровне. Так или иначе, конвергентные тенденции в данном регионе напрямую зависят не только от внутренней политической конъюнктуры, но и от цивилизационных детерминант, которые дают о себе знать во всех сферах жизни латиноамериканцев. Будучи фактором интеграции государств Латинской Америки, формирование цивилизационной идентичности оказывает также влияние на внешнеполитический курс стран. Это влияние в конечном итоге выражается в определенных последствиях на международные отношения и мировую политику.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Белозёров В. К.* Геополитические интересы России и перспективы их реализации // *Геополитика и безопасность*. 2012. № 3. С. 53–59.
- Капто А. С.* Энциклопедия мира: в 2 т. Т. 2. М.: Академия, 2013. 672 с.
- Касюк А. Я., Харичкин И. К.* Внешние угрозы национальной безопасности Российской Федерации и перспективы их нейтрализации // *Вестник МГУ*. 2015. № 1. С. 25–34.
- Кузык Б. Н., Яковец Ю. В.* Цивилизации: теория, диалог, будущее: в 6 т. Т. 2: Будущее цивилизаций и гецивилизационные измерения. М.: Институт экономических стратегий, 2008. 648 с.
- Новая философская энциклопедия: в 4 т. / под ред. В. С. Степина. М.: Мысль, 2001. 2660 с.

УДК: 323.2

Д. Ю. Знаменский

кандидат политических наук, доцент кафедры государственного управления и политических технологий Государственного университета управления; e-mail: belyferz@list.ru

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО РАЗВИТИЮ НАУЧНОГО ПОТЕНЦИАЛА ВУЗОВ: ТЕХНОЛОГИИ РЕАЛИЗАЦИИ

В статье раскрывается проблема реализации государственной политики по развитию научного потенциала высшей школы России. Ее актуальность подтверждается вниманием к данному вопросу со стороны государственной власти и научного сообщества.

Автором дан достаточно полный обзор практики применения различных технологий реализации государственной политики в сфере развития вузовской науки. Результаты исследования могут быть положены в основу концепции соответствующего направления государственной политики.

Ключевые слова: политическая система; политический процесс; политические институты; государство; государственная политика; научный потенциал высшей школы; технологии реализации государственной политики.

Znamenskiy D. Y.

PhD (Political Sciences), Associate Professor, Department of Public administration and political technologies, State University of Management ; e-mail: belyferz@list.ru

TECHNOLOGIES OF REALIZATION OF STATE POLICY FOR DEVELOPMENT OF SCIENTIFIC POTENTIAL OF HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS

In article the problem of realization of public policy on development of scientific potential of the higher school of Russia reveals. Its relevance is confirmed by attention to the matter from the government and scientific community.

The author has given rather full review of practice of use of various technologies of realization of public policy in the sphere of development of high school science. Results of a research can be the basis for the concept of the corresponding direction of public policy.

Key words: political system; political process; political institutes; state; public policy; high school's scientific potential; technologies of public policy realization.

Проблематика развития вузовского сектора науки за последние годы приобрела особую актуальность. Об этом свидетельствуют как издаваемые государственной властью нормативные и стратегические документы (например, Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации, утвержденная Указом Президента РФ от 1.12.2016 г. № 642), так и публикации ряда отечественных исследователей [Галлямова, 2017; Преображенский, 2009; Терехнев, 2015].

Ведущая роль государства в процессе реализации политики по управлению научным потенциалом отечественной высшей школы бесспорна. Вместе с тем нельзя не обратить внимание на тенденции последних лет, а именно: с одной стороны, формирование принципиального запроса научного (в том числе вузовского) сообщества на участие в формировании и реализации данной политики [Знаменский 2016а], с другой – активное привлечение к процессу ее реализации организаций так называемого третьего сектора, т. е. НКО.

В данном контексте становится актуальным вопрос о технологиях взаимодействия власти и гражданского общества в реализации рассматриваемого направления государственной политики. При этом сами по себе указанные технологии, как представляется, целесообразно понимать как повторяющиеся и последовательно применяемые приемы, способы воздействия на население (либо его отдельные слои), используемые политическими акторами для достижения политических целей [Харичкин 2013].

Рассматривая технологии реализации государственной политики по управлению научным потенциалом высшей школы, нельзя не уделить внимание мировой практике в данной области.

Так, стремление увеличить «отдачу» университетов и других организаций государственного сектора науки вызвало к жизни эксперименты по реформированию их систем. Предпринимаемые в этом направлении усилия разнообразны. В некоторых странах идут по пути централизации – объединения под управлением министерств науки и технологии или образования. В других – проводят приватизацию государственных научно-исследовательских институтов и лабораторий, превращая их в самостоятельные агентства (Великобритания, Япония). Еще один способ оптимизации научной системы усматривается в распространении конкурсного

тематического финансирования государственных научных организаций и в развитии их взаимодействия с корпоративной наукой.

Таким образом, университеты будут стремиться к расширению взаимодействия с различными общественными группами, заинтересованными в науке. В одних странах при них создаются специальные подразделения для сотрудничества с производственной наукой. В других – либерализируют законодательство в области интеллектуальной собственности, облегчая передачу «государственных» патентов и лицензий в корпоративный сектор, таким образом, что доходы от коммерциализации поступают в распоряжение научной организации, содействуя поддержанию и развитию ее деятельности.

Характерна и значима тенденция повышения уровня автономности научных организаций – от права самостоятельно определять тематику исследований до свободы в установлении штатной структуры и размера должностных окладов.

Длительный опыт подтвердил общие достоинства схемы грантового финансирования, обеспечивающей высокую отзывчивость науки на запросы со стороны различных общественных групп.

В ряде стран развивается практика создания совместных университетско-промышленных лабораторий либо временных (на срок до 5 лет) групп прикладников и технологов в университетских структурах. В подобных случаях возникает проблема конкретизации ответственности за управление такими группами. Расширяется практика временного прикомандирования работников исследовательских организаций к университетам для повышения квалификации и подготовки диссертационных работ, направления студентов на стажировки в исследовательские институты и т. п.

Подобная практика активно применяется и в российских вузах. Примечателен здесь пример сотрудничества Дальневосточного федерального университета и Дальневосточного отделения РАН. Так, основными формами интеграции академических институтов и вузов Дальнего Востока выступают базовые кафедры и филиалы кафедр, на которых читают лекции ведущие ученые ДВО РАН, научно-образовательные центры, лаборатории, центры коллективного пользования научным оборудованием, центры научно-производственной практики студентов и аспирантов и т. д. [Галлямова 2017].

Приведенный пример наглядно иллюстрирует одно из главных направлений государственной политики по развитию научного потенциала высшей школы – интеграцию академической науки и высшего образования. Вообще же, переходя к рассмотрению российской практики реализации данного направления государственной политики, следует отметить, что методологической базой большинства соответствующих технологий служит программно-целевой метод. Его логика предполагает объединение целей, задач, сроков, методов и показателей результативности реализации политики, а также мониторинг соответствующих промежуточных результатов.

С точки зрения практического применения программно-целевых методов в рамках реализации государственной политики по управлению научным потенциалом (в том числе вузовским) существенный интерес представляет опыт США. Так, американская практика реализации государственного научного бюджета на протяжении последних 40 с лишним лет находилась под активным воздействием программно-целевых методов управления ресурсами. В значительной мере становлению программно-целевой организации НИОКР способствовал поиск эффективных инструментов анализа и оценки финансируемых государством программ исследований и разработок.

Для методов, используемых на начальном этапе целевого и организационно-финансового оформления программ, характерно привлечение понятий «анализ программ», «анализ воздействия». Основу их составляют экспертные оценки, опирающиеся на качественный анализ без привлечения сложных математических моделей и количественных расчетов.

На промежуточном и завершающем этапах реализации программ проводится их оценка, опирающаяся на более широкий арсенал средств, среди которых качественные методы (экспертиза), полуколичественные методы (историографическое исследование наиболее важных научных достижений, исследование по «ключевым событиям», или та же экспертиза, если ее решения основаны на системе взвешенных коэффициентов) и количественные методы (анализ «затраты – выпуск» или библиометрические исследования) [Наука и научная политика... 1996].

Следует отметить, что программно-целевой метод не подразумевает создание комплексного механизма и системы критериев и показателей для оценки государственной политики. Оценке подлежат лишь конкретные федеральные, региональные и ведомственные целевые программы, которая, как правило, в конце концов, сводится к измерению степени достижения их целей, но никак не социального эффекта.

Как отмечается в «Концепции развития образования в Российской Федерации на 2016 – 2020 гг.», в настоящий момент в РФ осуществляется интенсивное внедрение программно-целевых методов управления государственными программами и проектами. Предполагается, что программно-целевые инструменты Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований должны стать ключевым механизмом, с помощью которого связываются стратегическое и бюджетное планирование.

В нормативно-правовых актах РФ целевая программа трактуется как увязанный по ресурсам, исполнителям и срокам осуществления комплекс научно-исследовательских, производственных, опытно-конструкторских, социально-экономических, организационно-хозяйственных и иных мероприятий, обеспечивающих эффективное решение задач в области государственного, экономического, экологического, социального и культурного развития РФ [Преображенский 2009].

Исходя из анализа всего комплекса документов, определяющих методику оценки эффективности разного рода программ и мероприятий в рамках государственной политики по управлению научным потенциалом высшей школы, можно сделать следующие выводы:

- 1) государственная политика не должна оцениваться по тем же критериям, что и социально-экономическое положение в стране;
- 2) не следует также сводить оценку эффективности публичной власти только к экономической эффективности, как это практикуется сегодня;
- 3) требуется подчеркнуть необходимость сбалансированности системы критериев оценки эффективности государственной научно-технической политики по экономическим, экологическим и социальным показателям;

4) показатели должны отражать реальную работу власти, которые не должны быть избыточными;

5) особое внимание необходимо уделять независимой, общественной оценке, осуществляемой институтами гражданского общества.

Рост значения различных групп интересов и профильных социально ориентированных НКО на стадии реализации государственной политики по управлению научным потенциалом высшей школы уже отмечался нами в начале статьи.

Уместным будет напомнить, что в соответствии с федеральным законодательством, социально ориентированными признаются НКО, созданные в предусмотренных законом формах и осуществляющие деятельность, направленную на решение социальных проблем, развитие гражданского общества в РФ, а также, помимо прочего, деятельности в области образования, просвещения, науки [Взаимодействие государства... 2015]. Представляется очевидным, что в рамках настоящего исследования к социально ориентированным НКО можно отнести самые разнообразные общественные структуры, в том числе Российский союз ректоров, Российский союз молодых ученых и иные акторы, принимающие участие в реализации государственной политики по развитию вузовской науки.

Данные структуры могут выступать получателями бюджетных средств по целевым программам поддержки науки федерального, регионального и ведомственного уровней. Анализируя мировые тенденции в рассматриваемой области, стоит подчеркнуть, что первоочередное внимание в данном контексте уделяется организациям, посредничающим между правительствами и исследовательскими структурами. Так, в ряде стран действуют специальные правительственные фонды для финансирования приоритетных исследовательских проектов, выдвигаемых начинающими учеными.

Что касается конкретных методов и технологий взаимодействия государства и социально ориентированных НКО в области реализации политики по развитию научного потенциала высшей школы, то речь в данном случае, как представляется, должна идти в первую очередь о государственной поддержке указанных структур. Безусловно, получение такой поддержки возможно при условии наличия у организации официального статуса социально

ориентированной НКО и ее включения в соответствующий реестр. Думается, что в первую очередь речь идет об информационной и экономической поддержке указанных организаций. Под первой, как правило, понимается создание федеральных, региональных и муниципальных информационных систем и информационно-телекоммуникационных сетей и обеспечения их функционирования в целях реализации государственной политики в области поддержки социально ориентированных НКО. Что касается форм экономической поддержки, то, как представляется, речь здесь должна идти, *во-первых*, о прямой финансовой, имущественной, а также консультационной поддержке НКО; *во-вторых*, содействии в области подготовки, переподготовки и повышения квалификации соответствующих работников и волонтеров; *в-третьих*, предоставлении социально ориентированным НКО и лицам, оказывающим им материальную поддержку, льгот по уплате налогов и сборов в соответствии с законодательством о налогах и сборах.

Большой интерес в этой связи представляет анализ практики реализации таких форм взаимодействия государства, общественности и бизнеса, как социальный грант и социальный заказ. Уникальность этих механизмов подчеркивается многими исследователями и заключается в поддержке общественных инициатив на принципах софинансирования. По мнению исследователей феномена социального гранта и социального заказа в России, их широкомасштабное внедрение в практику реализации государственной политики (в том числе в рассматриваемой сфере) позволит решить ряд общественно значимых задач: повышение уровня активности гражданского общества в области развития вузовской науки, создание развитой сети междисциплинарных и межсекторных исследований, привлечение дополнительных интеллектуальных ресурсов для более полной и эффективной реализации актуальных общественных инициатив и др. Однако, несмотря на очевидную эффективность данных механизмов, неоднократно подтвержденную как зарубежной, так и отечественной практикой, до сих пор на федеральном уровне системы социального заказа и гранта не создано [Гимазова, Омельченко 2011].

Нельзя не отметить, что в рамках реализации государственной политики по управлению научным потенциалом высшей школы роль НКО не сводится к пассивному получению и освоению

бюджетных средств. Например, данные организации могут выступать инициаторами научно-исследовательских и иных проектов, под которые выделяется финансирование по существующим государственным программам.

Кроме того, многими авторами отмечается всё более характерная для современной российской политической системы тенденция задействия посреднических структур в отношениях между властью и гражданским обществом [Сунгуров 2015]. Не являются исключением и процессы рассматриваемого направления государственной политики. В качестве наиболее яркого примера подобных посреднических технологий можно привести технологии функционирования Общественной палаты Российской Федерации, а также аналогичных региональных и локальных структур.

Задача Общественной палаты России состоит в согласовании общественно значимых интересов граждан, общественных объединений, органов государственной власти и местного самоуправления для решения наиболее важных вопросов экономического и социального развития, обеспечения национальной безопасности, защиты прав и свобод граждан, конституционного строя и демократических принципов развития гражданского общества в РФ, в том числе путем:

а) привлечения граждан и общественных объединений к реализации государственной политики;

б) выдвижения и поддержки гражданских инициатив, имеющих общероссийское значение и направленных на реализацию конституционных прав, свобод и законных интересов граждан и общественных объединений;

в) проведения общественной экспертизы (экспертизы) проектов федеральных законов и проектов законов субъектов РФ, а также проектов нормативных правовых актов органов исполнительной власти РФ и проектов правовых актов органов местного самоуправления;

г) осуществления общественного контроля за деятельностью Правительства РФ, федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов РФ и органов местного самоуправления;

д) выработки рекомендаций органам государственной власти РФ при определении приоритетов в области государственной

поддержки общественных объединений и иных объединений граждан, деятельность которых направлена на развитие гражданского общества и т. д.

Реализации указанных целей могут способствовать такие формы непосредственного взаимодействия Общественной палаты с законодательной и исполнительной властью, как участие членов Общественной палаты в заседаниях Правительства, пленарных заседаниях палат Федерального собрания, их комитетов и комиссий, а также на заседаниях коллегий федеральных органов исполнительной власти [ФЗ «Об Общественной палате Российской Федерации»... 2005].

Стоит отметить, что на сегодняшний день общественные палаты учреждены практически во всех субъектах РФ и в 90 % крупных муниципальных образований России, причем формат их участия в деятельности органов власти соответствующего уровня во многом аналогичен. Вместе с тем нельзя не отметить, что в условиях, когда регулирование их деятельности и порядок их избрания зависят от законотворческой воли главы и представительного законодательного органа власти данного уровня, результативность деятельности общественных палат определяется лояльностью к этим структурам власти.

Таким образом, к настоящему времени в России постепенно накапливается практика взаимодействия органов государственной власти, институтов гражданского общества и вузов в рамках реализации политики по управлению научным потенциалом высшей школы. Резонно будет предположить, что результатом обобщения имеющихся практических наработок может стать концепция соответствующего направления государственной политики.

Представляется, что характеристика подобной концепции может строиться исходя из описанного нами в целом ряде научных публикаций системно-динамического подхода [Знаменский, 2014а, 2014б, 2016б]. Это означает, что примерные контуры такой концепции должны охватывать:

во-первых, пространственные аспекты данной политики (включая систему ее целей и приоритетов, основные направления, нормативно-правовые и институциональные основы);

во-вторых, ее временной компонент, предполагающий описание основных этапов ее осуществления;

в-третьих, технологический компонент политики (последовательно раскрывающий два принципиальных аспекта: технологии оценки научного потенциала высшей школы России и технологии взаимодействия государства с различными политическими институтами в процессе формирования политики, ее реализации и оценки ее результативности).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Взаимодействие государства и социально ориентированных некоммерческих частных организаций: Коллективная монография / Ю. В. Гимазова и др. М. : Издат. дом ГУУ, 2015. 112 с.
- Галлямова Л. И. Интеграция академической науки и высшей школы как фактор интеллектуального потенциала Тихоокеанской России // Россия и АТР. 2017. № 1 (95). С. 35–48.
- Гимазова Ю. В., Омельченко Н. А. Российский опыт взаимодействия органов государственной власти с негосударственными некоммерческими организациями // Вестник университета (Гос. ун-т управления). 2011. № 11. С. 22–36.
- Елохов А. М., Елохова Т. А. Стратегическое программно-целевое управление: монография / Зап.-Урал. Ин-т экономики и права. Пермь, 2015. 112 с.
- Знаменский Д. Ю. Государственная политика по управлению научным потенциалом высшей школы: институциональный аспект // Гуманитарные науки. Вестник Финанс. ун-та. 2016а. Т. 6. № 4 (24). С. 19–27.
- Знаменский Д. Ю. Научный потенциал высшей школы как объект государственной политики // Общество: политика, экономика, право. 2016б. № 6. С. 17–19.
- Знаменский Д. Ю. К вопросу о применении системно-динамического подхода к исследованию процесса формирования и реализации государственной научно-технической политики // Социодинамика. 2014а. № 7. С. 50–63.
- Знаменский Д. Ю. Системно-динамический подход к исследованию процесса формирования и реализации государственной политики // Теория и практика общественного развития. 2014б. № 12. С. 104–106.
- Наука и научная политика: оценка результатов, отбор проектов, приоритеты / отв. ред. А. М. Дынкин и др. М. : ИМЭМО, 1996. 288 с.
- Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды / под ред. А. М. Руткевича. М. : Весь мир, 1997. 704 с.
- Политология. Словарь / под ред. Ю. Ю. Петрунина, М. И. Панова. М. : КДУ, 2006. 512 с.

- Преображенский Б. Г.* Взаимодействие высшей школы и государства – условие эффективного развития научного потенциала // *Успехи современного естествознания*. 2009. № 6. С. 74–76.
- Райзберг Б. А.* Современный экономический словарь. М.: ИНФРА-М, 1999. 479 с.
- Сунгуров А. Ю.* Как возникают политические инновации: «фабрики мысли» и другие институты-медиаторы. М.: Политическая энциклопедия, 2015. 383 с.
- Теребнев Л. В.* Научный потенциал высшей школы управления: определение, структура и научно-исследовательская деятельность студентов // *Науч. тр. СЗИУ РАНХиГС*. 2015. Т. 5. Вып. 5(17). С. 137–151.
- Федеральный закон от 04.04.2005 № 32-ФЗ «Об Общественной палате Российской Федерации».
- Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003. 603 с.
- Харичкин И. К.* О понятии «политические технологии» // *Вестник университета (Гос. ун-т управления)*. 2013. № 8. С. 75–78.
- Waldseemüller M.* The Cosmographiae Introductio. US, N. Y.: The US Catholic Historical Society, 1908. 289 p.

Э. Ф. Макаревич

доктор социологических наук; профессор кафедры связей с общественностью Института международных отношений и социально-политических наук, МГЛУ; e-mail: edward.makarevich@mail.ru

СТРУКТУРА И ВОЗМОЖНОСТИ «МЯГКОЙ СИЛЫ»

В статье рассматриваются структура и возможности «мягкой силы», которые отражены в ее понятии, и используются в глобальном мире. Возможности «мягкой силы» основываются на привлекательности ее ресурсов (материальной и духовной культуре, культуре жизни людей, политических идеях и ценностях, истории), на привлекательности ее потенциала, который измеряется определенными методами. «Мягкая сила» становится ключевым фактором информационной политики в условиях конкуренции стран и международных союзов.

Ключевые слова: «мягкая сила»; структура «мягкой силы»; ресурсы «мягкой силы»; потенциал «мягкой силы»; измерение «мягкой силы»; стратегии «мягкой силы».

Makarevich E. F.

Doctor of Sociology (Dr.habil), Professor, Department of Public Relations, Institute of International Relations and Social and Political Sciences (Faculty), MSLU; e-mail: edward.makarevich@mail.ru

«SOFT POWER» STRUCTURE AND ITS POSSIBILITIES

The article deals with the «soft power» structure and its possibilities which are based on the attractiveness of its resources (material and mental culture, culture of the people life, political ideas and values, history) and on the attractiveness of its potential. This potential is measurable. The «soft power» becomes a key factor of the information policy in the competitive environment of countries and international unions.

Key words: «soft power»; «soft power» structure; «soft power» resources; «soft power» potential; «soft power» measurement; strategy of «soft power».

Понятие «мягкая сила»

В конце 1980-х гг. Джозеф С. Най (младший), профессор Гарварда, провозгласил существование «мягкой силы» и теоретически обосновал это явление. И хотя «мягкая сила» существовала в течение многих веков, заслуга Дж. Ная в том, что он дал ей определение и стимулировал научное сообщество исследовать ее возможности и эффективность влияния на страны и народы в разные исторические периоды.

Если военная сила принуждает какую-либо сторону к миру угрозами и оружием, если экономическая сила убеждает и одновременно принуждает санкциями, налогами, пошлинами, то «мягкая сила» не принуждает, она привлекает ценностями, культурой, политическими идеями, историей, которые «подаются» мягко, увлекательно, посредством коммуникаций и публичной дипломатии, образов и мифов, ярких персонажей, вызывающих восхищение публики; посредством образа жизни, нового вещного мира, который предлагает страна-лидер. Поэтому Дж. Най говорит: «Большая часть американской “мягкой силы” была произведена Голливудом, Гарвардом, Майкрософтом и Майклом Джорданом» [Nye 2004, с. 17].

«Мягкая сила» в трактовке Дж. Най, – это использование привлекательности материальной и духовной культуры, истории, политических идей, системы образования, которые в конечном счете эффективны во влиянии на политическую, интеллектуальную и художественную элиту общества, на массовую аудиторию как в своей стране, так и в странах, на которые пытается влиять страна, имеющая мощную «мягкую силу». Предлагаемая им структура «мягкой силы» – это работа международных экспертов и советников, организаций гражданского общества, деятельность глобальных массовых коммуникаций, продвижение определенных установок и стандартов мышления, поведения и потребления, привлекательных прежде всего для молодого поколения.

В своем историческом развитии «мягкая сила» стала инструментом политических изменений, чему способствовали информационные технологии, которые стали с определенного периода средой обитания этой силы. «Мягкая сила» незаметна в своем действии, в отличие от действия пропаганды. Если в прошлом «мягкой силой» управляла власть, то ныне в ее управлении участвуют и структуры гражданского общества, координируемые современными PR. Этот тип управления является следствием особенностей содержания «мягкой силы», а содержание «мягкой силы» – это ее ресурсы и ее потенциал, которые определяют ее возможности.

Ресурсы «мягкой силы»

Ресурсы «мягкой силы», как их определяет Дж. Най, – это активы, «производящие привлекательность» [Nye 2004, с. 8].

Накопление этих активов шло десятилетиями, а некоторых и столетиями. Ресурсные активы – это прежде всего культура, духовная и материальная, привлекательная для других. Мощь духовной культуры выражается творчеством выдающихся мастеров – писателей, поэтов, театральных и кинематографических деятелей, режиссеров, художников и композиторов, чьи произведения, спектакли, кинофильмы, представления приобрели мировое звучание. Критерий, по которому их можно отнести к мировым величинам – это известность в мире, тиражи их книг, переведенных на языки мира, тиражи музыкальных записей, частота исполняемых произведений; это мощь того влияния, которое они оказали на мировую культуру, на творчество, на стилистику творцов слова, экрана и сценических постановок в других странах.

Система образования может стать как объектом воздействия «мягкой силы», так и ее ресурсом. В первом случае – это активное внешнее влияние на реформирование российского массового образования в 1994–1995 гг. со стороны Всемирного банка, при поддержке фонда Сороса, правительств Великобритании, Финляндии, Франции, Японии и Нидерландов. Но под влиянием другой «мягкой силы» со стороны политических партий, церкви, гражданского общества к 2017 г. российская система массового образования вновь претерпела значительные изменения, в центре которых воспитание познавательных и нравственных качеств личности. Второй случай, когда система образования, как «мягкая сила» повлияла на реформирование образования в другой стране, связан с полетом первого в мировой истории искусственного спутника Земли, осуществленного Советским Союзом 5 октября 1957 г. Это мировое достижение в сфере материальной культуры продемонстрировало силу советского образования, сделав его привлекательным для других. Советский «Спутник» стимулировал американскую науку и образование, стал той «мягкой силой», что заставила реформироваться американские научные центры, университеты и американские школы.

Привлекательность культуры материальной связана с техническим талантом народа той или иной страны, владеющего методами эффективного производства, достигшего впечатляющих успехов, у которого учатся другие народы. Материальная культура страны, в которой ключевую роль играют наука, инженерные проекты,

инженерные и научные таланты, организация дела, стала той «мягкой силой», которая влечет те страны, которые озабочены своим промышленным и экономическим развитием. Но эта же культура влечет и специалистов из разных стран, желающих предложить свои таланты, обрести свою профессиональную судьбу в стране высокой материальной культуры.

Материальная культура касается качества и условий жизни людей. Это культура жизни, которая включает образ жизни, диктуемый системой потребления; социальные блага в виде зарплат, пенсий, льгот, субсидий, медицинского обслуживания; культуру жизнеобеспечения. И здесь многое определяют «прорывные» технологии, благодаря которым создается массовое производство привлекательных предметов жизнеобеспечения людей. Это производство носит самостоятельный характер, ибо замкнуто на человека, на удовлетворение его физиологических, материальных и духовных потребностей, на обеспечение его образа жизни, его быта.

Производство ценностей жизнеобеспечения, быта имеет право претендовать на самостоятельный вид материальной культуры, потому что эти ценности своей привлекательностью и новизной влияют в немалой степени на сознание людей, их установки, настроение, психологию, касаются каждого человека. Как отмечал Ж. Эллюль, чтобы быть эффективной, пропаганда должна быть незаметной. Стремление к обладанию привлекательной вещью и делает пропаганду незаметной.

Важнейший ресурс «мягкой силы» – это история, политические идеи, общественно-политические ценности. К ним относятся ценности свободы, равенства и братства, рожденные еще Великой французской революцией; ценности демократии, парламентаризма и самоуправления, ставшие объектом политической борьбы в странах Западной Европы и США; ценности социализма в трактовке В. И. Ленина: «Советская власть + прусский порядок железных дорог + американская техника и организация трестов + американское народное образование etc. etc. + + = E = социализм» [Ленин 1974, с. 550].

Президент США Ф. Д. Рузвельт избавил свою страну от изоляционизма, благодаря «мягкой силе» своей идеи «четырёх свобод» (свобода слова, свобода вероисповедания, свобода от нужды и страха), сочетая ее с «жесткой силой» [Най 2006]. В 2006 г. Дж. Най,

проведя контент-анализ «Стратегии национальной безопасности США–2006», определил, что слова «демократия» и «свобода» упоминаются более 200 раз, втрое чаще, чем в «Стратегии–2002». На основании этого Дж. Най делает вывод, что президент США Дж. Буш после вторжения американской армии в Ирак и провала попыток найти там оружие массового уничтожения или доказать связь между С. Хусейном и терактами 11 сентября на американской земле всё больше внимания стал уделять «мягкой силе» – демократизации [Най 2006].

Из новейших приобретений «мягкой силы» в сфере политических ценностей назовем суверенную демократию – ценность, провозглашенную Россией. В 1994 г. государственный секретарь США У. Кристофер заявил, что успешная трансформация новых независимых государств в суверенные демократии является центральным звеном европейской стабильности [Национализация будущего... 2006].

Привлекательность истории и политических идей – это интерпретация исторических событий и политических идей, делающая их эффективным средством влияния в мире.

К ресурсам «мягкой силы» относится Церковь, которая объединяет людей на основе веры, на основе единого учения – Священного Писания, объединяет храмы как место отправления религиозного культа, выступающего как ритуал, в процессе которого верующий отрешается от себя, растворяясь в общем, в коллективном единстве. О том, что делает привлекательной для людей религию как «мягкую силу» убедительно говорил еще Карл Маркс в XIX в.: «Религия есть общая теория этого мира, его энциклопедический компендиум, его логика в популярной форме, его спиритуалистический Point d'honneur (вопрос чести), его энтузиазм, его моральная санкция, его торжественное восполнение, его всеобщее основание для утешения и оправдания» [Маркс, Энгельс 1955, с. 414]. Сегодня церковь в России как привлекательная «мягкая сила» влияния, становится охранителем социальной справедливости и совести. Российский патриарх Кирилл, выступая в Госдуме в рамках Рождественских парламентских чтений в январе 2017 г., заявил, что считает необходимым обуздать деятельность организаций, занимающихся микрокредитованием: «Эти займы предоставляются без формальностей, но под огромные проценты, доходящие до

нескольких сотен... Призываю Государственную Думу поставить законодательную преграду на пути финансовых спекулянтов подобного рода... Подобные «бизнесмены» не могут быть названы иначе, чем мироедами, своей жадностью подрывающими саму идею общественной справедливости». Патриарх обращает внимание: «Это озабоченности, которые передаются через наши приходы и монастыри. Это действительно чаяния народа, лишенные какой-либо политической составляющей» [Доклад Святейшего Патриарха... 2017].

Потенциал «мягкой силы» и его измерение

Определяя ресурсы «мягкой силы», следует фиксировать их потенциал как некое интегральное понятие. Потенциал «мягкой силы» – это возможности государства и общества во влиянии на другие страны, на население этих стран, с целью добиться расположения этих стран, благоприятного восприятия образа страны, инициирующей действия «мягкой силы». Потенциал – это, по сути, сила «мягкой силы», своего рода силовое поле в области культуры, общественно-политических ценностей, веры, что придает церкви политических акций, имеющих высокий моральный «вес».

Потенциал «мягкой силы» измеряется *привлекательностью* этой силы. В силу своей привлекательности «мягкая сила» не вызывает сопротивления, поэтому она более эффективна во влиянии на людей. Эту привлекательность помогают определить:

1) рейтинги той или иной страны в сфере «мягкой силы» в сравнении с другими странами, которые дают эксперты на основе своих оценок;

2) опросы граждан разных стран, которые выражают свои мнения в отношении той или иной «мягкой силы» конкретной страны.

За каждым рейтингом стоят либо международные организации (ООН, ВТО, ЮНЕСКО и др.), либо разного рода фонды и организации так называемого гражданского мира: Transparency International, Freedom House, The New Economics Foundation, Friends of the Earth, «Институт Земли» при Колумбийском университете (США), рассчитывающий индекс счастья населения, и иные. Штаб-квартиры этих «гражданских» организаций находятся, как правило, в США, Великобритании и ряде других стран

Евросоюза. Сегодня экспертами Программы развития Организации Объединенных Наций (ПРООН) совместно с группой независимых международных экспертов ежегодно рассчитывается Human Development Index (HDI) – Индекс человеческого развития (ИЧР) в странах и регионах мира. При расчетах, наряду с аналитическими разработками, используются статистические данные национальных институтов и международных организаций.

В Докладе о человеческом развитии 2010 г. эксперты Организации предложили новое понятие «развитие человека», соответствующее практике и научным исследованиям: это «процесс расширения свободы людей, обеспечивающий долгую, здоровую и творческую жизнь, достижение целей, которые обладают ценностью; позволяющий активно участвовать в обеспечении справедливости и устойчивости развития на планете». Исходя из этого определения, развитие человека измеряется следующими стандартами (они же критерии): 1) благосостояние, подразумевающее расширение реальных свобод человека; 2) расширение прав и возможностей, чтобы действовать и получать ценные результаты; 3) повышение социальной справедливости, уважение прав человека.

Основным стратегическим инструментом концепции человеческого развития является «Индекс человеческого развития» как совокупный показатель уровня развития человека в той или иной стране. Он измеряет достижения страны с точки зрения состояния здоровья, получения образования и фактического дохода ее граждан по определенным стандартам, соответствие которым оценивается системой индексов.

Согласно «Индексу человеческого развития» как совокупному показателю уровня развития человека, представленному в Докладе 2015 г. [Рейтинг стран мира... 2015]. Россия в рейтинге «Страны с высоким уровнем “Индекса человеческого развития”» занимала 50-е место (из 188 стран), пропустив впереди себя такие страны, как Португалия, Чили, Бруней, Кипр, Мальта, Эстония, Андорра, Латвия, Литва, Эстония, Черногория, Хорватия и др.

По другим мировым рейтингам РФ оценивалась следующим образом [Рейтинг стран мира... 2015]:

– по индексу восприятия коррупции (2012) вышла на 133-е место (из 174);

- по индексу экономической свободы (2013) занимает 139-е место (из 144) и относится к странам с преимущественно несвободной экономикой;
- по рейтингу глобальной конкурентоспособности (2012–2013) – 67-е место (из 144);
- по рейтингу «счастья населения» (2015 г.; оценка ресурсов, экологии, устойчивого развития) находится на 64-м месте (из 158 стран) [Всемирный индекс счастья... 2015].

В итоге интегральный образ России, заданный системой рейтингов, сводится к тому, что она имеет «среднее человеческое развитие», несвободная, экологически отсталая. России постоянно указывают на ее «нецивилизованность», «недемократичность», «неевропейскость».

Соотнесем этот «усредненный» образ с цивилизационным потенциалом России, т. е. с потенциалом «мягкой силы», влияющим на мировые цивилизации. Наша страна входит в узкий круг стран, которые могут производить самолеты, ракеты, космические корабли, авиационные и ракетные двигатели, морские суда и подводные лодки, автомобили и тракторы, строить атомные и гидроэлектростанции, создавать суперкомпьютеры и суперматериалы. Россия – значительная научная держава, унаследовавшая научные достижения Советского Союза. Страна имеет великую литературу, стоящую в одном ряду с итальянской, французской, немецкой, английской. Это – музыкальная держава, наряду с Италией, Германией, Францией и США, это передовая театральная и кинематографическая держава, имеющая свои творческие школы.

Поэтому образ, задаваемый рейтингами, и образ реальной России – часто конфликтны. Прежде всего из-за позиции экспертов, зависимой от «мейнстрима» массовых коммуникаций.

Оптимальный вариант, когда данные рейтингов соотносятся с данными опросов населения в целом ряде стран. Опросы – это второй метод измерения привлекательности «мягкой силы».

Британский социолог С. Анхольт и американская компания «Global Market Insite» (GMI занимается обработкой данных маркетинговых исследований) в 2006 г. оценили 35 развитых и развивающихся стран. Репутацию страны они определяли по семи индикаторам:

- туристическая привлекательность;

- интеллектуальная привлекательность – человеческий капитал (образование, деловая квалификация людей);
- качество экспортируемых товаров;
- справедливость правительства (уровень демократии);
- привлекательность культуры и спорта;
- инвестиционная привлекательность;
- привлекательность страны как места постоянного жительства.

Опросив 25 907 человек, социологи составили по пятибалльной системе рейтинг национальных брендов. В этом рейтинге Россия заняла 20-е место (из 35). Авторы исследования отметили, что россияне воспринимаются в мире как дружелюбные, приветливые, достигшие больших высот в спорте, культуре и науке.

Компания «Brand Finance» (BF) каждый из этих брендов оценила в деньгах, предположив, что бренд составляет определенную долю в валовом внутреннем продукте (ВВП) страны. Стоимость бренда (по методу BF) равна сумме этих долей за пять лет (подсчитывается методом дисконтирования денежных потоков). По «стоимости» Россия заняла 13-е место, ее бренд авторы рейтинга оценили в 663 млрд долл. США, или в 113 % ВВП. Авторы исследования посчитали, что по стоимости своего бренда Россия однозначно попадает в список богатейших стран мира [Иванова 2006].

Мировое сообщество в 2006 г. высоко оценило Россию за духовное богатство, культурные, спортивные и научные достижения. Однако следует помнить, что рейтинги и опросы – инструменты, зависимые от системы производства и распространения массовой информации.

Стратегии «мягкой силы»

Стратегии «мягкой силы» связаны с ее продвижением и воздействием на политический класс, интеллектуальную и художественную элиту, на население страны, в конечном счете – на человека. Эта сила определяет его мысли и чувства, в итоге – поведение. Даже такое принципиальное решение, как покинуть страну или остаться – человек принимает под влиянием «мягкой силы», но, как правило, *локальной «мягкой силы»*, имеющей самое сильное влияние: малой родины, сферы и места деятельности, там, где человек нашел себя и т. д. Выдающаяся поэтесса Белла Ахмадулина, не

разделявшая позицию власти в 1970-е гг., на вопрос «Почему вы, имея возможность, не покинули СССР» – ответила: «Моя родина – русский язык». На аналогичный вопрос выдающаяся советская балерина Майя Плисецкая отвечала: «Сцена Большого театра, нечеловечески прекрасная сцена Большого... была одной из причин, почему я не осталась на Западе» [Плисецкая 2004, с. 308].

Стратегия применения «мягкой силы» предполагает наличие целей, которые ставит власть данной страны во внутренней и внешней политике. Эти цели заключаются в изменении объекта или ситуации, посредством привлекательности ресурсов «мягкой силы».

Поэтому стратегия применения «мягкой силы» внутри страны может быть направлена на:

- мобилизацию населения в условиях экономической и промышленной модернизации страны;
- изменение внутренней политики страны;
- укрепление имиджа страны.

Стратегия применения «мягкой силы» во внешней политике страны направлена на:

- достижение взаимопонимания, согласия, сотрудничества и дружбы с народами других стран в интересах как своей страны, так и других стран;
- добровольное подчинение страны интересам страны, считающей себя лидером, благодаря привлекательности своей «мягкой силы»;
- смещение неугодных режимов в других странах.

Стратегии применения ресурсов и потенциалов «мягкой силы» создают синергетический эффект их влияния. Рассмотрение стратегий «мягкой силы» в их исторической, политической и культурной динамике доказывает это.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Всемирный индекс счастья в 2015 г. // Центр гуманитарных технологий.
URL: gtmarket.ru/news/2015/04/24/7130 (дата обращения: 27.02.2017).
Доклад Святейшего Патриарха Кирилла на V Рождественских Парламентских встречах 26.01.2017 // Официальный сайт Московского Патриархата. URL: patriarchia.ru/db/text/4790140 (дата обращения: 25.09.2017)
Иванова С. \$663 млрд за имидж // Ведомости. 1 марта 2006.

- Ленин В. И.* Полн. собр. соч.: в 55 т. 5-е изд. М.: Изд-во политической литературы. 1967–1978. Т. 36, 1974. Планы статьи «Очередные задачи советской власти». 741 с.
- Макаревич Э. Ф., Карпухин О. И.* Блеск и нищета массовых коммуникаций. М.: Библиотека «Парламентской газеты»: Парламентская газета, 2016. 398 с.
- Маркс К., Энгельс Ф.* Собр. соч.: в 50 т. 2-е изд. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1955–1974. Т. 1, 1955. Ст. «К критике гегелевской философии права». – 663 с.
- Най Дж.* Антикризисная демократизация // Коммерсантъ, 10 августа 2006. URL: www.kommersant.ru/doc/696610 (дата обращения: 27.02.2017).
- Национализация будущего // Полит.ру, 20.11.2006. URL: polit.ru/article/2006/11/20/nazional/ (дата обращения 25.09.2017).
- Плисецкая М. Я.* Майя Плисецкая. М.: Новости, 2004. – 490 с.
- Рейтинг стран мира по уровню человеческого развития (2015). Рейтинг стран мира по уровню экономической свободы. Рейтинг глобальной конкурентоспособности 2012–2013 // Центр гуманитарных технологий. URL: gtmarket.ru/ratings/human-development-index/human-development-index-info (дата обращения: 27.02.2017).
- Nye J. S.* Soft power. The means to success in world politics. N. Y., 2004. 334 p.

УДК 32.019.5

Е. В. Мартынов

кандидат филологических наук, доцент кафедры социальной работы
Московского государственного областного университета;
e-mail: ev.martynov@mgou.ru.

СОЦИАЛЬНАЯ РЕКЛАМА РОССИИ В ПРОСТРАНСТВЕ ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОГО И СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Статья посвящена анализу осмысления феномена социальной рекламы в отечественной обществоведческой – политологической и социологической литературе. Рассматриваются различные подходы к дефиниции *социальная реклама*. Автор фиксирует рост запроса на осмысление феномена социальная реклама с позиций политологического анализа. Определяется перспектива рассмотрения ее в качестве составного компонента государственной политики. Отмечается соотносимость инструмента социальной рекламы в государственной политике с технологиями «soft power and smart power».

Ключевые слова: социальная реклама; политология; управление; функции; подходы.

Martynov E. V.

Ph.D., Associate professor at the Department of Philological Sciences, Moscow State Regional University; e-mail: ev.martynov@mgou.ru.

RUSSIAN SOCIAL ADVERTISING IN THE SPACE OF POLITOLOGICAL AND SOCIOLOGICAL ANALYSIS

The article contains an analysis of Russian politological and sociological reviews aimed at better understanding the role of social advertising in modern society. Different approaches to the concept of social advertising are discussed. The author comments on the growing interest in the very phenomenon of social advertising from the standpoint of politological analysis. Ways of further investigation into the role of social advertisements as part of governmental policy are shown. A link between social advertisements regarded as an instrument of the state policy and the development of soft power and smart power technologies is established.

Key words: social advertising; Politology; management; functions; approaches.

Российское медийное пространство отличается высокой степенью неоднородности. В нем одновременно действует большое

количество акторов, нередко преследующих противоположные цели. Разные ценностные установки, соответственно, формируют разные смыслы и мотивации к деятельности у различных слоев и групп населения, отдельных личностей. Данный процесс может привести к ситуации социального и политического раскола со всеми вытекающими отсюда последствиями. Разумеется, такой сценарий является наименее вероятным, однако прикладная функция политической науки заключается, помимо прочего, в выявлении возможных угроз и вызовов с целью их своевременного купирования. Учитывая реалии современности, следует признать недостаточными и нередко малоэффективными методы прямого давления на негативные тенденции, часто дающими обратный эффект. Поэтому особое значение приобретают политико-управленческие технологии «soft power and smart power» – «умной силы» и «мягкой силы». К числу таковых можно с достаточным основанием отнести социальную рекламу.

Существуют три важнейших критерия, по которым можно определить социальную рекламу и отличить ее от рекламы экономической или политической: принципиально некоммерческий характер (отсутствие нацеленности на извлечение прибыли), привлечение внимания к тем или иным социальным проблемам, наконец стремление сформировать соответствующие эталоны и модели поведения, благодаря которым эти проблемы следует решать. Конечным итогом должна стать общественная польза, которую можно выразить как повышение телеэкономичности (упорядоченности) социума.

В постсоветский период общество и государство одновременно столкнулись с целым набором масштабных социальных дисбалансов, открытых и скрытых конфликтов самого разного свойства, которые в своей совокупности угрожали полностью обрушить общество, хаотизировать его до полной утраты жизнеспособности. Кроме того, огромному количеству людей были порой необходимы хоть какие-то эмоционально-психологические «якоря», чтобы сохранить собственную личность от морального распада, подавить усиленное давление негативной информации и вероятные суицидальные комплексы. В условиях острого дефицита позитивной информации в окружающей социальной действительности при колоссальном перевесе негативной, при коммерциализации СМИ и их очевидной нацеленности на «жареные» факты отрицательного

смысла своеобразным, хотя и неравноценным компенсатором могла стать социальная реклама. Дефицит высших ценностей в государственном информационном и политическом дискурсе восполнялся путем их артикуляции и трансляции в конструируемом семиотическом пространстве социальной рекламы.

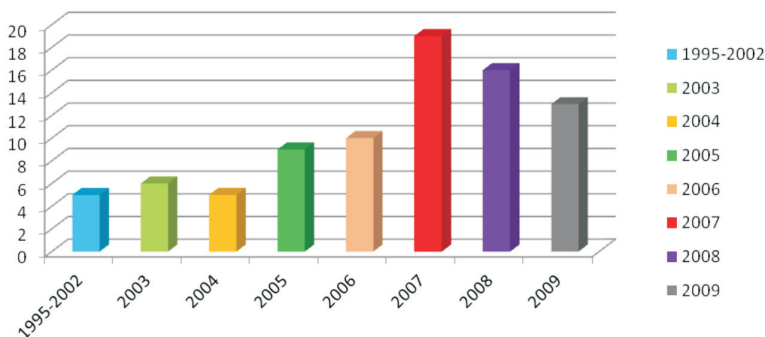
Попытки теоретического научного осмысления и анализа закономерностей развития социальной рекламы в России, тем более – попыток прогнозирования ее роли в обозримом будущем стали системно предприниматься десятилетие спустя после того, как сама социально-рекламная деятельность стала устойчивым и даже привычным феноменом социально-коммуникативного пространства в Российской Федерации. В 1990-е гг. практическая деятельность и нормотворческая в сфере социальной рекламы явно опережали ее научно-теоретическое осмысление. Федеральный закон ФЗ-108 от 18 июля 1995 г. выделил два критерия социальной рекламы: представление ею общественных и государственных интересов при нацеленности на социально полезные результаты. Как видно, данное определение не субстанционально, а функционально. Исходит оно не из сущности феномена, но из его внешней явленности.

В начале XXI в. научно-исследовательская и законотворческая деятельность в области рекламы вообще и, в частности, рекламы социальной, шли в синхронии относительно друг друга. Федеральный закон «О рекламе» была разработан в течение 2005–2006 гг. и принят 13 марта 2006 г. И именно с 2005–2006 гг. начинается быстрый рост научных публикаций (преимущественно социологической, реже культурологической и политологической специализации), посвященных социальной рекламе [Знаю, думаю, выбираю... 1997].

В упомянутом ФЗ-38 статья 10 в составе 6 пунктов целиком посвящена социальной рекламе (consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58968/f98ed6a9fb0881245dfb14c4d05c1842f907350/ дата обращения 30.09.2017 г.). Однако примечательно, что в этой достаточно пространной статье ее авторы и эксперты не нашли места для собственно определения сущности и функциональных признаков социальной рекламы как особого вида / явления деятельности СМИ, жизни общества и функционирования государственной власти. Это красноречиво свидетельствовало о недостаточной проработанности теоретико-методологической базы в осмыслении

феномена социальной рекламы. На протяжении последнего десятилетия ситуация заметно меняется. Число научных публикаций, анализирующих социальную рекламу, постоянно растет. На диаграмме прослежена динамика публикаций по проблемам социальной рекламы с конца XX в. и по 2009 г. (yandex.ru/search/?text=%20социальная%20реклама%20список%20литературы&lr=10748&clid=1955451&win=212&noreask=1&site=pubsrv.uraic.ru – Дата обращения 01.10.2017 г.). Несмотря на то, что список неполный, можно увидеть рост количества публикаций по нашей тематике, особенно с 2005 г. Общий просмотр публикационной активности с 2010 г. и по настоящее время позволяет предварительно сделать вывод о том, что число публикаций в новейший период также не снижается.

Количество публикаций по социальной рекламе в России

Существующие на настоящий момент публикации по теории и практике социальной рекламы можно распределить по трем группам:

- 1) журнальные статьи и доклады на научных конференциях;
- 2) учебные пособия для обучающихся по специальностям «Реклама» и «Социология»;
- 3) диссертационные исследования. Кроме того, вопросы социальной рекламы могут затрагиваться в общем контексте работ по рекламе в тех или иных ракурсах. Среди достаточно большого количества исследователей феномена социальной рекламы в современной России в качестве наиболее значимых можно указать

Е. В. Степанова, Г. Г. Николайшвили, О. В. Козловскую, К. В. Акулич, Е. В. Шершукову, Р. В. Крупнова, А. С. Баскакову, И. Б. Давыдкину, А. Б. Беянина, М. А. Доронину, А. В. Кусовскую, И. М. Маркина и некоторых других авторов.

По научному профилю публикации по социальной рекламе могут быть разделены на политологические, социологические и, в меньшей мере, культурологические, в зависимости от того, какой ракурс формирования и действия социальной рекламы анализируется, какой именно потенциал решения актуальных общественных проблем, формирования позитивных социальных мотиваций у различных групп населения считается преобладающим. Одновременно предпринимаются попытки обобщающих исследований, которые бы суммировали накопленный теоретический и практический опыт формирования и применения социальной рекламы в России.

Так, Е. В. Степанов в своей монографии небезосновательно утверждает о давних корнях социальной рекламы в России, ведя отсчет ее существования с XVII столетия, когда государственная власть пыталась с той или иной степенью результативности внедрить в сознание подданных желаемые модели поведения, причем в качестве мотиватора использовались запреты и угрозы санкций [Степанов 2006, с. 33].

По мнению Г. Г. Николайшвили, истоки социальной рекламы не столь глубоки во времени. «Официальная история зарождения социальной рекламы, – указывается ей в книге «Социальная реклама начинается только в XX в. В западной литературе датой ее зарождения считается 1906 год ... Как чистый вид жанра социальная реклама стала функционировать совсем недавно – после Второй мировой войны. До этого, во времена мировых войн, в разных частях земного шара: и в Америке, и в Европе, и в России – социальная реклама существовала как средство идеологической пропаганды, мобилизации сил и активности населения на военные нужды. Ее появление было вызвано жесткой необходимостью военного времени» [Николайшвили 2008, с. 24]. Хотя в дальнейшем изложении Николайшвили также датирует появление прообразов социальной рекламы в России допетровскими временами.

При этих различиях в датировке генезиса социальной рекламы, оба автора достаточно сходно объясняют предпосылки ее развития и функций в современной России. Так, Николайшвили,

констатируя присутствие политического фактора в развитии социальной рекламы, вместе с тем, указывает на объективные явления отрицательного характера в жизни российского общества, которые послужили катализаторами и сформировали общественный запрос для появления и развития социальной рекламы в середине 1990-х гг.: «...середина 1990-х гг. была отмечена, с одной стороны, лавиной демократических выборов, многие из которых проводились в нашей стране впервые, а с другой – совпала с наиболее тяжелым, кризисным, этапом в построении новых экономических отношений. То был период резкого обострения социальных проблем, связанных с безработицей, невыплатой зарплат, пенсий, социальных пособий, болезнями и даже голодом» [там же, с. 27].

Е. В. Степановым с полным основанием устанавливается взаимосвязь между становлением социальной рекламы в современной России и развитием политических процессов. Фактически социальной рекламе приписывается роль вспомогательного фактора в сфере политической жизни и конкретно – государственного управления. Об этом свидетельствует ниже приводимая цитата: «Россия переживает тяжелый этап в своем развитии. Социальная политика находится в кризисной ситуации. В России удручающая демографическая ситуация, смертность превышает рождаемость. В обществе происходит резкое имущественное расслоение, массы людей обречены на нищенское существование. Многие люди пребывают в растерянности. Социальная нестабильность вызывает в обществе тревогу за будущее, за жизнь детей, порождает психическое неблагополучие, озлобленность и агрессивность. Рост ВВП, который происходит в России в последние годы, не снимает нестабильности в социальной сфере. В этих условиях роль социальной рекламы чрезвычайно велика. Как поднять настроение и веру в собственную страну, как вернуть доверие граждан, много обманутых государством, как не потерять человеческий облик в условиях жесткой общественно-экономической формации – вот на эти вопросы должен суметь ответить профессионал, занимающийся социальной рекламой» [Степанов 2006, с. 4]. Как видим, в работе Степанова обусловленность социальной рекламы текущей социально-политической ситуацией в стране акцентируется даже более жестко, чем в книге Николайшвили.

Более того, по мнению К. В. Акулич, именно политологические аспекты соцрекламы являются приоритетными в общем дискурсе исследований социальной рекламы. «Концептуализация понятия социальной рекламы в современном политическом процессе наиболее актуальна ... приходит она к выводу: важнейшим звеном функционирования социальной рекламы является государство. Оно устанавливает законы, регулирующие социальную рекламу от момента создания до продвижения ее в общество. Государство также может выступать как заказчик социальной рекламы, поскольку именно на него возложена обязанность координации деятельности различных структур, просвещения граждан, а следовательно, и распространение социально значимой информации» [Акулич 2010, с. 82, 85–86].

Из этих же определений высвечивается первичный функционал социальной рекламы применительно к российскому обществу. В качестве фундаментальной функции указывается задача компенсации негативных явлений российского трансформационно-переходного тренда средствами социальной рекламы. При этом априори предполагается позитивная восприимчивость целевой аудитории. Вероятность невосприимчивости людей, своего рода «ментального иммунитета» к информационному воздействию, рассуждениями не рассматривается.

Предварительный анализ существующих публикаций позволяет сформулировать первичную гипотезу о том, что политологический дискурс в изучении социальной рекламы является если не доминирующим, то одним из важнейших. Для подтверждения или опровержения этой гипотезы нам необходимо не просто учесть количество публикаций по официальной научной специальности согласно индексу научных специальностей ВАК, но и углубиться в содержание и предметную область конкретных исследований.

Например, О. В. Козловская на региональном материале Астраханской области рассматривает социальную рекламу в качестве информационного ресурса формирования толерантного сознания у целевой аудитории – молодежи. Важной предпосылкой института социальной рекламы в области оптимизации межнациональных отношений в отдельно взятом регионе считается сочетание всемирной тенденции глобализации с ее «размыванием» локальных идентичностей и высокая динамика миграций в Астраханской

области. В резонансе эти тенденции порождают стремление представителей различных этносов защитить, подчеркнуть свою идентичность, в том числе и нелегитимными способами. «Одной из важных особенностей сознания практически каждого человека является желание идентифицировать себя с какой-либо группой людей. Именно из-за этого стремления и происходит рост значения национальной самоидентификации и принадлежности, которые становятся сегодня всё более значимыми. В то же время такая тенденция приводит к возникновению различных проблем в социуме, связанных, прежде всего, с высокой степенью конфликтности на почве межнациональных отношений» [Козловская... 2013, с. 172]. В этой связи автором высказывается умеренный оптимизм относительно модулирующего воздействия социальной рекламы с детерминированным содержанием на формирование позитивных поведенческих моделей молодежи. «Социальная реклама, как фактор изменения общественного мнения, приводит к осознанию молодыми людьми социального благополучия своей семьи, родственников, круга ближайших знакомых; желанию управлять своими эмоциями, в том числе и негативными; способности выслушать мнение другого человека, поставить себя на его место и представить, что в конфликтной ситуации можно сделать самому; терпимости к культуре, религии, обычаям, традициям, образу жизни людей другой национальности, вероисповедания, цвета кожи» [Козловская 2013, с. 175].

Автором при этом не вполне учитывается специфика структуры современного информационно-коммуникационного пространства. Согласно мнению такого авторитетного исследователя масс-медиа, как Герберт Маршалл Маклюэн, в формировании общественного мнения ключевую роль играет не только содержание сообщения, но и, в не меньшей степени, та технологическая форма, в которую сообщение облекается. Электронные медийные средства преподносят матричные модели поведения, просто транслируя их в массовое сознание. Соответственно, сообщение о негативных происшествиях (межнациональная вражда), пусть даже с их осуждением, способно провоцировать индуктивные психозы, особенно в молодежной среде, тогда как рациональные разъяснения о необходимости позитивного поведения, могут вообще игнорироваться аудиторией [Маклюэн 2017]. Тем не менее в работе Козловской мы

отмечаем концепт о социальной рекламе как проективном ресурсе общества и государства.

Другими авторами идея проективного ресурса социальной рекламы уточняется и разъясняется. К. В. Акулич в своем политологическом диссертационном исследовании рассматривает социальную рекламу в России как разновидность политической технологии, позволяющей решать прикладные политические задачи по повышению политической стабильности, управляемости общества, обеспечения электоральной активности и формирования электоральных предпочтений граждан [Акулич 2011]. В рамках такого подхода социальная реклама предстает в своем функциональном качестве, причем явно усеченном. Тогда как сущностное понимание термина сводится к разновидности социальной коммуникации. Такой подход можно условно обозначить как функционально-коммуникативный.

Анализ роли и места социальной рекламы в российском обществе проведен в статье И. М. Маркина, посвященной статусно-ролевой структуры социальной рекламы [Маркин 2009, с. 148–153]. Констатируя возникновение социальной рекламы в России в последнее десятилетие XX в., автор определяет ее как «эмоционально окрашенную информацию, распространяемую по каналам массовой коммуникации, направленную на конструирование нормативной социальной реальности» [там же]. Последовательно реконструируя этапы создания и трансляции социальной рекламы, он представляет ее как целостный сложно-составной процесс, в который включены четыре групповых субъекта: заказчики, создатели, распространители, получатели. Такая методология позволяет рассматривать феномен социальной рекламы как процессную цепочку, в которую включаются имеющие каждый собственный интерес различные субъекты.

Подобный подход просматривается в статье Е. В. Шершуковой. «Социальная реклама – это способ передачи коммуникации, представляющий общественные интересы, целью которой является пропаганда различных общественных благ» [Шершукова 2011]. Однако в данном определении можно увидеть суженную методологию дефиниции основного термина. Внимание концентрируется на «общественных благах», что автоматически ведет к утилитарной трактовке социальной рекламы, даже если сам автор толкует

эти блага расширительно: «Сегодня социальную рекламу можно рассматривать как способ распространения духовных, нравственных, эстетических, социальных ценностей...» [Шершукова 2011, с. 160]. Аксиологический подход вступает, таким образом, в структурное противоречие с функциональным, хотя оба они апеллируют к массовой коммуникации как способу и условию существования социальной рекламы в принципе.

В ряде диссертационных исследований социальная реклама анализируется с функционально-управленческих позиций. Она трактуется как важный и в перспективе эффективный ресурс социальной политики государства: «...исполняющая ряд функций: информирование индивида о деятельности социальных институтов; облегчение адаптации гражданина к изменениям в социально-экономической системе; согласование приоритетов государственной политики и ценностей гражданского общества и ряд других...» [Давыдкина 2017].

Р. В. Крупнов в своей диссертации утверждает в вынесенном на защиту положении: «Социальная реклама является инструментом управления социальными процессами. Применение данного инструмента в управлении имеет двойственный характер: социальная реклама может выступать в роли коммуникации между субъектами управления социальными процессами, либо в качестве социального (социально-психологического) метода управления» [Крупнов 2006].

А. Б. Белянин также постулирует трактовку социальной рекламы как управленческого ресурса и в то же время как фактора диалога власти и общества: «Рекламную коммуникацию правомерно рассматривать как один из механизмов социального управления, как процесс влияния управляющей системы (коммуникатора) на управляемую систему (реципиента). При этом отношения между участниками рекламной коммуникации являются субъектно-объектными, в которых присутствует опосредованная общественным мнением обратная связь» [Белянин 2007].

На этом фоне своеобразным исключением выглядит интерпретация социальной рекламы в качестве культурологического феномена: «Социальная реклама как особая форма социальной коммуникации имеет существенное значение для репрезентации и трансляции позитивного духовного опыта. В ее плакатах

и роликах находят отражение фундаментальные социальные и духовно-нравственные ценности, предлагаются модели стилей жизни и стереотипов поведения в типизированных ситуациях. При этом осуществляется апелляция к нормативным ориентациям, разделяемым большинством членов общества» [Доронина 2007].

Ключевые позиции в таком определении занимают понятия ценностей и духовного опыта. Всё остальное рассматривается как форма их донесения до целевой аудитории. Представляется, что эта позиция больше, нежели какая-то иная, позволяет уйти от функционального подхода (функция – всегда производная от чего-то исходного) и приблизиться к субстанциональной, сущностной дефиниции понятия социальной рекламы.

Обобщая, можно увидеть следующую особенность проблемного поля исследований по социальной рекламе в России. На первый взгляд, невелико количество публикаций, заявленных в политологической плоскости. Число социологических работ значительно больше. Однако даже поверхностный семантический анализ дает нам совершенно иную картину. Среди почти двух научных десятков статей и диссертационных исследований последнего десятилетия, привлеченных автором настоящей статьи, мы наблюдаем 7 публикаций, в которых ключевыми понятиями являются «государство» и «управление». Иными словами, не менее 1/3 социологического контента по проблеме говорит о явлениях политологического порядка. Добавим сюда собственно политологические статьи и диссертации по проблематике социальной рекламы, и значение вырастет до 50 %. При этом во избежание упреков в необъективности, автор считает необходимым подчеркнуть, что выборка публикаций осуществлялась по принципу их общей содержательной ценности и релевантности с ключевым понятием «социальная реклама», а не по принадлежности к определенной научной специальности.

На основе проведенного анализа ряда концепций можно предположить, в качестве гипотетически возможного, следующее определение:

Социальная реклама – это ценности социума, актуализируемые и репрезентируемые в публичном социально-политическом пространстве через средства массовых коммуникаций.

Также можно выделить пять основных функций социальной рекламы в современном российском обществе:

- 1) аксиологическая;
- 2) политико-управленческая;
- 3) социально-проективная;
- 4) компенсаторная;
- 5) мотивирующая.

Следует констатировать недостаток применения при осмыслении феномена социальной рекламы утилитарно-функциональных подходов в ущерб подходам парадигмальным. Кроме того, порой можно встретить априорную убежденность в реальности прямой действенности социально-рекламной информации через СМИ без учета давно конституированной значимости воздействия форм масс-медиа, их корректирующего / искажающего влияния на сознание людей и восприятие передаваемой информации.

Учитывая социально-проективную функцию социальной рекламы, в перспективе имеет смысл разработать технологии внедрения социально-рекламных элементов в систему образовательной деятельности как инструмент формирования целевым образом определенного типа человека [Fedulin, Bagdasaryan 2013].

Из всего сказанного с необходимостью следуют выводы:

1. О высоком фактическом удельном весе политологического дискурса в исследовании феномена социальной рекламы в российском обществе.
2. О парадоксальной ситуации, когда количество собственно политологических публикаций в столь политически актуализированной теме относительно невелико.
3. Политическая наука уделяет этой проблеме очевидно недостаточное внимание.
4. Необходимы дальнейшие исследования в области социальной рекламы именно в специфике политической науки, с использованием ее инструментария – для лучшего выявления ее сути и закономерностей развития в российском обществе, более эффективного использования в конкретике социально-политической ситуации для повышения пространства определенности и жизнеспособности российского социума и государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Акулич К. В. Концептуализация понятия социальной рекламы в современном политическом процессе // Человек, сообщество, управление. 2010. № 3. С. 82–89.

- Акулич К. В.* Социальная реклама как политическая технология: авторефер. дис. ... канд. полит. наук. Ростов-н/Д : КубГУ, 2011. 200 с.
- Баскакова А. В.* Оценка эффективности социальной рекламы как инструмента влияния органов государственной власти // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 2. С. 83–87.
- Белянин А. Б.* Социальная реклама как коммуникативный ресурс управления: автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2007. 28 с.
- Давыдкина И. Б.* Социальная реклама в государственном управлении: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Волгоград, 2009. 30 с.
- Доронина М. А.* Социальная реклама как феномен культурной коммуникации: автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2007. 27 с.
- Знаю, думаю, выбираю! Материалы конф. по соц.-полит. рекламе. Екатеринбург : Б. И. 1997. 179 с.
- Козловская О. В.* Возможности социальной рекламы в формировании толерантности современной молодежи // Гуманитарные исследования. 2013. № 3. С. 171–177.
- Крупнов Р. В.* Социальная реклама как инструмент управления социальными процессами: автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2006. 25 с.
- Кусовская А. В.* Социальная реклама в управлении социальными процессами в высшей школе // Высшая школа : проблемы и перспективы : 12-я Междунар. науч.-метод. конф., Минск, 22–23 окт. 2015 г.: в 2 ч. Ч. 2. Минск, 2015. С. 15–21.
- Маклюэн М. Г.* Понимание медиа: внешние расширения человека. М. : Кучково поле, 2017. 62 с.
- Малькова И. В.* Социальная реклама как инструмент государственной политики // Государственное управление: Российская Федерация в современном мире: XII Междунар. конф. факультета гос. управления МГУ им. М. В. Ломоносова, 29–31 мая 2014. М. : Инфра-М. Т. 29. С. 173–178.
- Маркин И. М.* Статусно-ролевая структура института социальной рекламы в современной России: науч. тр. Моск. гуманитарного ун-та. Вып. 105. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2009. С. 148–153.
- Николайшвили Г. Г.* Социальная реклама: теория и практика. М. : Аспект-Пресс, 2008.
- Николайшвили Г. Г.* Социальная реклама в политическом процессе современной России: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2009. 181 с.
- Степанов Е. В.* Социальная реклама в России: генезис, жанры, эволюция. М. : Вест-Консалтинг, 2006. 120 с.
- Шеришкова Е. В.* Специфика социальной рекламы в России: современное состояние // Молодой ученый. Т. II. 2011. № 4 (27). С. 160–163.

Fedulin A., Bagdasaryan V. Historical Variability of Anthropological Models and the Categorical Essence of Human Nature // *Bylye Gody*. 2013. № 28 (2).

УДК 329.14 (430)

П. М. Рукавицын

доктор политических наук, доцент, член диссертационного совета при МГЛУ;
e-mail: rpm66@mail.ru

ЗАКАТ ЕВРОПЫ?

В статье анализируется состояние глубокого кризиса, охватившего в настоящее время практически все стороны жизни Евросоюза. В качестве важнейшей причины кризиса рассматриваются ошибки политического руководства стран ЕС, сделанные в ходе определения основных направлений развития Евросоюза и темпов реализации принятых решений. По мнению автора, сегодня Евросоюз стоит перед выбором – адекватная реакция на возникшие проблемы или постепенная деградация, переходящая в распад.

Ключевые слова: беженцы; Греция; евро; Евросоюз; кризис; терроризм.

Rukavitsyn P. M.

Doctor of Political Sciences (Dr.habil), Associate Professor; Member of Dissertation Board, MSLU; e-mail: rpm66@mail.ru

THE DECLINE OF THE WEST?

The article analyzes the state of deep crisis that has developed in almost all areas of life in the EU. The main cause of the crisis is believed to be miscalculations of the EU leadership when identifying the primary goals for the EU development and estimating the time required to achieve them. In the author's opinion, the EU is currently faced with a choice of either responding promptly to the problems at hand or risking gradual degradation that could culminate in its collapse.

Key words: refugees, Greece, euro, European Union, crisis, terrorism.

Четверть века назад в связи победой Запада в «холодной войне» Френсис Фукуяма поспешил заявить о конце истории – об окончательной победе либеральной демократии в глобальном масштабе. Но жизнь оказалась сложнее представлений о ней Ф. Фукуямы. История продолжается и обещает преподнести нам еще немало сюрпризов. Один из них, возможно, связан с перспективами дальнейшего существования Евросоюза – крупнейшего геополитического проекта современности. Масштаб накопленных в ЕС проблем говорит о том, что у сформулированного в названии данной статьи вопроса есть определенные основания.

В последнее время было достаточно поводов для привлечения внимания к проблемам Евросоюза. Как отмечает М. Наим в своей монографии «Кризис власти», «Европейский союз ... накрыла волна разрушительного экономического кризиса; неповоротливая власть лишь ухудшает его положение, а стареющее население и широкий поток иммигрантов ... стали серьезным тормозом его развития» [Наим 2016, с. 228]. Кризисные явления в странах Евросоюза затронули не только экономику. Они распространились также на политическую, социальную и гуманитарную сферы. Помимо этого, ЕС переживает серьезный кризис идентичности. Никто не может объяснить, что сегодня представляет собой Евросоюз, в каком направлении он движется.

Все эти проблемы возникли не на пустом месте, а стали проявлением как системных ошибок, заложенных в фундамент этого межгосударственного образования, так и неверных подходов к решению ряда политических и экономических вопросов правительствами некоторых стран ЕС. Основная ошибка архитекторов европейского единства состояла в попытке решения сложнейших вопросов объединения государств Европы на основе умозрительных схем. В качестве одной из основных целей создания этого надгосударственного образования рассматривалось относительно быстрое достижение общеевропейской идентичности (с принятием единой конституции) с соответствующим отказом от идентичности национальной.

Происходила постепенная концентрация властных полномочий в руках Еврокомиссии за счет их сокращения на национальном и региональном уровнях. Крепла европейская бюрократия. В качестве символа европейского единства в экономической области была введена единая валюта. Политическая элита стран Евросоюза погрузилась в состояние самолюбования и самовосхваления. Слова Ж.-М. Баррозу, много лет занимавшего должность председателя Еврокомиссии, о том, что «Европа – это история успеха, которая принесла нам мир и благосостояние» стали расхожей оценкой достижений Евросоюза.

Но среди европейских интеллектуалов раздавались и критические голоса. Известный немецкий философ Ю. Хабермас не скрывал своего скептицизма по поводу европейского политического истеблишмента: «Наши политики давно уже ничего не хотят, кроме

победы на следующих выборах. Они не в состоянии генерировать политические идеи и иметь какие-либо убеждения». Следует признать правоту немецкого философа – под руководством такой элиты объединенная Европа и пришла к нынешнему всестороннему кризису.

Так, в области внешней политики сегодня складывается впечатление, что ЕС, став одним из глобальных экономических центров силы, в то же время унаследовал от своей ведущей страны – Германии – качество быть одновременно экономическим гигантом и политическим карликом. На современной международной арене Евросоюз находится в тени США и значимой роли не играет. Это вызывает уже практически нескрываемое раздражение американской стороны на всех уровнях, от экспертного до президентского. З. Бжезинский открыто пишет о том, что Евросоюз «отстраняется ... от активного участия в обеспечении глобальной геополитической стабильности» [Бжезинский 2012, с. 56]. У Дональда Трампа в целом те же претензии к европейским странам: «Я давно говорил, что у НАТО есть проблемы ... страны не платят то, что должны платить» (ria.ru/world/20170119/1486041731.html).

Действительно, в Афганистане контингенты европейских стран, за исключением Великобритании, в настоящее время покидающей ЕС, в основном играли роль статистов, экономя при этом значительные средства. В ходе поиска путей решения сирийского конфликта голоса объединенной Европы также было практически не слышно. Урегулирование иранского вопроса при Обаме было достигнуто в первую очередь усилиями России и США. Единственный кризис последних лет, где ЕС попытался сыграть ведущую роль – это Украина. Но и здесь дальше подписания Минских соглашений дело не пошло. Колумнист влиятельного немецкого журнала «Штерн» Х.-У. Йоргес отмечал в самом начале этого кризиса, что у Запада отсутствует внятная стратегия в решении украинского кризиса: «...разработка стратегии должна начинаться с самокритики, с признания того факта, что причиной кризиса стало ущемление интересов России со стороны НАТО и Евросоюза» [Jörges 2014, с. 18].

В последние годы серьезной геополитической угрозой для всего ЕС стало нарастание кризисных явлений в государствах Северной Африки и Ближнего Востока. Конфликтный потенциал этого

региона исключительно велик. Здесь сформировались две основные угрозы для объединенной Европы – многомиллионный поток беженцев и исламский терроризм. 2015 г. стал в этом отношении особенно показательным. Европа столкнулась с резким увеличением потока сирийских беженцев – только в Германии их число превысило 1 млн чел. Руководствуясь гуманитарными соображениями, А. Меркель заявила о готовности ФРГ оказывать им помощь без ограничений.

Но даже для богатой Германии такая задача стала непосильной. Авторитет Меркель заметно снизился, стало расти напряжение в обществе ([www.focus.de/finanzen/experten/weik_und_friedrich/ 2016-war-der-wendepunkt-griechenland-pleite-ende-von-eu-und-merkel-experten-malen-untergangsszenario-fuer-2017_id_6419950.html](http://www.focus.de/finanzen/experten/weik_und_friedrich/2016-war-der-wendepunkt-griechenland-pleite-ende-von-eu-und-merkel-experten-malen-untergangsszenario-fuer-2017_id_6419950.html)). Понимая это, канцлер попыталась равномерно распределить нагрузку по приему беженцев среди других стран ЕС. Но натолкнулась преимущественно на непонимание своей позиции, особенно со стороны восточноевропейских стран. Еще раз подтвердился тот факт, что эти государства готовы пользоваться преимуществами, которые дает членство в Евросоюзе. Но когда речь заходит о проведении скоординированной политики, требующей в чем-то поступиться своими интересами, их энтузиазм угасает. Это стало не единственной причиной сложностей с введением квот на прием беженцев. Благополучная Великобритания также не поддержала Германию в данном вопросе. Более того, иммиграционный кризис стал не последним аргументом для британцев, голосовавших летом 2016 г. на референдуме за выход из ЕС. Результаты референдума ясно показали, что сегодня многие простые граждане не только на востоке Европы, но и на Туманном Альбионе часто воспринимают брюссельскую бюрократию как бездушную машину, ущемляющую их интересы. И это вызывает у них чувство протеста.

Таким образом, стремление к расширению сыграло с Евросоюзом злую шутку: сегодня входящие в него 27 государств стали плохо управляемым конгломератом с не всегда совпадающими интересами.

Возвращаясь к вопросу о беженцах, необходимо отметить, что после окончания сирийской войны он далеко не будет исчерпан. Кризисная полоса в развитии Северной Африки и Ближнего Востока растянется на долгие годы. При этом к беженцам, пострадавшим

от военных действий, всё в большей степени будут присоединяться «экономические беженцы», в том числе из стран Экваториальной Африки. Демографический бум, ожидаемый в этом регионе в ближайшие десятилетия, низкий уровень жизни населения и отсталая экономика обеспечат увеличение этого потока. Пока Евросоюз к этому не готов.

Не готов ЕС и к обострению террористической угрозы. Ее источником могут быть как граждане государств Евросоюза, которые подверглись соответствующей обработке эмигрантами террористических организаций, так и иммигранты. «Исламское государство», по данным Федеральной разведывательной службы ФРГ, уже сегодня активно готовит террористов, которых затем под видом беженцев засылает в европейские страны (www.spiegel.de/politik/deutschland/islamischer-staat-terrormiliz-tarnt-kaempfer-als-fluechtlinge-a-1121045.html).

В Сирии на стороне ИГ воюют десятки, если не сотни граждан ЕС. Далеко не все они будут уничтожены даже после разгрома террористических военных формирований. Многие вернутся на родину. И станут серьезным источником террористической угрозы для тех стран, чьими гражданами они являются.

Много вопросов возникает к экономическим аспектам развития Евросоюза. Архитекторы европейского единства, кажется, уверовали в безупречность этого проекта и увлеклись его распространением на всё новые страны. Но численное расширение, при всем многообразии возникавших проблем, не создавало угрозы возможного распада Евросоюза. Гораздо более опасным для будущего ЕС стало введение евро. Этот проект должен был стать символом углубления европейского единства. Его успешная реализация должна была подготовить почву для ускорения процесса политического объединения стран ЕС.

Но по мере проверки этой идеи на практике выяснилось, что введение евро не привело ни к выравниванию уровней производства стран, использующих эту валюту, ни к ускорению их экономического развития. Один из наиболее ярких критиков современного социально-политического и экономического курса стран ЕС, бывший член правления Федерального банка ФРГ Т.Саррацин отмечает в этой связи, что страны еврозоны за время ее существования увеличили отставание от США. Наихудшие результаты

показали при этом страны юга Европы. Так, с 2000 по 2014 гг. уровень ВВП на душу населения по сравнению с США (если взять американский за 100%) сократился в Италии с 70,4% до 57,5%, в Португалии – с 52,7% до 45,6%, в Греции – с 51,7% до 44,5% [Sarrazin 2016, с. 231]. Одной из важнейших причин таких разочаровывающих результатов стало то обстоятельство, что члены ЕС, вошедшие в этот проект, были лишены возможности компенсировать недостаточную эффективность своей экономики снижением курса национальной валюты. Это, по словам Т. Саррацина, загоняло и продолжает загонять их в «ловушку стагнации» [там же, с. 233].

Наиболее показательным примером в этом отношении стала Греция. Для нее участие в европроекте сначала казалось прорывом в светлое будущее, достижением нового уровня в развитии экономики и социальной сферы. Желание войти в этот «клуб избранных» у греческого правительства было настолько велико, что оно пошло даже на подтасовку статистических данных, в чем потом само и призналось [Сарацин 2015, с. 197]. Таким образом, только в результате обмана Греция смогла соответствовать жестким экономическим критериям отбора для приема в еврозону. Но надежды на то, что пребывание в одной валютной зоне с более сильными в экономическом отношении государствами, а также многомиллиардные субсидии из бюджета Евросоюза будут способствовать быстрому развитию греческой экономики, не оправдались.

Оценивая весь период пребывания Греции, в ЕС начиная с 1981 г., министр экономики М. Кристохойдес подвел в 2012 г. неутешительный итог: «В течение двух десятилетий мы разрушили ... нашу промышленность. В первое десятилетие нового столетия после вступления в еврозону добавилось еще и то, что мы могли брать деньги в долг под низкий процент, и мы делали это без всякой меры» [Сарацин 2015, с. 376]. Росли долги не только правительства. Население также охотно брало кредиты под низкий процент. Уровень закредитованности жителей Греции всего за восемь лет после вступления в еврозону вырос на 149% [Wendt 2015].

Если до вхождения в зону евро инфляция в Греции практически не опускалась ниже 10% в год, то затем она сократилась в разы. Греческие долговые обязательства, номинированные в единой европейской валюте, поначалу вызывали доверие у кредиторов. Но затем вскрылся обман с подтасовкой статистических данных. Да

и способность греческого правительства обслуживать свои долги вызывала всё большие сомнения.

«Греческая сказка» закончилась в кризисный 2009 год. Процентные ставки по долгам Греции резко увеличились. Без помощи других членов еврозоны греческое правительство уже не могло решить проблему покрытия бюджетного дефицита.

И это был не только вопрос платежеспособности одной из стран еврозоны. Тем более Греция была не одинока – с серьезными финансовыми проблемами столкнулись Италия, Испания, Португалия, Ирландия, Кипр. Речь шла и о судьбе единой европейской валюты, и о сохранении Евросоюза в прежнем составе.

Начался растянувшийся на годы период оказания помощи греческой экономике. Было принято политическое решение попытаться сохранить Грецию в еврозоне. В качестве обязательного условия от греческого правительства потребовали резкого сокращения расходов и наведения порядка в финансовой сфере. Для предъявления подобного рода требований были все основания. На теневую экономику – сектор греческого народного хозяйства, где вообще не платятся налоги – приходится около 30% ВВП [Фукуяма 2017, с. 127]. Не отличалась умеренностью и расходная часть бюджета. Характерной чертой греческого государства стал непрерывно растущий госсектор. Например, с 1970 по 2009 гг. произошло пятикратное увеличение численности государственных служащих [там же, с. 125].

Несмотря на экстраординарные усилия, предпринятые греческим правительством под контролем ЕС, кризис пока еще не преодолен – ВВП Греции сокращается 8 лет подряд (www.focus.de/finanzen/experten/weik_und_friedrich/2016-war-der-wendepunkt-griechenland-pleite-ende-von-eu-und-merkel-experten-malen-untergangsszenario-fuer-2017_id_6419950.html), страна имеет самый высокий уровень безработицы в ЕС (при этом 90% граждан, лишившихся работы, никакой поддержки от государства не получают) (www.focus.de/finanzen/experten/weik_und_friedrich/2016-war-der-wendepunkt-griechenland-pleite-ende-von-eu-und-merkel-experten-malen-untergangsszenario-fuer-2017_id_6419950.html) и огромный государственный долг, составляющий 170% ВВП (www.spiegel.de/wirtschaft/soziales/eurokrise-so-geht-es-italien-griechenland-spanien-irland-portugal-und-zypern-a-1136013.html). У населения накопились усталость и раздражение от постоянного

сокращения социальных расходов и отсутствия внятных перспектив улучшения ситуации. По мнению многих экспертов, Греция сама не справится, и поэтому часть долга придется списать. Серьезная ситуация сохраняется не только в греческой экономике. Проблемы продолжают накапливаться в Италии. В Испании и Португалии тоже рано говорить о преодолении кризиса.

Таким образом, единая европейская валюта стала катализатором роста экономических проблем в странах юга Европы. При этом нет достоверных данных о ее позитивном влиянии на другие страны еврозоны. Но отказ от этого проекта на сегодняшний день невозможен. Это было бы не только потерей лица для европейского истеблишмента, но и принесло бы многомиллиардные убытки.

Проблемы на юге Европы сопровождаются таким социально-экономическим явлением, как низкие темпы роста доходов населения экономически развитых стран. По данным Глобального института McKinsey, с 2005 по 2014 гг. у 2/3 населения стран ОЭСР доходы остались на прежнем уровне или сократились (www.manager-magazin.de/politik/artikel/kapitalismus-in-der-krise-a-1135814.html). Усиливается поляризация этих доходов, сокращается средний класс. Угроза бедности сегодня актуальна для четверти населения стран Евросоюза (www.spiegel.de/wirtschaft/soziales/social-justice-index-2016-18-millionen-eu-buerger-ern-droht-armut-a-1121113.html). Лозунг творца послевоенного немецкого экономического чуда Л. Эрхарда «Благосостояние для всех!» стал уже несовременным. Послевоенные поколения европейцев привыкли к тому, что дети всегда жили лучше, чем их родители. Похоже, эта закономерность становится достоянием истории. Стагнация доходов граждан Евросоюза не способствует росту авторитета ЕС как геополитического проекта. Всё меньше веры и в благосостояние, о котором говорил Баррозу.

Подводя итоги анализа комплекса серьезных проблем, с которыми Евросоюз столкнулся в настоящее время, необходимо сделать следующие выводы:

во-первых, происходящее в Евросоюзе является одним из проявлений кризиса западной цивилизации в целом. Как правильно отмечают А. Касюк, И. Манохин и И. Харичкин, глобальное доминирование Запада, сложившееся после «холодной войны», заканчивается [Касюк, Манохин, Харичкин 2016, с. 179];

во-вторых, характер и глубина этих проблем определяются вызовами внутреннего и внешнего характера. К первой группе вызовов относятся недостаточная продуманность процесса формирования и роста Евросоюза; поспешность в реализации этапов его развития; непродуманность структуры этого государственного образования – постепенное создание «Европы нескольких скоростей», где члены ЕС могли бы выбирать тот уровень интеграции, к которому они в большей степени готовы в настоящее время, вероятно, избавило бы Европу от многих проблем роста; демографический кризис; проблема поляризации общества и постепенного размывания среднего класса. К числу важнейших вызовов внешнего характера следует отнести высокий конфликтный потенциал регионов, находящихся в непосредственной географической близости от Европы, угрозу неконтролируемого роста числа беженцев из этого региона; увеличение террористической угрозы и отсутствие эффективных средств борьбы с ней; пошатнувшееся единство стран Запада, что ведет к необходимости увеличения ресурсов на обеспечение безопасности государств ЕС; высокий конкурентный потенциал азиатских стран и ужесточение глобальной конкуренции;

в-третьих, ожидать крушения Евросоюза в ближайшие годы не стоит – центроостремительные силы в ЕС пока не исчерпали своего потенциала. Членство в Союзе дает ощутимые преимущества жителям составляющих его стран. В то же время можно согласиться с тезисом Ф. Лукьянова о завершении эры федерализации ЕС и начале его ресуверенизации (www.gazeta.ru/comments/column/lukyanov/9691589.shtml). И из этого положения вытекает следующий вывод;

в-четвертых, реформы ЕС не просто назрели, а давно перерзали. Об этом свидетельствует и скандальный выход Великобритании из его состава, и глубокий экономический кризис, поразивший южноевропейские страны, и рост популярности ультраправой идеологии во многих государствах ЕС. И здесь европейскому политическому истеблишменту потребуются именно те качества, в которых ему отказывает Ю. Хабермас. Сегодня объединенной Европе как никогда необходимо осмысление стратегии ее дальнейшего развития. Она должна исходить из интересов всех членов Евросоюза. При этом потребуются политическое мужество признать преждевременными или даже ошибочными некоторые

принятые ранее решения. Таким образом, Евросоюз стоит перед выбором – адекватная реакция на возникшие проблемы или постепенная деградация, переходящая в распад;

в-пятых, роль Европейского союза в мире объективно будет снижаться, но его закат мы, вероятно, увидим не скоро. И это соответствует интересам Российской Федерации. ЕС – наш основной торговый партнер. Между ЕС и Россией исторически сложились тесные контакты в различных областях сотрудничества, поэтому Россия заинтересована в стабильности и предсказуемости объединенной Европы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бжезинский З.* Стратегический взгляд: Америка и глобальный кризис. М. : Астрель, 2012. 285 с.
- Касюк А. Я., Манохин И. В., Харичкин И. К.* Глобализация и новый мировой порядок // Вестник Московского государственного лингвистического университета. М.: ФГБОУ ВО МГЛУ, 2016. Вып. 10 (749). С. 167–181.
- Наум М.* Конец власти. М. : АСТ, 2016. 512 с.
- Саррацин Т.* Европе не нужен евро. М. : АСТ, 2015. 512 с.
- Фукуяма Ф.* Угасание государственного порядка. М. : АСТ, 2017. 704 с.
- Berbalk O., Borst S.* Raumschiff Brüssel // Focus. 2009. № 21. S. 132–137.
- Diez G.* Schluss jetzt! // Der Spiegel. 2011. № 47. S. 134–138.
- Jörges H.-U.* Keine Politik, nirgends // Stern. 2014. 11. Sept. S. 18.
- Sarrazin Th.* Wunschdenken. München: DVA, 2016. 571 S.
- Wendt A.* Der Kapitalismus ist nicht schuld // Focus. 2015. № 31. S. 29.

УДК 392(076)

Таха Мохаммад Али

руководитель Ассоциации содействия реализации социальных и культурных проектов в Республике Крым «Созидание»;
e-mail: alimoh71r@gmail.com

ИСЛАМСКИЙ ФАКТОР В МИРОВОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

В статье рассматривается ислам как одна из мировых религий. В ней освещаются такие вопросы, как сущность ислама и его особенности; основы мусульманского права; основные направления, течения и секты ислама; характерные черты данной религии; научные достижения мусульман; исламский фактор: фундаментализм, экстремизм, терроризм и ваххабизм; понятия «джихад» и «шахид»; миф об «исламской угрозе».

Ключевые слова: ислам; Коран; мусульманин; шариат; исламский фактор; фундаментализм; экстремизм; терроризм; ваххабизм; секта; джихад; шахид.

Takha Mokhammad Ali

Head of the Association of Social and Cultural Assistance Projects in the Republic of Crimea "Cratation", Simferopol. Russian Federation;
e-mail: alimoh71r@gmail.com

THE ISLAM AND POLICY

The article is dedicated to the Islam and domestic and foreign policy of the country which must take it into account. In this article the following problems are brightened: five pillars of the Islam, its peculiarities; the Islam and knowledges; Muhammad – prophet of the Allah; the Arabic invades; the basic of the Muslim rules; the basic directions, trends and sects of the Islam; basic feathers of the Islam; success of Arabs -Muslims in sciences; Islam's factor; Islam's fundamentalism, extremism, terrorism and Wahhabism; conception of jihads and gashed; myth of Islam's threat.

Key words: the Islam; Koran; Muslim; Iariat; Islam's factor; fundamentalism: extremism; terrorism; Wahhabism; sect; jihads; gashed.

Сущность ислама

Ислам оказал на мировое развитие значительное влияние, и с этим необходимо считаться, поэтому следует изучать ислам и выстраивать взаимоотношения с мусульманским миром. При осуществлении внутренней и внешней политики следует строго учитывать особенности ислама как мировой религии.

Предрассудки заключаются в убеждении, будто исламскому миру можно навязать западную модель политической системы.

Ислам (ар. покорность Аллаху, покорность воле Бога) – одна из мировых религий. Слово «ислам» на арабском языке соответствует слову «салям» – «мир».

Ислам зародился среди арабских племен Западной Аравии в начале VII в. Основателем ислама считается пророк Мухаммад (570–632) из племени курайш, начавший проповедовать его в Мекке в VII в. н. э. [Криворучко 2010].

Ислам – духовное ядро новой социальной общности. Это – надродовое и надэтническое мировоззрение. Ислам сплотил всех мусульман вокруг одной веры. Он признает историческую значимость иудаизма и христианства. Данная религия не признает: троичности Бога, божественности Христа, непорочности зачатия, первогреха. Ислам миролюбив и терпим к инакомыслию.

Ислам представлен более чем в 120 странах мира, включая Россию. В начале XX в. каждый пятый житель на планете был мусульманином. К 2020 г. ожидается – каждый третий. Приверженцев ислама во всем мире – 1,5 млрд человек [Массе 2007]. Ни в одной другой религии нет такого процента верующих среди населения, страстно и самозабвенно преданных Господу.

Пять столпов ислама

Пять столпов ислама – основные предписания шариата, являющиеся сутью мусульманской веры и обязательные для всех верующих мусульман:

- исповедание единобожия и пророческой миссии Мухаммада
- ежедневная пятикратная молитва
- пост раз в году в месяц Рамадан
- добровольная милостыня (закят)
- паломничество в Мекку (хадж) [Ислам... 1988].

Каждый мусульманин, если он здоров, не имеет долгов и имеет достаточно средств для путешествия, хотя бы один раз в жизни должен выполнить хадж – паломничество в Мекку к мечети Аль-Харам, где находится святилище Кааба. Это одна из основных пяти обязанностей мусульман. Четыре других – исповедание веры, молитва, пост и деяние в пользу бедных. Каждый мусульманин должен молиться пять раз в день, держать пост в месяц Рамадан (мусульманин не должен есть и пить в светлое время суток).

Основные положения ислама

К основным положениям ислама относятся:

- Всевышний один (нет выше Всевышнего, нет Бога, кроме Всевышнего);
- Мухаммад – пророк, посланный Всевышним;
- судьба каждого мусульманина решена на небесах;
- вера в рай и ад;
- признание Корана священной книги.

Простота теологических основ, *отсутствие* громоздких интеллектуальных и метафизических конструкций, *способность* дать целостную и понятную картину мира и общества, ясные правила и нормы в религиозно-культовых и социально-бытовых областях *способствуют* росту числа сторонников ислама в различных странах мира.

Основы мусульманского права

Шариат – Божественный закон. *Законы шариата* – это правовая система поведения правоверных мусульман, их обязательств перед людьми, обществом и Аллахом.

В исламе два источника веры: *Коран* и *Сунна*. Коран – от Бога, Сунна есть предание, хадис о Пророке.

Коран – *священная книга* мусульман, в которой зафиксированы основные идеи и принципы вероучений Мухаммада. *Коран* – *свод правил* поведения в семье и общине, основы законодательства, философии и эстетики. *Коран* – *замечательный памятник* средневековой литературы, эталон классического литературного арабского языка. *Коран* – *один из величайших трудов* в истории человеческой цивилизации. Он включает 114 сур (глав), состоящих из 6 211 аятов, 77 934 слов на арабском языке. Коран разделен на 30 частей, или 60 разделов.

Сунна – свод обычаев и правил поведения общины – означает теорию и практику мусульманского правоверия. Иджма – общее согласие мусульманской общины [Криворучко 2010].

Основные направления, течения и секты ислама

Ислам подразделяется на три основные направления: *суннизм*, *шиизм* и *хариджизм*. Каждое направление имеет свои течения и секты.

Течения и секты исламских направлений:

- *суннизм*: маликиты, шафииты, ханифиты, ханбалиты, мутазилиты, ахмадиты, махдиты;
- *шиизм*: исмаилиты, имамиты, зейдиты, кайсаниты, карматы, ассасины, кайсаниты, друзы, низариты, мусталиты, даудиды, сулейманиты, алавиты (нусайриты), хуруфиты;
- *хариджизм*: мухаккимиты, азракиты, надждиты, байхаситы, аджрадиты, саалабиты, ибадиты (абадиты), суфриты [Васильев 1983].

Характерные черты ислама:

- ислам, несмотря на разные направления, течения и секты, представляет собой достаточно цельную религиозную систему;
- ислам – образ жизни, мыслей, более того, основа целой цивилизации;
- специфика ислама – слияние духовного и светского начала, политической администрации и религиозной власти.

Мухаммад – пророк Аллаха

Сущность Аллаха непостижима для человеческого разума. Постижимы лишь Его существование и единственность. Вера в Аллаха является первым и основным догматом веры в исламе.

Ислам считает Мухаммада последним пророком. Он основал религию ислама; обосновал общину мусульман сначала в Мекке, потом в Ясрибе (Медине). Датой основания ислама считается 622 г., ознаменовавшийся переселением (хиджра) пророка Мухаммада из его родного города Мекки в Медину.

Мухаммаду удалось сделать своими последователями огромную массу людей в мире, и это свидетельствует о том, что человечество ныне невозможно представить без ислама, ярко свидетельствует в пользу величия и силы этой религии [Криворучко 2010].

Арабское господство

При ближайших преемниках Мухаммада – Абу Бакре, Умаре, Усмани и Али арабы создали крупнейшую империю – Арабский халифат, простиравшийся от границ с Францией до Индии.

К факторам, благоприятствовавшим арабским завоеваниям, относятся:

- наличие внутренних раздоров в стане противника;

- предоставление халифами полной свободы действий своим командующим армиями;
- использование арабами противоречий в стане противника;
- наличие у арабских войск военного опыта и железной дисциплины [Беляев 1966].

Ислам и знания

Ислам выдвинул знание на почетное место. Стремление к знанию – обязанность каждого мусульманина. Знание – одно из центральных понятий религии – имеет две стороны: знание Аллаха и человека. Надпись на медресе гласит: «Учиться – обязанность каждого мусульманина».

Знание – основная сила ислама. Поиски знания открывают дорогу в рай. Ученые – наследники Пророка. «Перо ученых ценнее крови мучеников». «Ищи знания даже если они так далеко, как Китай», – сказал Мухаммад [Сагадеев 1988].

Влияние арабов-мусульман на развитие западной культуры

Завоевание Ближнего Востока, Средней Азии, Северной Африки и Испании арабами в VIII в. – поворотный пункт в мировой истории. Арабы с уважением относились к завоеванным народам, которые стали поддерживать ислам, изучать арабский язык и литературу. Это принято считать началом экономического и социального прогресса мусульманских стран, продолжавшееся более 400 лет и ставшее блестящей главой в истории человеческой культуры, искусства и науки. В захваченных арабами небольших городах создавались арабские школы и колледжи, а в крупных – университеты. Согласно Корану провозглашалось равенство женщин [Фальштинский, Шидфар 2000].

Научные достижения мусульман

Промышленность

- *Ибн Фазлом* в 794 г. в Багдаде была построена первая фабрика по производству бумаги. В Европе такие фабрики стали действовать значительно позже: в Византии – в 1100 г., на Сицилии – в 1102 г., в Германии – в 1228 г., в Англии – только в 1309 г.

Медицина

- *Ибн Сина* или *Авиценна* (980–1037) создал обширный канон медицины, который ученые называют высшим достижением науки. Канон был переведен на латынь и доминировал в преподавании медицины в Европе до конца XVII в.

Математика

- *Аль-Хорезми* (786–850) – общепризнанный основатель алгебры, известный европейцам как Алгорисмус; от его имени был образован термин «алгоритм». Слово «ад-джабр» из названия его книги стало звучать как «алгебра»
- *Беттани* (858–929) фактически заложил основы тригонометрии. Понятие о синусе открыто мусульманами. Мусульмане называли синус «сейб». На Западе это слово, подвергшись изменению, приняло звучание «синус»
- *Абул-Вафа* (940–998) внес в тригонометрию понятие о тангенсе, котангенсе и косекансе
- *Омар Хайям* (ок. 1048–1123) внес в алгебру формулу бинома (которая приписывается Ньютону)
- *Сабит бин Гурра* (ум. в 901) открыл дифференциальное исчисление задолго до Ньютона и ввел геометрическую алгебру задолго до Декарта
- *Аль-Бируни* (973–1048) выдвинул идею о функциях раньше европейцев

Астрономия

- *Бергани* в IX в. открыл существование пятен на Солнце и первым вычислил точное значение кривизны эклиптики
- *Братья Муса* в IX–X вв. вычислили длину земной окружности
- *Аль-Бируни* доказал, что Земля вращается вокруг своей оси и вокруг Солнца
- *Битруджи* (XIII в.) своими трудами открыл дорогу Копернику
- Труды арабов-мусульман в области астрономии на протяжении 700 лет использовались в Европе в качестве учебного пособия

Итак, в течение 400 лет арабы внесли новые идеи в промышленность, медицину, фармацевтику, математику, физику, астрономию,

географию. Арабы строили корабли, каналы. Они принесли мудрость Китая, Индии и всего Востока в Европу, открыли тригонометрию и алгебру, оставили имена в истории аэродинамики [Брандт 2014].

Но почему в дальнейшем мусульманский мир уступил Европе? На этот вопрос дает ответ история развития ислама и теория пассионарности Л. Н. Гумилева (1912–1992).

Периоды развития этноса

Арабский ученый Ибн Халдун (1332–1406) еще в Средние века утверждал, что любая цивилизация переживает в своем развитии начало, расцвет и упадок. Мусульманский мир в этом отношении не является исключением. Это подтверждает и другой факт, что мусульманский мир ожидает подъем и расцвет во всех областях культуры. Он еще удивит весь мир своими открытиями в науке и технике. Этот вывод подтверждается теорией Л. Н. Гумилева: этнос в своем развитии переживает ряд периодов: толчок – 200 лет, подъем – 300, надлом – 200, упадок – 300, затухание – 200 и вырождение – 200 лет. Итого: продолжительность развития этноса около 1 400 лет [Гумилев 2012].

В самом деле, с 570 г. (рождение Мухаммада) до 1979 г. (Исламская революция в Иране) прошло 1 400 лет.

Исламский фактор

Исламский фактор – деятельность исламских субъектов в различных областях общественной жизни под исламскими лозунгами влияет на обстановку в мире и национальную безопасность отдельных стран. Большое значение для возрастания активности мусульман и политизации их деятельности в различных сферах жизни имела антимонархическая революция в Иране (1978–1979), которая привела к установлению исламского правления и созданию государства на основе ислама шиитского толка.

Новые религиозные руководители Ирана стали проводить политику «экспорта исламской революции» с активным использованием исламского фактора в другие страны [Ананьев 2014].

На появление исламского фактора повлияли следующие причины:

– утрата исламом своих позиций в результате колониальных завоеваний, вынудившая мусульман жить под европейским правлением;

– исчезновение силового сдерживания исламского экстремизма в связи с падением авторитарных режимов в мире в XX в.

Исламский фактор включает *фундаментализм, экстремизм и терроризм*. К нему также примыкает исламский *ваххабизм*.

Исламский фундаментализм – идейное течение в исламе, представители которого требуют возврата к «истокам» данной религии, прежде всего к Корану и шариату.

Теоретические установки исламского фундаментализма:

- призыв к возврату первоначального, «истинного» ислама;
- панисламистские идеи;
- идея возрождения халифата;
- борьба за исламское правление, установление исламского порядка, основанного на законах шариата;
- идея джихада – священной борьбы за веру.

Исламский экстремизм представляет собой крайне правую оппозицию во всех странах, где он существует. Его цель – остановить или, по крайней мере, взять под жесткий контроль любую эволюцию общества, в частности, повернуть вспять его вестернизацию.

Исламские экстремисты результатом своей деятельности считают достижение трех основополагающих целей:

- установление в обществе норм «истинного» исламского государства;
- введение в общественную практику норм шариата;
- восстановление Халифата.

Методы исламских экстремистов:

- взрывы, поджоги, разрушения и уничтожение зданий, общественных учреждений, дипломатических и международных представительств, технических объектов и культурных ценностей;
- захват заложников, в том числе на воздушном и морском транспорте, а также в общественных местах (больницах, торговых центрах, предприятиях);
- угрозы проведения диверсионных акций и уничтожения объектов жизнеобеспечения общества, техногенных промышленных

объектов, а также применение химического и бактериологического оружия [Исламский мир... 2005].

Стратегии экстремистов:

- развязывание кампании террора, которая должна привести к дестабилизации внутренней обстановки и последующему всеобщему возмущению;

- создание общины «истинных» мусульман, которая, окрепнув, начнет гражданскую войну против всего остального «неверного» общества;

- захват власти путем государственного переворота, а затем уже «сверху» осуществление тотальной исламизации общества.

Исламский терроризм является одной из основных и наиболее опасных проблем современного мира. Он угрожает безопасности большинства стран, влечет за собой огромные политические, экономические и моральные потери.

Коран допускает вооруженное насилие над неверными лишь в случае агрессии с их стороны. В Коране также недвусмысленно говорится о предпочтении мира перед войной с неверными: «Если неверующие склонны к миру, то и ты, Мухаммад, склоняйся к миру» (Коран 8 : 61).

Мухаммад сказал: «Бей неверного, если он занес меч над твоей головой» (Коран 8 : 65). Вторая часть умалчивается, а акцентируется только первая. Это современные террористы используют для оправдания своих корыстных целей.

Ваххабизм – учение Мухаммада бен Абдель Ваххаба (1703–1792) проповедовало возвращение к чистоте раннего ислама времен пророка Мухаммада, требовало от мусульман избегать проявлений роскоши в быту, одежде.

Ваххабитами стали называть практически все исламские оппозиционные группы, действующие в странах СНГ, которые проповедуют идеи сепаратизма и прибегают к методам насилия для достижения своих целей.

Ваххабизм является геополитической картой, разыгрываемой США. Раскол единых мусульманских образований (государств, общин, организаций), выступающих против США, – одно из главных направлений американской «исламской» политики.

Понятие «джихад». Смысл понятия «джихад» специально искажается в угоду политических целей, предавая анафеме миролюбивые идеи ислама.

Джихад имеет две стороны:

1) внутренняя: война с собственным неверием или недостаточной верой;

2) внешняя: война с многими оговорками. Война за веру – крайнее средство.

В западном и в российском общественном мнении ислам прочно ассоциируется с экстремизмом и терроризмом, что является крупной политической ошибкой [Массе 2007].

Ведут ли террористы джихад?

В Коране говорится «Призывай на путь Господа мудростью и добрым увещанием и веди спор с многобожниками наилучшим способом» (Коран 16 : 125). Что же касается военных действий, то они допускаются лишь в качестве необходимого средства обороны, а не способа покончить с неверием.

Шариат даже в ходе законной войны категорически запрещает убивать женщин и детей, а тем более стариков, священнослужителей, и вообще всех невоеннообязанных.

По исламским нормам коллективную ответственность за акты террора должны нести все причастные к ним лица. Ведь согласно шариату джихад допустим лишь по приказу имама-правителя.

Не шахиды, а грешники.

Коран: «Не убивайте самих себя; воистину Аллах милостив к вам» (Коран 4 : 29).

Идущие на самопожертвование рассчитывают стать шахидами. На земле они уже добились своего: их стали совершенно безосновательно так называть. Но у Аллаха их надеждам не суждено сбыться, хотя бы потому, что шариат категорически запрещает самоубийство.

Погибших по причине собственных грехов согласно Корану ни при каких обстоятельствах нельзя отнести к шахидам.

Ислам и террор

Сама исламская религия объявляет запретным убийство невинных людей и покушение на чужую собственность [Массе 2007]. Исламские лидеры осудили теракт 11 сентября 2001 г.

Представления о том, что воин, павший в бою, попадает в рай, свойственны не только исламу, но и другим религиям.

На совершение акта самопожертвования ради идеи решаются и представители иных конфессий, и члены вполне светских организаций, и просто далекие от религии люди [Кирдаков 2009].

Миф об «исламской угрозе»

Миф об «исламской угрозе» является лишь дымовой завесой, «ширмой» для осуществления Западом своих реальных и куда более изощренных, тонких стратегических операций, направленных, в соответствии с нормами классической стратегии, на сталкивание между собой потенциальных союзников в лагере конкурентов для того, чтобы расправиться с каждым из них по одиночке [Дугин 2001].

Ислам рассматривается Западом как соперник, посягающий на установленный мировой порядок. Кампания против ислама имеет цель дискредитировать мировую религию и подорвать ее историческое движение, так как она имеет достаточный потенциал для того, чтобы стать политической силой мирового масштаба.

Ислам рассматривается Западом как действенная сила, потенциально угрожающая западному господству.

Таким образом, эволюция человечества способствовала развитию прогресса науки и техники: от примитивных каменных орудий до космических кораблей и других величайших творений современной цивилизации. Все эти успехи – результат целеустремленности, непрерывной работы ума народов мира. В этом прогрессе значительная роль принадлежит исламу.

Как и в Средневековье, мусульмане займут достойное место в развитии человечества. Таков магистральный путь общественного прогресса, объективный закон развития любой цивилизации. Такова и диалектика жизни. Уже сейчас мы видим, как исламский мир набирает обороты в экономике, политике, социальных вопросах, культуре, науке и искусстве. Ислам является религией мира. В своем приветствии мусульмане желают друг другу мира. Успех реализации внутренней и внешней политики любого государства зависит от учета особенностей ислама как мировой религии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ананьев А. Г.* Исламский фактор в современных международных отношениях: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2004. 32 с.
- Беляев Е. А.* Арабы, ислам и Арабский халифат в раннем Средневековье. М.: Наука, 1966. 280 с.
- Брандт М. Ю.* История Средних веков. М.: Наука, 2014. 336 с.
- Васильев А. С.* История религий Востока (религиозно-культурные традиции и общество). М.: Просвещение, 1983. 368 с.
- Гумилёв Л. Н.* Этногенез и биосфера Земли. СПб.: Кристалл, 2012. 638 с.
- Дугин А. М.* Ислам против ислама // Вторжение. 2001. № 7. С. 24–38.
- Ислам : Словарь атеиста / под общ. ред. М. Б. Пиотровского, С. М. Прохорова. М.: Политиздат, 1988. 266 с.
- Кирдаков А. А.* Религиозный экстремизм и международный терроризм: Реферат / Институт правоведения. М.: МГЮА, 2009. С. 21–33.
- Коран / перевод с ар. И. Ю. Крачковского. М.: Наука, 2005. 684 с.
- Криворучко А. П.* Ислам и современность. М.: ИПК МГЛУ «Рема», 2010. 268 с.
- Массе А.* Ислам: очерк истории. М.: Наука, 2007. 174 с.
- Сагадеев А. В.* Калам (Обзор) // Классический ислам: традиционные науки и философия. М.: АН СССР, ИНИОН, 1988. 215 с.
- Фильштинский И. М., Шидфар Б. Я.* Очерк арабо-мусульманской культуры. М.: Наука, 2000. 362 с.

УДК 316.722; 930.85; 327.54; 327.8

К. А. Феофанов

доктор политических наук, профессор; профессор кафедры международных отношений Дипломатической академии МИД России;
e-mail: konstantin.feofanov@gmail.com

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ «ДВОЙНОЙ РЕАЛЬНОСТИ» В ИДЕОЛОГИЧЕСКОМ ПРОТИВОСТОЯНИИ ЗАПАДА И РОССИИ

Статья посвящена цивилизационным детерминантам рассогласования между реальной социально-политической ситуацией и идеологически демонстрируемыми представлениями о ней, «первой» и «второй» реальностью в идеологическом противостоянии Запада и России.

Ключевые слова: цивилизационные детерминанты; «двойная реальность»; гиперреальность; противостояние; Запад; Россия.

Feofanov K. A.

Doctor of Political Sciences (Dr.habil), Professor, Department of International Relations, Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry; e-mail: konstantin.feofanov@gmail.com

CIVILIZATIONAL DETERMINANTS OF 'DOUBLE REALITY' IN THE IDEOLOGICAL CONFRONTATION BETWEEN THE WEST AND RUSSIA

The article is devoted to civilizational determinants of discrepancy between the real social and political situation and the ideologically demonstrated perceptions of it, between the 'first' and the 'second' reality in the ideological confrontation between the West and Russia.

Key words: Civilizational determinants; 'double reality'; hyper-reality; confrontation; the West; Russia.

Несмотря на провозглашение окончания «холодной войны» на рубеже 1990-х гг., во втором десятилетии XXI в. разворачивается новый виток западно-российского противостояния, событийно спровоцированный политическими кризисами в Сирии и Украине, но имеющий значительно более глубокий, цивилизационный характер. Противостояние Запада и России как ключевых цивилизационных субъектов начало формироваться в евразийском социально-политическом пространстве во времена ранней Византии, и уже на протяжении полутора тысяч лет проявляется в мирных и военных, геополитических, дипломатических и идеологических

взаимодействиях и является важным фактором для евразийского континента и всего человечества [Феофанов 2016б; Феофанов 2014; Феофанов 2016а; Харичкин 2012].

Истоки процессов, ежедневно наблюдаемых в современных международных отношениях, можно обнаружить в европейском Средневековье VI–IX вв., когда в противовес господству варваров в западной части Римской империи стало возрастать европейское влияние Византии. Территориальная обширность империи, пространственная разделенность Рима и Константинополя создавали предпосылки возникновения различий в управленческих, обрядовых, поведенческих, этических, эстетических и догматических представлениях и в дальнейшем привели к преобладанию центробежных сил над центростремительными, фрагментационных тенденций над интеграционными. Различия заключались в большей силе императорской власти в Византии, в ее использовании православной церкви, находящейся в подчиненном положении, в своих политических интересах, а не наоборот. Будучи отделено от светской власти, византийское православие оставалось ограниченным сферами «веры» и «духовности» и не могло выйти за их пределы.

В римско-католической Европе, напротив, ведущую роль в политике, управлении и экономике играла религия, реализующаяся через всеислие папской власти, в том числе в области светских отношений. Впоследствии римское папство упрочилось целым рядом институтов («святой инквизицией», Крестовыми походами и т. п.), становясь всесильным. Это постепенно привело к «десакрализации» католической церкви, ее превращению в могущественный субъект политических и экономических отношений и борьбы, мирской, материалистический и гедонистический политико-управленческий институт, способный эффективно решать светские, мирские, земные проблемы и выступать цивилизационным двигателем политического, экономического, культурного и даже научного прогресса. Данные особенности способствовали дальнейшему углублению противоречий и цивилизационной дивергенции мирового христианства, усилению западно-европейских стран и ослаблению Византии. Предпосылки христианского разделения, возникшие задолго до Великого христианского раскола 1054 г., рано или поздно всё равно привели бы к разрыву. Взаимные анафемы XI в. были сняты только в 1965 г. [Окунев 2008].

К концу Средних веков успехи и конкурентные преимущества научного познания вызвали настолько бурное развитие капиталистических отношений, что способствовали ослаблению социально-политической роли католической церкви и возникновению протестантизма, в значительно большей степени соответствующего интересам и потребностям буржуазии. В свою очередь, североевропейский, а потом и американский протестантизм привели к возникновению правовых государств, прав частной собственности и демократии как фундаментальных цивилизационных ценностей Запада, максимально соответствующих буржуазным экономическим интересам и получению прибыли. «Протестантская этика», «дух капитализма» (М. Вебер), равно как и его «буква» в виде незыблемости прав человека и частной собственности, породили еще более ускоренное, прорывное развитие и феномен модернизации как наиболее успешную надцивилизационную модель не только для Запада, но и остального мира, реализуемую всеми незападными странами в той или иной разновидности догоняющего развития.

Русь неоднократно подвергалась цивилизационной агрессии со стороны западноевропейских стран, одерживала блестящие победы на западных границах против шведских и немецких рыцарей в битвах на Неве и Чудском озере в середине XIII в., и в то же самое время терпела систематические поражения от Золотой Орды. В отличие от кратковременных оккупаций, в том числе в более поздние эпохи, два с половиной столетия цивилизационного подавления в XIII–XV вв. со стороны Золотой Орды привели к симбиотическим изменениям русского менталитета и образа жизни, безвозвратному усвоению традиций языческой кочевой культуры, всевластию «первого лица» – «хана» и «князя», отсутствию возможностей противостояния произволу «государевых людей», невозможности развития в условиях тотальной коррупции и полной зависимости жизни, свободы, достатка, настоящего и будущего каждого человека от представителей власти. Окончательная победа над Золотой Ордой в XV в., предотвращение дальнейшего распространения цивилизационной угрозы с Востока на территорию Европы создали предпосылки для русской национальной гордости и породили идеи русского мессианизма – спасительной, исключительной и богоизбранной роли Руси, позже выразившейся в доктрине «Москва – Третий Рим».

В условиях сверхдлительного цивилизационного подавления единственным способом выжить для населения и чиновников всех уровней, обремененных различной властью и полномочиями, стало искажение преподносимой информации с целью угодить, продемонстрировать лояльность, не перечить, не высказывать настоящего мнения, не проявлять инициативу, не выделяться из общей массы, льстить, заискивать, демонстрировать несуществующие успехи, скрывать неблагополучные стороны, высказываться только в рамках вышестоящего мнения, преувеличивать «происки врагов». Типичными для российской политической коммуникации, национальной психологии и образа жизни со времен Золотой Орды стали ревностное совершение должностными лицами показных действий, не способствующих реальному решению проблем, но находящихся в русле стратегий, тактик и идеологий власти. «Раздувание щек», «делание хорошей мины при плохой игре», «пиар на пустом месте», демагогическая критика себя и других «для начальства» и «для партнеров» использовались и продолжают использоваться сегодня для создания видимости доверия и эффективной работы. Длительное противостояние несовместимых друг с другом основополагающих нравственных и поведенческих императивов способствовало столкновению десятков и сотен вытекающих из них ценностных ориентаций и поведенческих мотивов и привело к формированию «мигрирующего», «ускользающего», «хамелеонного» сознания, адаптивной гибкости, многоуровневости, манипулятивности, лицемерности, парадоксальной способности «действовать противоречивым образом» и «впадать в крайности». «Думаю одно, делаю другое, говорю третье, мечтаю о четвертом, планирую пятое, показываю, что действую шестым или седьмым способом, на самом деле вторым, но истинной целью всё равно является четвертый вариант». Причем все семь способов могут быть противоположными и даже взаимоисключающими. По распространенной оценке наших соотечественников, американцы и европейцы слишком «примитивны» в мышлении и поведении, так как очень часто «что думают, то и говорят(!)». Многослойность противостоящих друг другу реальностей и смыслов в повседневном поведении обычных российских граждан сродни многоходовым комбинациям зарубежных профессиональных секретных служб [Феофанов 2012].

Всесильность и незыблемость данных поведенческих образцов в качестве системы общественных отношений, государственного и корпоративного управления обуславливают всеобщую и повсеместную обязательность их применения. Данная цивилизационная специфика сегодня прочно пронизывает все слои российского общества, и даже самые верхние уровни управленческой иерархии демонстрируют имитационные действия для подчиненных, населения, избирателей, потребителей, внутренних и зарубежных партнеров. Создание улучшенной, целостной и реалистичной «второй» реальности полезно и выгодно власти, оно помогает на постоянной основе избегать ответственности за нерешение насущных проблем, решить которые в «первой» реальности в ближайшей перспективе не представляется возможным. Насыщенная, улучшенная, красивая, беспроблемная и адаптированная под реципиента «вторая» реальность бесконечно отдалается, противостоит и подавляет скучную и полную проблем жизнь в условиях «первой» реальности. Созданная как социальный миф и спектакль, искусственная «вторая» реальность начинает усиленно охраняться и оберегаться властью. Попытки «диссидентов» и «отщепенцев» рассказать обществу о реальных проблемах «первой» реальности и их «неуважение» к «достижениям» «второй» во все времена приводили к их идеологическому и физическому преследованию и уничтожению (в том числе с помощью всецело подчиненного власти «независимого права»).

Российская социально-политическая действительность уже в 1930–1940-е гг. активно использовала симулякры первого и второго порядков, но симулякрная гиперреальность третьего порядка (Ж. Бодрийяр) начинает активно формироваться только в послевоенную эпоху. В эпоху «развитого социализма» всестороннее идеологически-мифологическое искажение начинает значительно превосходить «постмодернистский» Запад в масштабах и систематичности. В СССР преднамеренно формируется профессиональная идеологическая индустрия по целенаправленному искажению «первой» реальности и обеспечению навязывания и господства «второй» реальности. Подавление искусственной реальностью настоящей на десятилетия становится определяющим условием жизни советских людей. Цивилизационно не имея возможности решать реальные проблемы путем организации эффективного управления

и развития, ненасильственной и эффективной модернизации, наша страна начинает стремительно двигаться в другом направлении, «развивая» «вторую» реальность и в итоге становясь мировым лидером симуляции гиперреальности, очень сильно оторванной от «первой» действительности. Это единственное, в чем наша страна, осуществив модернизацию в отдельных сферах и так и не сделав этого в ряде ключевых областей, «перепрыгнула» в «постмодерн», превосходя остальные, в том числе западные страны.

Целенаправленное идеологическое искажение в интересах власти и властных кланов в настолько невиданных масштабах впервые в истории человечества имело место именно в СССР. Две реальности одной страны представляли совершенно различные социально-политические, технологические, инфраструктурно-бытовые и нравственные системы. Пропась между лучезарной искусственной гиперреальностью и обществом-монстром в виде «деформированного», «мутантного», «феодального» и «казарменного» социализма стало исторически и цивилизационно уникальным артефактом советской «двойной реальности». Запредельный с точки зрения нравственных и психических возможностей человека уровень лжи, неискренности, ханжества, лицемерия, несправедливости и бесправия порождает новые иллюзии – алкоголизм и гипертрофированное чувство национальной гордости. Российские особенности «двойной реальности» по глубине рассогласования между «первой» и «второй» реальностью превзошли не только общества цивилизационного Запада, но и общества цивилизационного Востока. Само общество в «социалистических странах» изначально планировалось на основе стремления к получению политически и идеологически желательных результатов, т. е. целенаправленно отслеживало созидание, комплексность и уровень развития «второй» реальности [Феофанов 1997].

Западное осознание собственной исключительности и богоизбранности начало формироваться в Европе и США несколько позже аналогичных российских процессов конца XV – начала XVI вв. Основой западной доктрины в течение многих веков выступали успехи научно-рационального познания и техногенно-экономического развития. Начиная с XVII в. европейские страны и США в официальных документах различных уровней неоднократно провозглашали «особое место среди других народов

с точки зрения национального духа, политических и религиозных институтов», продемонстрировали веру руководителей и простых граждан в собственную исключительность и особую миссию. Данный подход был выражен в книге губернатора британских колоний в США Дж. Винтропа «Город на холме», изданной в 1630 г. Развитие доктрины приписывается французскому политическому деятелю, автору «лучшей книги об Америке» «Демократия в Америке» (2 т., 1835 и 1840 гг.) А. де Токвилю, утверждавшему, что Соединенные Штаты стали эталоном демократического общества и заняли особое место среди всех стран благодаря первой в мире представительной демократии [Токвиль 1992; American exceptionalism; Baudrillard 1991; Brooks 2013].

Цивилизационные основы западной и российской исключительности получили максимальное выражение в рамках биполярного противостояния второй половины XX в. Для эпохи биполярного противостояния были характерны абсолютизация взаимного противопоставления СССР и Запада. США рассматривались пропагандистской машиной СССР как поборники всего отрицательного и как враг, а СССР как сторонник и единственный защитник всего лучшего и прогрессивного, все действия СССР представлялись в идеальном свете, США и Запада – в негативном – с помощью созданной для этого «второй реальности». То же было характерно для американской идеологии и пропаганды. Внутренние проблемы СССР подавались как случайное отклонение от идеальной нормы в духе «если кто-то кое-где у нас порой честно жить не хочет», вина за которые сваливалась на диссидентов и «происки Запада», реальные проблемы обозначались как временные, несущественные и быстроразрешимые, что исключало возможность их реального анализа. Аналогичный гиперреалистический фильтр действовал в США.

К концу XX в., особенно после распада Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений и утраты цивилизационным Западом «естественного соперника» в лице СССР, проявления американской и западноевропейской исключительности начинают превращаться в опасную противоположность, становятся цивилизационным парадоксом и трагедией для западной цивилизации и всего мира [Синчук 2011]. Действительные преимущества западной модернизации и правового государства, права человека,

неприкосновенность частной собственности и равенство перед законом, поднявшие уровень жизни населения США и Западной Европы на немыслимый уровень, обрастают проблемными, непредсказуемыми и непредвиденными последствиями. Успехи технико-экономического развития, политической экспансии и покорения природы, нарушение христианских заповедей и вмешательство в природные и политические процессы по всему миру приводят в действие всё более ускоряющуюся машину техногенного самоуничтожения.

Усиление глобализации и кризисных процессов на рубеже XX–XXI вв. способствует всё большему целенаправленному использованию западными политиками и средствами массовой информации имитаций и симуляций как целостных и комплексных элементов «второй» реальности (гиперреальности), способных оттеснять и замещать «первую», «чувственную» реальность и восприниматься социумом как настоящая реальность, виртуальный и искусственный характер которой не осознается. Ж. Бодрийяр приводит пример с войной 1991 г. в Персидском заливе, показывая, что у наблюдавших за ней по Си-Эн-Эн (CNN) не было возможности понять, было ли там что-то на самом деле или это просто пляска картинок и взволнованных пропагандистских репортажей на экранах их телевизоров. Механизмы производства симулякров детально показаны в художественном фильме «Плутовство» (англ. «Wag the Dog» – «Хвост виляет собакой») [Baudrillard 1991]. Западные механизмы производства симулякров, расхождения между «первой» и «второй» реальностью уже поставлены на систематическую основу в ряде ключевых сфер американской и европейской внешней и внутренней политики. В большинстве подобных случаев речь может идти о серьезных проблемах, нарушениях и значительных, уже ставших систематическими, отклонениях в социально-политическом развитии. Война в Персидском заливе 1991 г., усиление недемократических тенденций после 11 сентября 2001 г., операция «Несокрушимая свобода» 2001–2014 гг. в Афганистане, Иракская война 2003–2010 гг., нарушение прав человека в американских тюрьмах по всему миру, «Арабская весна» и «Евромайдан», «вмешательство» России в выборы американского президента в 2016 г. слишком далеки от процессов, предьявляемых средствами массовой информации населению США

и мировому сообществу. «Реальная реальность» и ее искаженное отражение в СМИ расходятся всё больше начинают выглядеть как «бесконечно оторванные друг от друга» реальная и гиперреальная «картина мира» стран и политических режимов, аналогично тому, как это было в СССР.

Главными предпосылками «двойной реальности» в современных отношениях Запада и России являются невозможность реального решения многих социально-политических проблем в американском, европейском и российском обществах, стремление выставить особенности собственного развития, внутри- и внешнеполитические усилия в лучшем свете, стремление нанести информационный ущерб, исказить, приукрасить или очернить политиков и политические режимы в условиях геополитической конкуренции и становления нового мирового порядка на фоне сохраняющегося господства представлений о собственной исключительности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Окунев И.* Центростремительные и центробежные силы на политической карте мира // Космополис. 2008. № 1 (20). С. 173–175.
- Синчук Ю. В.* Геополитические вызовы и угрозы современной России // Безопасность Евразии. 2011. № 1. С. 305–314.
- Токвиль А.* Демократия в Америке / пер. с франц. М.: Прогресс, 1992. 554 с.
- Феофанов К. А.* «Двойная реальность» как российский цивилизационный синдром // Социально-гуманитарные знания. 2012. № 3. С. 107–123.
- Феофанов К. А.* Никлас Луман и функционалистская идея ценностно-нормативной интеграции: конец вековой дискуссии // Социологические исследования. 1997. № 3. С. 55.
- Феофанов К. А.* Спасение человечества как предназначение России: между мессианизмом и мультидисциплинарной цивилизационной теорией // Социально-гуманитарные знания. 2016. № 3. С. 273–288.
- Феофанов К. А.* Тупики цивилизаций: преимущества и исключительность Запада и России // Социально-гуманитарные знания. 2014. № 2. С. 29–45.
- Феофанов К. А.* Цивилизационная теория модернизации. М.: Издательские решения, 2016. 248 с.
- Харичкин И. К.* О понятии «политическое управление» // Вестник университета (Государственный университет управления). 2012. № 4. С. 99–103.

American exceptionalism. URL: en.wikipedia.org

Baudrillard J. La Guerre du Golfe n'a pas eu lieu (Войны в Заливе не было).

P.: Galilée, 1991.

Brooks S. American Exceptionalism in the Age of Obama. N. Y.: Routledge, 2013.

УДК 32.019.5

О. М. Хауер-Тюкаркина

кандидат политических наук, преподаватель кафедры российской политики МГУ им. М. В. Ломоносова; e-mail: olga.tjukarkina@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ИМИДЖА ПОЛИТИЧЕСКОГО АКТОРА В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА

Современные глобальные процессы, определяющие архитектуру международных отношений, заставляют государства искать новые способы повышения конкурентоспособности. Одним из ресурсов политического актора, желающего приумножить свой репутационный капитал, является имидж. Имидж подвержен влияниям внешней среды, которые важно учитывать при формировании действенной имиджевой стратегии. В статье описываются особенности формирования имиджа политического актора в условиях кризиса как возможного фактора внешнего влияния, дается определение антикризисной имиджевой стратегии, анализируются ее задачи, основные компоненты, а также описываются ключевые особенности, которые актор должен учитывать при формировании антикризисной имиджевой стратегии.

Ключевые слова: имидж политического актора; кризис; антикризисная имиджевая стратегия; имидж государства; ЕС.

Хауер-Тюкаркина О. М.

PhD (Political Sciences), Lecturer, Department of the Russian Politics, Lomonosov Moscow State University; e-mail: olga.tjukarkina@mail.ru

IMAGE CONSTRUCTION OF A POLITICAL ACTOR DURING CRISIS: ANALYSES OF KEY FEATURES

Modern global processes that determine the architecture of international relations force the states to look for new ways of enhancing their competitiveness. One of the resources of a political actor who wants to increase its reputational capital is image. The image is exposed to environmental influences that are important to consider when forming an effective image strategy of a state. The article examines peculiarities of image construction of a political actor during a crisis, defines the notion of "anti-crisis image strategy" and analyzes its objectives as well as main components, and also describes the key features that a political actor should take into account when constructing the anti-crisis image strategy.

Key words: image of the political actor; crisis; anti-crisis image strategy; image of a state; the EU.

Современная парадигма международных отношений заставляет государства бороться за политическое влияние на мировой

арене, вынуждая правительства искать новые средства повышения конкурентоспособности. На протяжении последних десятилетий многие страны стали активно использовать средства из арсенала «мягкой силы» для наращивания своего репутационного капитала, уделяя особое внимание формированию позитивного имиджа.

Имидж политического актора – это целенаправленно формируемый позитивный образ, призванный повысить конкурентоспособность политического актора и сделать его (актора) привлекательным в глазах основных внешних и внутренних целевых аудиторий (туристов, инвесторов, квалифицированной рабочей силы, мировой общественности, СМИ и т. д.). Соответственно, имиджевая политика актора – это политика, направленная на формирование позитивного имиджа.

Политический имидж достаточно глубоко исследован в зарубежной и отечественной литературе, при этом основная часть работ связана с рассмотрением имиджа политического лидера. Можно отметить работы Е. Шестопал, Т. Пищевой, Г. Почепцова [Образы политиков... 2002; Пищева 2000; Почепцов 2000]. Среди авторов, занимающихся исследованием имиджа политического актора (государства или организации), можно выделить К. Гаджиева, Э. Галумова, И. Василенко [Гаджиев 2003; Галумов 2003; Имидж России... 2012].

Политический имидж актора является комплексной системой с присущими элементами, определенным характером взаимосвязи между элементами, а также внешней средой, оказывающей воздействие на имиджевое образование. Одним из основных факторов внешней среды, оказывающих влияние на имидж актора, являются кризисы.

Несмотря на тот факт, что сегодня фактически каждый день приносит с собой новые кризисы в разных сферах, общепризнанного определения кризиса не существует. Например, известный исследователь в области кризисных коммуникаций Тимоти Кумбс определяет кризис как «серьезную угрозу для деятельности или репутации субъекта, которая может оказывать негативное влияние в случае отсутствия контрмер»¹ [Coombs 2014].

¹Зд. и далее перевод наш. – О. Х.

Т. Кумбс полагает, что главными рисками для актора, переживающего кризис, являются: публичная безопасность, финансовые потери, утрата репутации. При этом первые два риск-фактора являются ключевыми: устранив их, актор может предотвратить разрушение собственной репутации.

Следует отметить, что утрата (полная или частичная) репутации является следствием практически любого кризиса. Даже в том случае, если актор выступает в роли «жертвы», а не «провокатором» кризиса. Так, например, ЕС в определенной мере можно считать «жертвой» национальной финансовой политики стран, входящих в него, ставшей одной из причин усугубления экономического кризиса 2008 г. При этом национальные правительства переложили ответственность на плечи ЕС, часто открыто выставляя организацию в роли виновника и «козла отпущения». Граждане и мировая общественность ожидали от ЕС эффективных антикризисных мер, однако кризис только обнажил слабость ЕС как регулирующего института, нанеся урон имиджу Союза. Другим примером ослабления имиджа организации (не являющейся провокатором кризиса) в рамках урегулирования политического кризиса можно рассматривать деятельность ООН в Демократической Республике Конго [Сидорова 2015]. Несмотря на определенную эффективность миротворческой миссии, участвующей в урегулировании конфликта на территории Конго, существует масса факторов, ослабляющих и ухудшающих имидж ООН. Нарушение дисциплины военнослужащими миссии, раздувание конфликтов со стороны СМИ, медленное реагирование ООН на изменение политической обстановки и др.

Современные кризисы могут иметь различную направленность: политическую, экономическую, культурную, религиозную, идеологическую и др. Несмотря на то, что для многих кризисов характерна стихийность, существуют механизмы по управлению кризисами. При этом формирование антикризисной имиджевой стратегии является одним из компонентов эффективного кризис-менеджмента для политического актора, желающего сохранить свой репутационный капитал.

Антикризисная имиджевая стратегия политического актора — это план действий, направленный на управление собственным имиджем и репутацией в условиях кризиса

с целью недопущения ухудшения имиджа и репутации, составляющих основу политической, экономической и культурной конкурентоспособности актора.

Антикризисная имиджевая стратегия имеет следующие задачи:

- поддержание позитивного имиджа актора в условиях кризиса;
- контроль управляемости имиджа, недопущение манипулирования имиджем со стороны третьих сторон;
- минимизация имиджевых и репутационных ущербов в ходе кризиса;
- формирование четкого плана действий для координации всех участников группы по кризис-менеджменту;
- последовательность и ясность совершаемых актором действий;
- более легкое восстановление имиджа актора в посткризисный период;
- поддержание лояльности со стороны основных целевых аудиторий.

В рамках антикризисной имиджевой стратегии:

- оценивается текущее состояние имиджа, определяются его сильные и слабые стороны;
- оценивается потенциальный ущерб, который кризис может нанести актору;
- оценивается потенциальный резонанс в СМИ;
- определяется роль актора в кризисе (от этого зависит модальность последующих коммуникаций) и стратегия реагирования (например, стратегия апологии или стратегия защиты);
- производится анализ предыдущего опыта кризис-менеджмента, который может быть использован в данном случае;
- фиксируются модели возможного развития ситуации, описываются возможные риски для каждого из сценариев;
- определяются ключевые задачи в зависимости от конкретной ситуации (важно ли поддерживать имидж на том же уровне или урон уже нанесен, соответственно, важно реставрировать имидж);
- создается команда, ответственная за реализацию стратегии;
- определяются целевые аудитории, на которые будут направлены меры и активность;

- определяются инструменты антикризисного имиджевого управления;
- фиксируются коммуникационные инструменты и тактики, а также основные нарративы, которых актор будет последовательно придерживаться в коммуникациях;
- определяются основные спикеры;
- производится планирование ресурсов (временных, финансовых, человеческих);
- производится оценка эффективности (например, мониторинг общественного мнения или контент-анализ ключевых СМИ).

Существует ряд особенностей формирования антикризисной имиджевой стратегии актора.

Во-первых, антикризисная имиджевая стратегия является дополнением общей стратегии актора по управлению кризисом. Важно понимать, что одной лишь имиджевой стратегии недостаточно: она должна подкрепляться конкретными политическими действиями.

Во-вторых, формирование антикризисной имиджевой стратегии должно осуществляться не в момент обострения кризиса, а на предкризисном этапе, когда наметились определенные кризисные тенденции, и актор может смоделировать сценарии дальнейшего развития ситуации, определив свою роль, характер антикризисных имиджевых сообщений, инструменты воздействия. На этапе разрастания кризиса актор может скорректировать намеченную программу исходя из конкретных реалий. Во время посткризисной фазы актор должен оценить эффективность проделанной работы и вынести основные уроки, которые будут учтены в будущем.

В-третьих, антикризисная имиджевая стратегия выстраивается на основе уже существующей имиджевой стратегии актора. Иными словами, она дополняет общую имиджевую стратегию, внося коррективы в имиджевую политику во время кризиса. Важно понимать, что чем стабильнее и сильнее имидж политического актора до кризиса, тем больше вероятность, что ущерб, нанесенный имиджу кризисом, будет минимальным. Формирование имиджа – это долгосрочный процесс, который занимает десятилетия. Имидж несет определенные послания – устойчивые смыслы, которые откладываются в восприятии реципиентов только

при условии соблюдения постоянства имиджевых коммуникаций. Поэтому актер, у которого отсутствовал позитивный имидж до кризиса, не может рассчитывать на то, что в условиях кризиса ему удастся создать прочный имиджевый капитал.

В-четвертых, у антикризисной имиджевой стратегии может быть несколько направлений:

– полная смена имиджа: в качестве примера можно привести имидж Германии, долгое время воспринимавшейся агрессором. Злодеяния нацистов, политика захватничества и стремление поработить весь мир – эти и другие аспекты нанесли непоправимый ущерб имиджу страны. После Второй мировой войны была произведена тотальная «перезагрузка»: Германия полностью отбросила политическую составляющую в имидже и вернулась к образу «культурной нации» (Kulturnation) – страны, подарившей миру столько прекрасных деятелей науки и искусства. Примечательным является тот факт, что и сегодня ФРГ активно поддерживает данную компоненту в своем имидже. Так, в рамках известной имиджевой кампании «Германия – страна идей» ставка была сделана на трансляцию имиджа культурной страны, в которой развиваются наука и культура [Хауер-Тюкаркина 2013];

– менее радикальное изменение имиджа – обновление определенных имиджевых аспектов. Так, после финансового кризиса ЕС произвел некоторую перезагрузку общей стратегии, нашедшей выражение в документе «Европа 2020» [Mitteilung der Kommission... 2010]. Основным фактором имиджевого позиционирования является фактор «заботы» – о гражданах ЕС, о европейском бизнесе, об окружающей среде. Именно забота и «умное» развитие стали основными ценностями, определившими имидж ЕС в условиях системного кризиса;

– трансформация имиджа – это логическая эволюция имиджа в ходе кризиса.

Слово *кризис* произошло от греческого *krisis*, означающего «переворот», «переломный момент». Кризис является не только негативным явлением, но и позитивным: он позволяет выявить слабые стороны в политике актора, помогая совершить необходимые шаги по их устранению. Переломным моментом для России стал приход к власти В.В. Путина, ознаменовавший трансформацию

имиджа страны. Страна начала выстраивать имидж самостоятельного государства, центра православной культуры, центра власти на постсоветском пространстве, а впоследствии – одного из крупнейших игроков на международной арене.

В-пятых, антикризисная имиджевая стратегия должна регулярно проходить процедуру верификации. Иными словами, актор постоянно проводит корректировку намеченного курса в случае наблюдения несоответствия стратегии и реального положения дел, а также при фиксировании низкой эффективности активности.

Современные политические акторы существуют в условиях постоянно сменяющихся кризисов. Так, например, Европейский союз погрузился в состояние системного кризиса, который автор предлагает обозначать как «экзистенциальный», т. е. затрагивающий основные сферы деятельности организации. После эйфории Маастрихтского договора, введения в оборот единой валюты и расширения на Восток в начале 2000 гг. ЕС был поражен чередой нескончаемых кризисов: конституционный кризис 2005 г., финансовый кризис 2008 г. и последующий кризис еврозоны, миграционный кризис, вызванный притоком жертв «арабской весны», углубившийся интеграционный кризис, апогеем которого можно считать «Брексит» 2016 г. ЕС продолжает бороться с нарастающими настроениями евроскептицизма, нивелирующими те «истории успеха», которые делают ЕС самым успешным интеграционным объединением XX в. Очевидно, что ЕС необходимо искать новые методы преодоления кризисных ситуаций, реализуя не только конкретные политические планы, но и выстраивая четкую имиджевую и антикризисную имиджевую политику, которая позволит сохранять имиджевую и репутационную стабильность в условиях текущей политической турбулентности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гаджиев К. С.* Имидж государства в конфликте идеологий. М.: Андалус, 2007. 128 с.
- Галумов Э. А.* Международный имидж России: стратегия формирования. М.: Известия, 2003. 446 с.
- Имидж России: концепция национального и территориального брендинга / под ред. И. А. Василенко. М.: Экономика, 2012. 222 с.
- Психология восприятия власти / под ред. Е. Б. Шестопал. М.: Социально-политическая мысль, 2002. 244 с. (Серия «Научные доклады». Вып. 1.)

- Пищева Т. Н.* Барьеры восприятия публичного образа политика // Полис. Политические исследования. 2000. № 4. С. 132.
- Почепцов Г. Г.* Имиджелогия. М. : Дело, 2000. 272 с.
- Сидорова Г. М.* Подходы миссии ООН по стабилизации в Демократической Республике Конго к конголезскому урегулированию // Вестник академии военных наук. 2015. № 1 (50). С. 162–165.
- Хауер-Тюкаркина О.* Аспекты формирования внешнеполитической имиджевой стратегии современной ФРГ. Владимир : Транзин-Икс, 2013. 180 с.
- Coombs T.* Crisis Management and Communications // Institute for Public Relations, September 23, 2014. URL: www.instituteforpr.org/crisis-management-communications/
- Mitteilung der Kommission. Europa 2020. Eine Strategie für intelligentes, nachhaltiges und integratives Wachstum. Brüssel, den 3.3.2010. KOM (2010) 2020 endgültig.

УДК 327

Я. А. Бурляй

Чрезвычайный и Полномочный Посол, профессор кафедры теории и истории международных отношений Института международных отношений и социально-политических наук, МГПУ;
e-mail: embaru@yandex.ru

О РОССИЙСКО-ИСПАНСКОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ

В статье исследуются цели и задачи России в Латинской Америке. Рассматривается вопрос об использовании Иberoамериканского сообщества в интересах Испании. Делается вывод о том, что Россия и Испания смотрят на Латинскую Америку с совпадающих позиций. Вносятся предложения по налаживанию российско-испанского сотрудничества в Латинской Америке.

Ключевые слова: Латинская Америка; Россия; Испания; Иberoамериканское сообщество; взаимодействие; совпадающие позиции; сотрудничество.

Burliay Yan

Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary, Professor, Department of Theory and History of International Relations, Institute of International Relations and Social and Political Sciences (Faculty); MSLU;
e-mail: embaru@yandex.ru

ON THE RUSSIAN SPANISH INTERACTION IN LATIN AMERICA

The article deal with Russian goals and objectives in Latin America. It opens the questions about use of Iberoamerican Community by Spain. The author draws the conclusion that Russia and Spain have similar views on Latin America and propose to establish Russian Spanish cooperation in Latin America.

Key words: Latin America, Russia, Spain, Iberoamerican Community, interaction, similar views, cooperation.

Наше взаимодействие с Испанией в Латинской Америке пока носит теоретический характер. Однако его практическое осуществление могло бы принести немало пользы всем заинтересованным

сторонам. Размышлениям на эту тему, в том числе предложениям по реализации конкретных совместных шагов России и Испании в латиноамериканском регионе, посвящены данные заметки.

Цели и задачи России в Латинской Америке

События последних лет подтвердили, что Латинская Америка – наш важный внешнеполитический резерв. Латиноамериканцы заинтересованы в расширении сотрудничества с Россией и, несмотря на давление Запада, не присоединились к антироссийским санкциям.

В основе политической философии латиноамериканцев – защита и утверждение национального суверенитета, приверженность международному праву, верность многосторонней дипломатии, соблюдению баланса интересов в международных отношениях, укреплению международной безопасности и стабильности. Латиноамериканцы не заинтересованы в однополярном мире и приветствуют самостоятельную активную внешнюю политику России. У нас исторически нет с ними конфликтов [Современные международные отношения... 2012].

Для России развитие сотрудничества со странами ЛАКБ – важное самостоятельное направление внешней политики. Нас объединяет приверженность принципам многосторонности в мировых делах, примату международного права, укреплению центральной координирующей роли ООН.

Это делает нас естественными союзниками на международной арене, позволяет продвигать взаимодействие по широкому кругу вопросов. Мы признательны латиноамериканцам за поддержку наших международных инициатив, включая неразмещение первыми оружия в космосе, укрепление международной информационной безопасности и противодействие героизации нацизма.

Особые чувства мы испытываем за наших латиноамериканских партнеров, которые, несмотря на серьезное давление со стороны США и ЕС, не присоединились к антироссийским санкциям в связи с событиями на Украине. Особую благодарность выражаем в адрес стран, проголосовавших в марте 2014 г. против антироссийского проекта резолюции ГА ООН «Территориальная целостность Украины» (Боливия, Венесуэла, Куба, Никарагуа) [Центр новостей ООН... 2014].

Поддерживаем с нашими латиноамериканскими партнерами продуктивный политдиалог на высшем и высоком уровне, который опирается на принципы равноправного сотрудничества.

В 2014 г. состоялся визит Президента РФ В.В.Путина в ряд стран региона (Куба, Никарагуа, Аргентина, Бразилия), в ходе которого российский лидер принял участие в VI саммите БРИКС в бразильском городе Форталеза и встретился с лидерами БРИКС – Южная Америка [Официальный визит в Бразилию].

Совпадение интересов и взаимное стремление к развитию сотрудничества выводят наши отношения с ведущими государствами Латинской Америки на уровень стратегического партнерства. Россия поддерживает такого рода отношения с Аргентиной, Бразилией, Венесуэлой, Кубой и Эквадором.

Успешно работает развитый механизм политконсультаций. Расширяется охват по тематике и кругу партнеров в ЛАКБ в рамках экспертных переговоров по ооновской проблематике, нераспространению и разоружению, правам человека и др.

Одним из важных направлений политического диалога и практического взаимодействия России с государствами Латинской Америки является сотрудничество в области новых вызовов и угроз, где особое место отводим взаимодействию на антинаркотическом треке.

В общей сложности подписано более полутора десятков межправительственных и межведомственных соглашений в области борьбы с незаконным оборотом наркотиков.

В контактах с латиноамериканскими партнерами постоянно обсуждается необходимость четкого соблюдения положений антинаркотических конвенций ООН 1961, 1971 и 1988 гг., отказ от практики «двойных стандартов» в этом вопросе.

Россия сотрудничает с Межамериканской комиссией по контролю за злоупотреблением наркотиков (СИКАД). Российские межведомственные делегации регулярно принимают участие в качестве наблюдателей в работе ее сессий. Мы заинтересованы в продолжении этого диалога, в том числе по вопросам борьбы с отмыванием «наркодоходов», обмена опытом в сфере снижения спроса на наркотики, противодействия наркоторговле через Интернет.

Значительное внимание Россия уделяет практической совместной работе правоохранительных органов наших стран.

Налаживаются связи ФСКН России с СИКАД, Комиссией руководителей полицейских органов Центральной Америки, Мексики и Колумбии, а также с Генсекретариатом ЦАИС. В Никарагуа и Перу работают учебные курсы подготовки и повышения квалификации для наркополицейских. Латиноамериканские полицейские проходят обучение в образовательных учреждениях МВД России.

Неотъемлемой составляющей нашей работы в ЛАКБ является сотрудничество в области предотвращения и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций. В целях лучшего взаимодействия со странами региона, прорабатываем проект создания регионального центра МЧС России в Венесуэле, с недавнего времени на базе училища МИД Кубы в Гаване действует Региональный российско-кубинский центр по подготовке специалистов пожарно-спасательного профиля. Мы ведем работу по развитию национальной системы предупреждения чрезвычайных ситуаций и ликвидации их последствий в Никарагуа. Отлажен механизм сотрудничества с Перу в рамках регулярно проводимых заседаний двусторонней профильной межправкомиссии.

Отношения с государствами региона основываются на прочной, взаимовыгодной и транспарентной договорно-правовой базе. С большинством латиноамериканских стран подписаны рамочные договоры об основах отношений, дружбе и сотрудничестве. Заключены ключевые межправительственные соглашения в торгово-экономической, научно-технической, культурной сферах. Подписываются конвенции об избежании двойного налогообложения и о поощрении и взаимной защите инвестиций. Важный юридический «блок» – договоры о правовой помощи, о выдаче и о взаимной передаче осужденных. С большинством государств региона подписаны соглашения о взаимных безвизовых поездках граждан. В последнее время с ведущими странами ЛАКБ заключены соглашения о сотрудничестве в космосе, мирном освоении атомной энергии.

Существенная специфика региона ЛАКБ – множественность разнонаправленных интеграционных структур. Со всеми ведущими объединениями нами установлены рабочие контакты, с рядом – оформлен статус наблюдателя. При этом многосторонний формат продвигается там, где он открывает дополнительные рычаги для активизации двусторонних связей.

Приоритет Россия отдает Сообществу латиноамериканских и карибских стран (СЕЛАК), с которым идет согласование практических направлений политдиалога и сотрудничества. Мы готовы к налаживанию контакта с УНАСУР, а также с МЕРКОСУР. Прорабатываем пути укрепления связей со странами КАРИКОМ и АКГ. Неизменно в поле зрения наши друзья по блоку АЛБА.

Россия внимательно следит за становлением Тихоокеанского альянса – интеграционного объединения стран-рыночников по западным либеральным стандартам (Колумбии, Мексики, Перу, Чили). При этом они не закрываются от сотрудничества с нами, активно идут к налаживанию связей с ЕАЭС / ЕЭК [Лавут 2012].

Латинская Америка может быть использована и для поиска прорывных решений застаревших проблем. Не случайно патриарх Кирилл выбрал Гавану местом исторической встречи с папой римским Франциском.

Немаловажна роль латиноамериканцев в формирующихся глобальных механизмах управления – в ООН, где у них 33 голоса, в «двадцатке», БРИКС и АТЭС. ВТО и ФАО сейчас действует под руководством бразильцев Р. Азеведо и Ж. Грациано да Силвы.

Это не значит, что у нас с латиноамериканскими странами нет расхождений. Неприемлема роль латиноамериканцев в радикальном антиядерном движении, их инициатива в сфере нарколиберальных подходов, близкие к западным оценки в области прав человека. Тем не менее общий позитивный баланс с регионом существенно важнее споров по проблемам.

Мы видим в Латинской Америке перспективного торгово-экономического партнера. Латиноамериканцы высоко ценят примеры успешного взаимодействия с нашей страной и готовы сотрудничать с нами в самых разных отраслях, начиная с рыболовства и сельского хозяйства до мирного атома и космоса. Полагаем, что заявленный латиноамериканцами нейтралитет в отношении антироссийских санкций открывает перед нашими странами новые возможности по развитию торгово-экономических и инвестиционных связей.

В планах наших компаний – участие в проектах по развитию электроэнергетики в Аргентине, Бразилии, Боливии, Венесуэле, Перу, Чили и Эквадоре; разведка и добыча нефти и газа – в Венесуэле, Уругвае и Эквадоре; поставки нефтяного оборудования

в Венесуэлу, авиатехники – в Аргентину и Чили, железнодорожного оборудования – в Аргентину, Бразилию и Эквадор, информационных технологий – в Бразилию и др.

Целенаправленно развивая сотрудничество, мы предлагаем взаимовыгодные формы локализации производства, офсетные схемы, гибкие возможности оплаты, в том числе товарами традиционного латиноамериканского экспорта.

В среднем ежегодный взаимный товарооборот составляет 15 млрд долл. США. Объем наших инвестиций – порядка 13 млрд долл. США [Лавут 2012].

Россия заинтересована в выстраивании полноценных проектных, производственных, технологических альянсов, максимальном использовании возможностей взаимодополняемого характера наших экономик, кооперации по таким направлениям, как нефтегазовая, гидро- и атомная энергетика, авиа- и вертолетостроение, инфраструктура, а в последнее время также биофармацевтика и информационные технологии.

Среди важнейших проектов сотрудничества – модернизация объектов энергетики и металлургии на Кубе, поставка 20 самолетов «Сухой Суперджет 100» в Мексику, строительство завода по производству вакцин в Никарагуа, соглашение о Центре ядерных исследований и технологий в Боливии, создание наземной инфраструктуры системы космического слежения ГЛОНАСС в Бразилии, содействие развитию электроэнергетики в Эквадоре и Аргентине, поставки вертолетной техники в Колумбию и Перу, инвестиции в алюминиевое производство в Гайане и Ямайке и др.

Важное значение придается культурно-гуманитарному сотрудничеству. Позитивный пример – вещание в регионе RT на испанском языке, включение канала в сети кабельного телевидения.

Россия стремится к расширению научно-образовательных контактов и заинтересована в том, чтобы больше студентов из латиноамериканских стран получало образование в российских вузах, прилагая усилия по оптимизации условий приезда и пребывания молодых латиноамериканцев в нашей стране. В 2014–2015 учебном году в российские вузы в счет средств федерального бюджета было принято 409 латиноамериканских студентов.

Россиян всегда привлекала разнообразная и богатая культура стран Латинской Америки. Постепенно возрождаются

лучшие традиции российско-латиноамериканского сотрудничества в культурно-гуманитарной сфере. Растет число выставок, Недель российского кино, Дней российской культуры.

Крупными проектами стали успешная деятельность в Бразилии первой и единственной пока зарубежной школы Государственного академического Большого театра г. Жоинвиль и открытие музыкальной школы им. П.И. Чайковского г. Форталеза при содействии Московской консерватории. В Аргентине ежегодно проводится крупнейший в Латинской Америке фестиваль славянской культуры «Матушка Русь», организуемый силами российских соотечественников.

Испания и ибероамериканское сообщество

Испания традиционно поддерживает тесные связи с государствами Латинской Америки как в двустороннем, так и в многостороннем формате. Особый упор делается на использовании «мягкой силы». Нет страны на латиноамериканском континенте где не было бы одного, а то и нескольких испанских культурных центров. Кроме того, испанцы стали инициаторами создания Ибероамериканского сообщества (ИС) – влиятельного диалогового форума, объединяющего 18 испаноговорящих государств Латинской Америки, Бразилию, Испанию, Португалию и Андору. ИС было учреждено в 1991 г. в Гвадалахаре (Мексика) на первой Ибероамериканской конференции глав государств и правительств, поводом к созыву которой стало 500-летие открытия Америки.

Главными целями ИС являются координация внешней политики стран-участниц, объединение их усилий в целях содействия экономическому развитию и сотрудничеству в области образования, культуры, здравоохранения и т. д.

Институциональная форма деятельности Сообщества – Конференции глав государств и правительств. Кроме того, из состава участников Конференций образована координационная «тройка», состоящая из государств, где проходит саммит в текущем, предыдущем и последующем годах, и берущая на себя организационные функции.

С 2004 г. действует Генеральный секретариат ИС, штаб-квартира которого расположена в Мадриде. С октября 2014 г.

Генеральным секретарем ИС является Ребека Гринспан (в прошлом – вице-президент Коста-Рики).

Деятельное участие в ибероамериканском процессе принимает Испания, выступающая проводником европейской помощи латиноамериканским странам и их лобби в Европейском союзе, ставшая одним из инициаторов диалога по линии ЕС – страны Латинской Америки и Карибского бассейна.

В ходе ибероамериканских встреч на высшем уровне неоднократно удавалось создавать предпосылки для решения некоторых региональных проблем: урегулирования ситуации в Сальвадоре, прекращения вооруженного конфликта между Перу и Эквадором, заключения соглашения о границе между Чили и Аргентиной. На саммите в Коста-Рике благодаря контактам между представителями Кубы и Панамы была достигнута договоренность о восстановлении дипломатических отношений между этими странами.

Страны ИС реализуют проекты по различным направлениям взаимодействия в социально-экономической сфере. Развивается интеграция в области культуры и образования. ИС сотрудничает с Международным конгрессом испанского языка и Сообществом португалоговорящих стран. В мае 2015 г. подписан меморандум о взаимопонимании между МИД Испании и Генеральным секретариатом ИС об использовании разветвленной сети испанских культурных центров в странах сообщества.

В г. Веракрус (Мексика) в декабре 2014 г. состоялся 24-й саммит ИС, в ходе которого был одобрен ряд мер по реформированию и модернизации Сообщества с целью сохранения его в качестве авторитетной диалоговой площадки ЛАКБ – Европа в условиях чередования встреч в верхах в формате ИС с саммитами ЕС-СЕЛАК. В соответствии с новым регламентом очередной саммит состоялся в Колумбии. Заявленная тематика – «Молодежь, предпринимательство и образование».

Перспективы российско-испанского сотрудничества в Латинской Америке

Испания является для нас важным партнером в международных делах. Необходимо продолжать настойчивую работу по поддержке имеющихся направлений сотрудничества и формированию его новых векторов с целью сохранения интенсивной динамики двусторонних связей.

Перспективы развития российско-испанского стратегического партнерства внушают оптимизм. Двустороннее сотрудничество, основанное на тесной дружбе и взаимной симпатии между нашими народами, имеет большие возможности для дальнейшего роста.

Между нашими странами налажен механизм регулярных межмидовских консультаций, в ходе которых обсуждаются и латиноамериканские проблемы. Мы заинтересованно относимся к формату этих консультаций, принимая во внимание особое место Латинской Америки во внешнеполитической системе координат Испании.

Исходя из того, что Россия и Испания смотрят на Латинскую Америку с совпадающих позиций, наши страны выступают за укрепление в регионе демократии, защите прав человека, невмешательства во внутренние дела; заинтересованы в развитии равноправного политического диалога с латиноамериканцами, выстраивании взаимовыгодного торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества с ними.

Москва рассматривает Латиноамериканский регион как влиятельный центр формирующегося полицентричного мира. Отрадно констатировать, что вес Латинской Америки в международных делах продолжает возрастать. Важной стороной политической консолидации региона является поступательное утверждение Латинской Америкой своей самостоятельной роли в мировых делах. Это позволяет латиноамериканским странам вырабатывать и продвигать в международных делах солидарные подходы.

Очевидно, что латиноамериканцы всё более настойчиво отстаивают свои национальные интересы в диалоге с внерегиональными партнерами.

Россия выступает за сильную, экономически устойчивую и политически сплоченную Латинскую Америку. Мы не рассматриваем регион как сферу противостояния с другими державами. Взаимовыгодные отношения с Латинской Америкой для нас важнее, чем ее вовлечение в конфронтационные геополитические сценарии. Углублению наших связей с Латинской Америкой способствовало бы налаживание российско-испанского взаимодействия в регионе.

Россия проводит политику наращивания диалога с интеграционными объединениями ЛАКБ. Для латиноамериканцев Организация американских государств остается важной многосторонней

площадкой диалога с участием США и Канады. Вместе с Испанией мы являемся наблюдателями при ОАГ и принимаем регулярное участие в работе межамериканских комиссий по противодействию терроризму и незаконному обороту наркотиков. Как представляется, можно было бы найти возможности для российско-испанского взаимодействия на этом направлении.

Кроме того, важно задействовать Иberoамериканское сообщество, деятельное участие в котором принимает Испания, выступающая проводником европейской помощи латиноамериканским странам и их «лоббистом», если так можно выразиться, в Европейском союзе и ставшая одним из инициаторов диалога по линии ЕС – страны Латинской Америки и Карибского бассейна.

Первые контакты России с Иberoамериканским сообществом установлены в ходе обмена посланиями на высшем уровне в связи с проведением саммитов ИС на Кубе (1999), в Панаме (2000) и Перу (2001). Президент России направлял послания участникам саммитов в Доминиканской Республике (2002), Боливии (2003), Коста-Рике (2004) и Уругвае (2006).

7–9 февраля 2007 г. состоялся визит в Россию Генерального секретаря ИС Э. Иглесиаса. По итогам его переговоров с С.В. Лавровым был подписан Меморандум о сотрудничестве между МИДом России и Генеральным секретариатом ИС.

Важно наполнить его конкретным содержанием. На мой взгляд, можно было бы подумать о заключении меморандума о взаимопонимании между МИДом России, МИДом Испании и Генеральным секретариатом ИС об использовании российских и испанских культурных центров в странах Сообщества во взаимных интересах.

В условиях непрекращающейся международной финансово-экономической турбулентности ЛАКБ развивается достаточно стабильно. В силу этого конкуренция за доступ на емкие латиноамериканские рынки возрастает, а страны региона становятся заметными игроками на мировых экономических площадках. На этом фоне одним из важнейших вопросов остается обновление производственных мощностей государств ЛАКБ в целях повышения выпуска продукции с высокой добавленной стоимостью, последующего формирования производственных цепочек и их встраивания в систему глобальных производственных отношений в сфере высоких технологий [Давыдов]. В этом контексте ключевой

необходимостью является создание современной транспортной инфраструктурной сети, которая позволила бы существенно снизить издержки внутрирегионального перемещения товаров и услуг, а важнейшим условием для выполнения такого сценария является привлечение значительных финансовых средств. Россия могла бы помочь в строительстве такой инфраструктуры, а Испания – получить под него доступные кредиты.

По моему мнению, следовало бы продумать возможность создания совместных российско-испанских предприятий для продвижения российских инновационных технологий в Латинскую Америку на взаимовыгодной основе. Россия обладает огромным запасом ноу-хау, который мог бы быть использован в интересах ускоренного развития стран ЛАКБ. Однако для эффективного осуществления этого проекта было бы желательно воспользоваться рабочими связями и деловыми контактами испанских предпринимателей.

Думается, что реализация этих предложений отвечала бы интересам России, Испании и стран Латинской Америки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Давыдов В. М.* Прогноз развития Латино-Карибской Америки до 2020 г. URL: russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/prognoz-razvitiya-latino-karibskoy-ameriki-do-2020-goda/
- Интервью министра иностранных дел России С. В. Лаврова // РИА Новости. URL: www.mid.ru/ru/maps/mx/-/asset_publisher/MnkiLq54CM99/content/id/316778 Современные международные отношения: учебник / под ред. А. В. Торкунова, А. В. Мальгина. М.: Аспект Пресс, 2012. 516 с.
- Лавут А. А.* Тихоокеанский альянс латиноамериканской четверки // Латинская Америка. 2012. № 4. С. 15.
- Официальный визит в Бразилию. Саммит БРИКС. URL: kremlin.ru/events/president/trips/46239
- Центр новостей ООН, 27.03.2014. URL: static.un.org/content/news/dh/ru/2014/20140327-ru.pdf

УДК 327

А. Ф. Загуляев

аспирант кафедры теории и истории международных отношений
Института международных отношений и социально-политических наук,
МГЛУ; e-mail: a.zaguljaev@gmail.com

ЗНАЧЕНИЕ ВСТРЕЧИ В СЕН-МАЛО (1998) ДЛЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ ПОЛИТИКИ БЕЗОПАСНОСТИ

В статье рассматриваются причины и следствия подписания Декларации по европейской безопасности 4 декабря 1998 г. в Сен-Мало премьер-министром Великобритании Тони Блэром и президентом Франции Жаком Шираком. Раскрывается ее влияние на отношения внутри «большой тройки» европейских стран, а также отношения этих стран с США. Политическая инициатива правительства британских лейбористов в 1998 г. сравнивается с намерением Великобритании в 2016 г. препятствовать созданию европейских вооруженных сил.

Ключевые слова: Европейский союз; Великобритания; Франция; Германия; США; НАТО; ОВПБ ЕС; Встреча в Сен-Мало; европейская интеграция; безопасность.

Zaguljaev A. F.

Postgraduate Student, Department of Theory and History, Institute of International Relations and Social and Political Sciences (Faculty), MSLU;
e-mail: a.zaguljaev@gmail.com

THE SIGNIFICANCE OF ST.MALO SUMMIT (1998) FOR EUROPEAN SECURITY POLICY

The article discusses the causes and consequences of the Joint Declaration of British Prime Minister Tony Blair and French President Jacques Chirac on European security signed on December 4, 1998 in St.Malo. The article tackles its impact on relations within the big three European countries, as well as on relations of these countries with the USA. Initiative of the British Labour government in 1998 is compared with the intention of the United Kingdom in 2016 to prevent the development of joint European armed forces.

Key words: European Union; United Kingdom; France; Germany; USA; NATO; CFSP EU; St. Malo Summit; European Integration; security.

В ноябре 2016 г. глава Еврокомиссии Жан-Клод Юнкер заявил: «Американцам мы многим обязаны, <...> но они не будут в долгосрочной перспективе заботиться о безопасности европейцев. Это

мы должны сделать сами, и поэтому нам нужно дать новый ход вопросу о европейском оборонительном союзе вплоть до... создания европейской армии» [Юнкер... 2016]. Комментируя это заявление, британский министр обороны Майкл Фэллон подчеркнул, что до своего выхода из Европейского союза Соединенное Королевство будет препятствовать созданию единой европейской армии.

Хотя Великобритания традиционно выступала за ключевую роль НАТО в качестве гаранта европейской безопасности, это заявление может быть названо наиболее жестким. Оно тем более примечательно, что в конце 1990-х г. именно Великобритания была одной из главных сторонниц создания европейских сил быстрого реагирования. Вновь актуальным представляется обращение к опыту встречи в Сен-Мало в 1998 г. президента Франции Жака Ширака и британского премьер-министра Тони Блэра.

Подготовка к встрече в Сен-Мало

Великобритания стала поднимать вопрос о создании европейских сил быстрого реагирования в 1998 г., через год после прихода к власти лейбористов и формирования Кабинета министров Т. Блэра. Для британской позиции по вопросам европейской обороны это был достаточно резкий поворот: и в период «холодной войны», и по ее завершению Лондон подчеркивал роль «зонтика НАТО» в защите Европы. Предвыборный манифест лейбористов 1997 г. также заявлял, что «основой обороны Великобритании останется членство в НАТО» [New Labour... 1997], осуществляться и развиваться она будет прежде всего с использованием возможностей альянса. Однако в том же манифесте оговаривалось, что для увеличения эффективности обороны будут использоваться возможности ЗЕС и ОБСЕ. Так что можно сказать, что, выступая с неожиданной инициативой, кабинет Т. Блэра выполнял свои предвыборные обещания.

Сигналом появления новой позиции стали высказывания британского премьер-министра на неофициальном саммите ЕС, состоявшемся в Перчах-ам-Вертерзее (Австрия) 24–25 октября 1998 г. «Общая внешняя политика и политика безопасности необходимы для Европейского союза <...>. Думаю, что в Европе были рады, что Британия стала открыта для обсуждения этого»¹, – заявил Т. Блэр на итоговой пресс-конференции, добавив, что дипло-

¹Зд. и далее перевод наш. – А. З.

матические возможности ЕС должны быть подкреплены военной силой [European Defense... 2000].

В Перчахе Тони Блэр объяснял необходимость создания сил быстрого реагирования ЕС намерением сделать более гибким подход к разрешению локальных конфликтов и миротворческих операций в особенности в тех случаях, когда в них не хотели бы оказаться вовлеченными США или НАТО. Он отмечал, что и движение ЕС от структуры фактически внутри НАТО к интеграции в будущую систему общей внешней политики и обороны ЕС улучшит функционирование системы безопасности и не несет в себе ущемление полномочий Североатлантического союза.

Через 10 дней в Вене на неофициальном заседании министров обороны стран ЕС британский министр обороны Джордж Робертсон был более осторожен в оценках: «Есть ли у нас политическая воля и военные возможности, чтобы претворить в жизнь эту политику?» [там же].

11 ноября 1998 г. в Палате общин прошли дебаты по вопросам политики безопасности ЕС, инициированные оппозицией, утверждавшей, что циркулируют слухи о подготовке важных решений в области безопасности в министерствах иностранных дел и обороны. Отвечая на вопросы, заместитель министра иностранных дел Великобритании Джон Спеллар пояснил депутатам: «Страны-члены ЕС сохраняют контроль над своими вооруженными силами и возможностями их применения в случае военной угрозы. Мы не считаем, что Еврокомиссия или Европарламент должны напрямую принимать участие в таких решениях, также не подрываются и не дублируются функции НАТО» [House of Commons... 1998].

Подписание Совместной декларации по европейской обороне

3–4 декабря 1998 г. в бретонском городке Сен-Мало, недалеко от знаменитого монастыря-острова Сен-Мишель, глава правительства премьер-министра Великобритании Тони Блэр и президент Франции Жак Ширак подписали Совместную декларацию по европейской обороне, состоящую из пяти статей.

В Декларации говорится, что «Союз должен иметь способность осуществлять автономные действия, подкрепленные надежной военной силой», выражается намерение создать европейские силы быстрого реагирования и обеспечить их конкурентоспособной продукцией оборонной промышленности европейских стран

и высокими технологиями [Joint Declaration... 1998]. Расширение европейской системы безопасности было направлено на усиление роли ЕС на международной арене. Как формулирует Декларация, «для того, чтобы голос Европы стал слышен в мире» [там же].

В тексте Декларации было отмечено, что она принимается как шаг в реализации Амстердамского договора 1997 г. для упрочения роли Европейского союза в качестве полноценного актора международных отношений. Внимание в Декларации было уделено взаимодействию в области стратегического анализа и планирования.

В отношении создания европейских сил в декларации употреблялось слово «автономный» (ст. 2) вместо «независимый» [European Defense... 2000], что, согласно намерению обеих сторон, прежде всего англичан, должно было подчеркивать сохранение первостепенного значения Североатлантического альянса для европейской безопасности.

Встреча не ограничивалась Декларацией премьер-министра Великобритании и президента Франции. К Сен-Мало подошел британский эсминец «Бирмингем», на борту которого министры обороны двух стран Джордж Робертсон и Ален Ришар подписали Соглашение о сотрудничестве в области обороны. По словам Дж. Робертсона, это Соглашение должно было улучшить взаимодействие между вооруженными силами двух стран в области военного планирования и «снизить их зависимость от США» [UK Politics Anglo-French... 1998]. Британский министр обороны заявил: «Сотрудничество между Великобританией и Францией будет доказано на деле тем, как их силы будут взаимодействовать в наблюдении за событиями в бывшей Югославии» [там же]. Он отметил, что Соглашение стало во многом реакцией на отсутствие среди стран Европы консенсуса по вопросу решения проблемы кризиса в Косово.

Помимо обороны, на встрече в Сен-Мало также обсуждались и финансовые вопросы, в частности, формирование бюджета ЕС.

Вопрос о европейской безопасности в контексте курса новых лейбористов

Правительство лейбористов пошло на изменение британской позиции по вопросу европейской безопасности по многим

причинам. «Для определения политического механизма обеспечения военной безопасности учитывается структура политической системы общества, система политических отношений между государствами» [Манохин, Синчук 2016, с. 153].

Основной причиной смены курса можно назвать намерение подкрепить заявленное в предвыборной кампании активное участие в деятельности ЕС резонансной политической инициативой.

В предвыборном манифесте лейбористов «Ведь Британия заслуживает лучшего» (1997) указывалось: «Мы возглавим кампанию за реформы в Европе. Европа не работает так, как нужно этой стране и самой Европе. Однако, чтобы «возглавить», нужно включиться в общую работу, нужно быть конструктивными, нужно иметь силы отстоять наши интересы» [New Labour... 1997].

В 1997 г. провалились усилия кабинета Блэра по присоединению к еврозоне. Идея перехода к единой валюте встретила сильный отпор со стороны оппозиции и общественного мнения. Политическая инициатива по вопросу общей безопасности компенсировала ущерб британскому авторитету среди партнеров по ЕС, показывала серьезность проевропейского курса нового правительства и даже выводила Великобританию в авангард интеграции по одному из важнейших направлений – общей политике безопасности.

Действительно, франко-британская декларация о намерениях встретила одобрение со стороны стран-членов ЕС на встрече Европейского совета, состоявшейся в Вене через неделю после встречи Т. Блэра и Ж. Ширака. Специалисты по вопросам европейской интеграции Т. Салмон и А. Шепперд отмечают важность общего намерения европейских стран, а не только двух участников первоначальных переговоров: «Существуют совместные усилия Соединенного королевства и ряда стран-членов ЕС развивать общую систему безопасности» [Salomon 2003, с. 164].

Стоит добавить, что декларация о намерениях, громко прозвучав, вовсе не обязана была привести к реальному созданию полномасштабной европейской армии в ближайшей перспективе. С присущим ему прагматизмом Соединенное Королевство могло бы активизировать или «подмораживать» этот процесс в зависимости от тактических соображений – как во внешней, так и во внутренней политике.

Реакция США на франко-британскую инициативу

Хотя британские политики регулярно подчеркивают важность «особых отношений» с США, Лондон столь же регулярно старается расширить границы независимости своего политического курса. Объявленная новая европейская политика Т.Блэра дала удобный момент для подобных шагов.

Вашингтон обычно болезненно реагировал на несогласованные действия Лондона, но мирился с ними, когда мог найти им объяснение: «особые отношения» остаются в силе, просто англичанам нужно решить некую тактическую задачу. В данном случае такой задачей было увеличить свое влияние в ЕС.

Англо-французское сближение в ЕС не отвечало интересам США ни во время «холодной войны», ни по ее завершении. Соглашение в Сен-Мало заставляет вспомнить о том, как в 1962 г. Великобритания не приняла французские предложения о сотрудничестве в ядерной области и подписала с США Пакт Нассау, по которому Соединенные Штаты обязывались поставить в Великобританию ядерные ракеты «Polaris», а Великобритания передавала США в аренду базу для атомных подводных лодок. Тогдашние действия Лондона стали одной из причин, по которым Франция препятствовала вхождению Великобритании в Европейское экономическое сообщество.

Авторы монографии «Дилеммы Британии» напоминают: «Позже, благодаря рассекреченным документам из Национального архива США, выяснилось, что Вашингтон поддерживал ядерные амбиции Парижа в его соревновании с Лондоном (и даже оказывал ему помощь в ядерных вопросах) с тем, чтобы не допустить англо-французского сближения и создания двумя странами антиамериканского блока» [Дилеммы Британии... 2014, с. 342].

Встрече в Сен-Мало предшествовал ряд двусторонних соглашений по военному партнерству – ВМФ (1996), сухопутных сил (1997), ВВС (1998). Великобритания и Франция участвовали в операциях на территории бывшей Югославии. Поэтому для США англо-французское сближение было объяснимо.

В США сдержанно приветствовали встречу, особо отмечая необходимость сохранить роль НАТО. Государственный секретарь Мадлен Олбрайт прокомментировала декларацию Сен-Мало так: «Не должно быть дублирования функций или дискриминации.

Таким образом, европейцы могут участвовать в общей работе НАТО. Эта декларация не может затронуть НАТО, потому что альянс является наиболее важным звеном безопасности» [European Defense 2000, с. 14]. В статье, опубликованной через несколько дней газетой «Файненшиал Таймз», она пояснила значение терминов «дублирование функций» и «дискриминация»¹.

Государственный секретарь писала: «Мы должны избежать разделений: НАТО является выражением нерасторжимой трансатлантической связи. Она должна остаться организацией суверенных союзников, в которой европейская система принятия решений не оторвана от общей» [Albright Madeleine... 1998]. Проблему дублирования функций НАТО и европейских сил быстрого реагирования М. Олбрайт относила к военному планированию и оперативному управлению. Под дискриминацией же имелась в виду возможное ущемление стран-членов НАТО, не входящих в ЕС в случае формирования европейских сил быстрого реагирования.

Декларация Сен-Мало и отношения внутри европейской «большой тройки»

Встреча в Сен-Мало поставила вопрос об отношениях внутри «большой тройки» европейских государств – Великобритании, Германии и Франции. Почему Германия не участвовала в саммите?

Нужно учитывать, что в двух странах «большой тройки» ко времени встречи в Сен-Мало произошла смена правящих партий. В Великобритании в 1997 г. тори сменила Партия труда, а в Германии в октябре 1998 г. на выборах победила коалиция социал-демократов и зеленых. Если лейбористы выступали за «перезагрузку» отношений с ЕС, то немецкие социал-демократы стремились к улучшению прежде прохладных отношений с Великобританией, сохраняя франко-германскую связку в Евросоюзе.

Став канцлером Германии, первый зарубежный визит Г. Шредер нанес в Лондон, а 1 декабря 1998 г. в Потсдаме прошел германо-французский саммит, на котором одним из основных вопросов стала общая политика безопасности в Европе. Комментируя результаты

¹ Статью М. Олбрайт часто обозначают как «Декларацию трех D», от английских слов *decoupling*, *duplication*, *discrimination* (разделение, дублирование функций, дискриминация).

встречи в Сен-Мало, министр обороны Германии Рудольф Шарпинг подчеркивал значение для ее результатов потсдамской декларации. Таким образом, речь едва ли идет о том, что Лондон и Париж договаривались в Сен-Мало за спиной Берлина.

«Можно предположить несколько причин сдержанности Берлина, – пишет академик В. В. Журкин. – Он мог учесть усиливающееся беспокойство по крайней мере в отдельных европейских столицах по поводу возросшего веса объединенной Германии на европейской экономической и политической арене. Если уделить должное внимание этому беспокойству, то для Берлина было вполне логично предоставить возможность сделать первый знаковый шаг двум единственным западноевропейским ядерным державам и постоянным членами Совета Безопасности ООН – Англии и Франции. Берлин, в принципе, ничего не терял, слегка отступив в сторону, тем более что и до и после Сен-Мало он находился в теснейшем контакте с Парижем. Можно предположить и определенную роль США: некоторые американские круги давно посматривают в сторону Германии, видя в ней своего потенциально важнейшего главного партнера в Европе» [Журкин 2001, с. 59–60].

Значение встречи в Сен-Мало

Хотя европейские вооруженные силы так и не были созданы, встреча в Сен-Мало 1998 г. определила направление развития системы общей внешней политики и политики безопасности ЕС и решений Кельнского (1999) и Хельсинского (1999) саммитов ЕС и последующего развития военного компонента европейской политики безопасности и обороны, Декларации ЕС–НАТО об общеевропейской политике в области безопасности и обороны (ОЕБПО) 2002 г., европейской стратегии безопасности «Безопасная Европа в улучшающемся мире» 2003 г. и др.

В области франко-британских соглашений она открыла новый период более тесного сотрудничества. Хотя традиционное партнерство-соперничество двух стран не было преодолено, открылись новые возможности, которые использовали и последующие правительства, например, правительство консерваторов премьер-министра Дэвида Кэмерона в 2010 г. заключившее с Францией соглашение о военном партнерстве.

Проявившийся после британского референдума о выходе из состава ЕС 2016 г. поворот политики Лондона по отношению к созданию европейских вооруженных сил вновь свидетельствует о прагматизме и «гибкости» британской европейской политики. Если Соединенное Королевство покидает Евросоюз, то ему и не нужно усиление автономной европейской системы обороны, а, напротив, важно сохранить свое влияние на европейскую безопасность через структуры НАТО.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Дилеммы Британии. Поиск путей развития / под ред. Ал. А. Громыко (отв. ред.) и Е. В. Ананьевой. М.: Весь Мир, 2014. 480 с.
- Журкин В. В. Европейская оборона: от мифа к реальности // Современная Европа. 2001. № 3. С. 52–64.
- Манохин И. В., Синчук Ю. В. К вопросу об обеспечении военной безопасности // Вестник Московского государственного лингвистического университета. М.: МГЛУ, 2016. Вып. 3 (742). С. 152–156.
- Юнкер считает неизбежным создание европейской армии // РИА-Новости (Россия). 2016. URL: ria.ru/world/20161109/1481039940.html
- European Defence: From Pörtlach to Helsinki // House of Commons Research Paper 00/20. (UK). 2000. 48 p.
- House of Commons Debates 11 Nov. 1998. // House of Commons (UK). 1998. URL: www.publications.parliament.uk/pa/cm199798/cmhansrd/vo981111/debtext/81111-01.htm#81111-01_spm10.
- Joint Declaration on European Defence. Joint Declaration issued at the British-French Summit (Saint-Malo, 4 December 1998) // Foreign & Commonwealth Office (UK). 1998. URL: www.cvce.eu/obj/franco_british_st_malo_declaration_4_december_1998-en-f3cd16fb-fc37-4d52-936f-c8e9bc80f24f.html.
- Labour Party Manifesto, 1997 // Labour Party (UK). 1997. URL: www.politicsresources.net/area/uk/man/lab97.htm.
- Salmon Trevor, Shepherd Alistair. Toward a European Army: A Military Power in the Making? Lynne Rienner Pub (UK). 2003. 239 p.
- The Right Balance Will Secure NATO's Future // Financial Times (UK). 1998. URL: www.iss.europa.eu/uploads/media/cp047e.pdf
- UK Politics Anglo-French military pact // BBC (UK). 1998. URL: news.bbc.co.uk/2/hi/uk_news/politics/227598.stm

УДК 333.4

А. Я. Касюк, А. А. Криворучко

Касюк А. Я., доктор исторических наук, профессор; директор Института международных отношений и социально-политических наук, МГЛУ;
e-mail: imoispn225@mail.ru

Криворучко А. А., кандидат исторических наук; ведущий инженер Главного научно-исследовательского вычислительного центра Управления делами Президента РФ; e-mail: krivalexsakya-1111@yandex.ru

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОПЕРАЦИИ ПО ПОДДЕРЖАНИЮ МИРА КАК СПОСОБ УРЕГУЛИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ КРИЗИСОВ И ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ

Статья посвящена международным операциям как способу урегулирования политических кризисов и вооруженных конфликтов. Особое внимание уделяется проблеме миротворческой операции в Косово в контексте внешней политики России. Авторы подробно останавливаются на косовском конфликте как общем кризисе бывшей Югославии, геополитических интересах Российской Федерации на Балканах, международных операциях по поддержанию мира и опыте участия в них СССР / РФ.

Ключевые слова: миротворческая операция; геополитика; вооруженный конфликт; гуманитарная интервенция; международное сообщество; военная безопасность; инфраструктура; тенденция; мирное урегулирование.

Kasyuk A. Ya.

Doctor of Historical Sciences (Dr.habil), Professor, Director of the Institute of International Relations and Social and Political Sciences (Faculty), MSLU;
e-mail: imoispn225@mail.ru

Krivoruchko A. A.

PhD (History), Leading Engineer of the Main (Scientific-)Research Calculating and Computing Center; e-mail: krivalexsakya-1111@yandex.ru

UN PEACEKEEPING OPERATIONS AS A METHOD OF REGULATION POLITICAL CRISES AND ARMED CONFLICTS

The article is devoted to UN peacekeeping operations as a method of regulation political crises and armed conflicts as well as to the consideration of the problem of the peacekeeping operation in Kosovo in the context of Russia's foreign policy. The author focuses on – the conflict in Kosovo as part of the general crisis in the former Yugoslavia; geopolitical interests of the Russian Federation in the Balkans; international peacekeeping operations and experience in these USSR / RF.

Key words: peacekeeping operation; geopolitics; armed conflict; humanitarian intervention; the international community; military security; infrastructure; tendency; peaceful regulation.

Создание международной организации по поддержанию мира на завершающем этапе Второй мировой войны свидетельствовало о признании мировым сообществом необходимости урегулирования международных конфликтов мирными средствами. Впервые в истории человечества ООН заложила основы комплексной системы коллективной безопасности, представляющей собой нововведение, в результате которого права и возможности ООН, ее военное оснащение сделали организацию способной противостоять силой попыткам угрозы актам агрессии или другим нарушениям международного мира [Актуальные проблемы... 1982].

После Второй мировой войны мировое сообщество столкнулось с локальными войнами и вооруженными конфликтами, которые требовали скорейшего урегулирования, так как представляли потенциальную опасность для региональной и международной безопасности.

Именно тогда возникла новая форма воздействия международного сообщества на урегулирование межгосударственных споров, гражданских войн и вооруженных конфликтов – операции ООН по поддержанию мира. Этот новый миротворческий инструмент предусматривал использование специальных контингентов военнослужащих (военных наблюдателей) и воинских подразделений (миротворческих сил) третьих стран.

В планах послевоенного устройства мира, которые были разработаны союзниками на заключительном этапе Второй мировой войны, важнейшая роль отводилась системе безопасности, основанной на совместном применении силы великими державами. В Уставе ООН, одобренном 24 октября 1945 г. на конференции в Сан-Франциско, была предусмотрена система как мирных, так и принудительных методов урегулирования международных конфликтов.

Отличительной особенностью концепции коллективной безопасности, разработанной ООН, является необходимость сочетания в ее деятельности мирных (политико-дипломатических) и принудительных мер (вплоть до использования вооруженных сил Организации) для поддержания или восстановления международного

мира и безопасности, а также развитие и поощрение сотрудничества государств в экономической, социальной, культурной, экологической и иных областях [Шепова 2003].

На рубеже 1940–1950-х гг. сформировалась система организации миссий ООН и управления ими, были разработаны основные принципы их работы, определен международно-правовой статус. Наметились тенденции к признанию необходимости участия ООН в разрешении внутренних конфликтов.

К середине 1990-х гг. в ООН была сформирована современная концептуальная основа миротворчества. Понятие миротворчества с учетом современных проявлений этой деятельности подразумевает усилия, направленные на предотвращение или пресечение конфликтов и войн, а также их последствий, в том числе превентивную дипломатию, способствование миру, поддержание мира, принуждение к миру [Шепова 2003].

Миротворчество – это инструмент, который при правильном использовании уже много раз доказывал свою эффективность. Оно относится к международной деятельности. Его следует рассматривать в узком и широком смыслах. Миротворчество в узком смысле – действия, направленные на то, чтобы привести к согласию враждующие стороны, преимущественно переговорами, посредничеством, примирением и другими невоенными средствами, предусмотренными в главе VI Устава ООН. Миротворчество в широком смысле – действия от превентивной дипломатии до принуждения к миру, в том числе с использованием военной силы [Шепова 2003].

В практике своей миротворческой деятельности как совокупности мер по урегулированию и разрешению конфликтов ООН в годы «холодной войны» использовала различные средства и методы укрепления, поддержания и восстановления международного мира и безопасности. Важное место среди них заняли операции по поддержанию мира (ОПМ) как способ урегулирования политических кризисов и вооруженных конфликтов, явившиеся новаторским изобретением ООН.

Операции по поддержанию мира (*англ.* peacekeeping operations) предполагают их проведение с использованием военных наблюдателей или многонациональных вооруженных сил, или миротворческих сил государств – членов ООН (по решению Совета Безопасности, в отдельных случаях – Генеральной Ассамблеи), или

государств-членов региональных соглашений (по решению соответствующего органа) [Шепова 2003].

Эти операции должны обеспечивать соблюдение условий прекращения огня и разъединения сил уже после заключения соглашения о перемирии.

Они включают в себя широкий набор акций – от усилий по достижению немедленного прекращения кровопролития и разведению антагонистов до содействия осуществлению договоренностей, достигнутых сторонами в конфликте во имя прочного и долгосрочного разрешения кризисов [Заемский 2005].

Можно выделить несколько основных этапов в развитии подходов международного сообщества к осуществлению миротворческой деятельности.

В ходе первого этапа (1948–1956) были организованы две операции ООН по поддержанию мира, которые продолжаются до настоящего времени. Первая операция была учреждена в мае 1948 г. на Ближнем Востоке для урегулирования Арабо-израильского конфликта и называлась «Орган ООН по наблюдению за выполнением условий перемирия» (ОНВУП). Это была наблюдательная миссия, в состав которой входили военные наблюдатели из государств-членов ООН. Вторая операция в составе группы военных наблюдателей ООН в Индии и Пакистане была организована в 1949 г. для наблюдения за линией разграничения между двумя странами в Кашмире.

На этом этапе впервые были апробированы подходы к учреждению миссий по наблюдению за прекращением огня.

Второй этап международного миротворчества (1956–1967) проходил на фоне возрастания напряженности в отношениях двух основных военно-политических блоков – ОВД и НАТО. Политика ядерного сдерживания, проводившаяся двумя сверхдержавами (СССР и США) в отношении друг друга, вынуждала их в ряде случаев искать взаимоприемлемые компромиссы, с тем чтобы предотвратить конфликтные ситуации в регионах, которые в значительной степени могли бы угрожать разрастанием военного конфликта до глобальных размеров.

В этот период впервые были сформированы миротворческие силы ООН с целью прекращения огня и поддержания международного мира. Так, были учреждены Чрезвычайные силы ООН

(ЧВС-1) на Синае, операция ООН в Конго, Силы ООН по сохранению мира на Кипре, а также четыре миссии наблюдателей: в Ливане, Йемене, Доминиканской Республике и на индо-пакистанской границе. В ходе этих операций отработывался механизм давления на противоборствующие стороны с целью создания необходимых условий для проведения переговоров, направленных на мирное урегулирование конфликтов [Запарий 2004].

Операция по поддержанию мира в Конго (1960–1964), по сути, была первой ОПМ с элементами принуждения, т. е. прообразом будущих операций по принуждению к миру. Развертывание миротворческих сил по поддержанию мира позволило более активно воздействовать на конфликт, так как они осуществляли не только функции наблюдения, но и разделения враждующих сторон и обеспечения вывода иностранных войск с территорий конфликтующих государств.

Третий этап (1967–1973) характеризовался наиболее ожесточенным соперничеством военно-политических группировок Запада и Востока, что привело к постепенному сворачиванию миротворческой деятельности под эгидой ООН. В течение этого периода не было организовано ни одной новой миротворческой операции.

На четвертом этапе (конец 1973 – начало 1980-х) миротворческая деятельность вновь стала рассматриваться в качестве средства обеспечения контроля развития конфликтных ситуаций. В этот период миротворческие операции предпринимались с согласия вовлеченных сторон, в миротворческих силах задействовались контингенты вооруженных сил небольших государств, нейтральных по отношению к конфликту. Целями миротворческих операций стало восстановление спокойствия, содействие прекращению боевых действий в сочетании с осуществлением мер по росту доверия между сторонами конфликта. При учреждении Чрезвычайных вооруженных сил ООН на Ближнем Востоке (ЧВС-2) в 1973 г. были разрешены противоречия по процедуре их создания, контроля и финансирования.

По мере накопления опыта приходило усложнение задач, выполняемых миротворцами: от разъединения участников конфликта до осуществления полицейских функций и оказания гуманитарной помощи.

Пятый этап (конец 1980-х – начало 1990-х), связанный с окончанием холодной войны, характеризовался началом проведения военно-принудительных операций, направленных на принуждение к миру враждующих сторон и урегулирование конфликта. Эти операции получили название «операции по принуждению к миру (ОПрМ)». Контингенты вооруженных сил, привлекавшиеся для их проведения, как правило, помимо сухопутных войск, включали части и подразделения военно-воздушных и военно-морских сил. Они, как и обычные группировки вооруженных сил, имели на вооружении тяжелую военную технику и соответствующее снаряжение, так как мандат операции по принуждению к миру (который должен выдаваться только на основании решения СБ ООН) предусматривает применение силы в необходимом объеме, включая ведение крупномасштабных боевых действий [Военное искусство... 2008].

В ходе таких операций при выполнении задач по поддержанию мира миротворцы по мандату ООН получали право в случае необходимости использовать силу согласно гл. VII Устава ООН.

Операции по принуждению к миру (*англ.* peace enforcement operations) можно квалифицировать как военные акции в поддержку дипломатических усилий по восстановлению мира между сторонами конфликта, одна или несколько из которых могут не дать согласия на подобное международное вмешательство и между которыми может существовать состояние войны [Шепова 2003].

Шестой этап (начало 1990-х гг. – по настоящее время) характеризуется проведением разнообразных операций по поддержанию и принуждению к миру.

В начале 1990-х гг. ликвидация Организации Варшавского договора, крушение системы социализма, распад СССР, конец биполярного устройства мира, начавшийся процесс глобализации привели к дестабилизации международной обстановки, резкому обострению напряженности как внутри отдельных государств, так и между некоторыми из них [Военное искусство... 2008]. В этой связи довольно широкое распространение получили уже известные операции по принуждению к миру.

Примерами таких операций могут служить: Первая операция ООН в Сомали (1992–1993), Вторая операция ООН в Сомали (1993–1995), Операция помощи ООН Руанде (1993–1996),

Операция ООН в Демократической Республике Конго, учрежденная в 1999 г., операция в бывшей Югославии с участием Сил ООН по охране (1992–1995) и операции, учрежденные по мандату ООН, но под руководством НАТО в Боснии и Герцеговине – Силы по выполнению соглашений (1995–1996) и др. [Военное искусство... 2008]. По Уставу ООН в случае использования ее вооруженных сил для поддержания или восстановления международного мира политическое руководство ими осуществляет Совет Безопасности, а стратегическое – Военно-штабной комитет (ВШК) [Устав ООН. Глава VII ст. 47, п. 3].

В конце XX в. самыми распространенными формами военного противоборства стали внутренний вооруженный конфликт, гражданская война и локальный военный конфликт, вызванные разнообразными причинами. В Европе с особой остротой эти проблемы проявились в бывших государствах социализма с федеративным устройством (СССР, Югославия). Распад Советского Союза и Федеративной Республики Югославия привел к возобновлению давних этнических и религиозных конфликтов. В 1989–1992 гг. здесь возникло более 10 этнополитических конфликтов. Отсутствие стабильности наблюдается и на африканском континенте: в южной части примерно в это же время разразилось более 25 новых локальных войн и вооруженных конфликтов [Long WaR... 1999].

Анализ миротворческих операций ООН последних лет наглядно свидетельствует о росте числа военнослужащих, задействованных в ОПМ. Так, если в ноябре 2002 г. в 15 операциях ООН по поддержанию мира было задействовано 44 тыс. военнослужащих и полицейских, то в марте 2004 г. – уже 51,6 тыс. военнослужащих и полицейских (при том же числе операций), а в августе 2005 г. это число возросло до 66 921 чел. при численности полицейского персонала – 14 233 чел. (в 16 операциях). Достаточно сказать, что только в 1995 г. в 25 различных регионах мира произошло 30 крупных вооруженных конфликтов. Причем за год до этого по меньшей мере в 5 из 31 вооруженного конфликта государства использовали свои регулярные вооруженные силы [Ежегодник СИПРИ 1996].

За годы после окончания Второй мировой войны на земном шаре произошло более ста крупных международных конфликтов, в которых, по некоторым подсчетам, погибло около 20 млн чел. Лишь за одно десятилетие, с 1990 по 2000 г., войны

и вооруженные конфликты унесли более 5 млн жизней. В конфликты оказались вовлеченными свыше ста государств, в том числе и крупные державы.

С учреждением первой операции по поддержанию мира под эгидой ООН в 1948 г. и по апрель 2005 г. было проведено 60 миротворческих операций (как с участием военных наблюдателей, так и миротворческих сил) в том числе: с 1948 по 1989 гг. – 16 операций, с 1990 по 2005 гг. – 44. За 56 лет (с начала операций по июль 2004 г.) в миротворческих операциях ООН участвовало около 1 млн военнослужащих, полицейских и гражданского персонала из 130 стран [Военное искусство... 2008].

Действия НАТО при лидирующей роли США под кодовым наименованием «Союзная сила», или «Решительная сила», в автономном крае Косово и Метохия (Союзная Республика Югославия – СРЮ) с 24 марта по 10 июня 1999 г. также относятся к разряду операций по принуждению к миру. В качестве основания для применения силы в отношении СРЮ руководством НАТО было названо «стремление предотвратить гуманитарную катастрофу в Косово», якобы вызванную политикой геноцида, проводимой властями СРЮ по отношению к этническим албанцам [там же].

Поскольку военная операция была проведена без санкции СБ ООН, ее следует рассматривать не как миротворческую операцию, а как типичное силовое вмешательство во внутренние дела государства, как агрессию или «гуманитарную интервенцию» – термин, вошедший в оборот с середины 1990-х гг. К сожалению, эта военная акция НАТО не была признана агрессией со стороны ООН, что свидетельствует о наличии двойных стандартов в международной политике [Аннан Кофи 1999].

В последнее время возникли относительно новые источники внешних и внутренних угроз в виде международного терроризма и организованной преступности, наркобизнеса, контрабанды оружия и военной техники, опасности экологических катастроф, которые требуют адекватных реакций международного сообщества. Из-за этого в конце XX – начале XXI в. военно-политические кризисы и вооруженные конфликты продолжают быть бичом для многих народов Азии, Африки, Латинской Америки и ранее относительно стабильной Европы [Военное искусство... 2008].

В целом сегодняшняя миротворческая деятельность ООН с использованием военных наблюдателей и воинских контингентов государств-членов по своей сложности и масштабам выходит далеко за рамки традиционных операций по поддержанию мира. Помимо традиционных в ходе миротворческих миссий и операций нового поколения решаются следующие задачи: прекращение военных действий между враждующими сторонами, их разведение и установление мира; обеспечение режима безопасности в районе конфликта, поддержание безопасности в портах, аэропортах и на других коммуникациях, обеспечение демилитаризации районов, находящихся под защитой ООН, охрана международного персонала; наблюдение за зонами запрета полетов в зонах безопасности в районе конфликта, осуществление действий по их воспрепятствованию; оказание чрезвычайной и гуманитарной помощи населению в районе конфликта; оказание помощи в демобилизации и реинтеграции бывших комбатантов; содействие в создании новых (модернизированных) национальных вооруженных сил, полицейских отрядов и других правоохранительных структур; разоружение враждующих сторон, участие и содействие в разминировании и уничтожении мин и неразорвавшихся боеприпасов; оказание помощи беженцам и перемещенным лицам, содействие в возвращении их в места постоянного проживания; содействие в проведении референдумов, конституционных и правовых реформ; оказание помощи в реформировании или создании новых административно-государственных структур; осуществление полного административного правления в районе конфликта; оказание помощи в проведении выборов, наблюдение и контроль за их проведением; контроль соблюдения прав человека и предоставление консультаций по вопросам поощрения этих прав [Военное искусство... 2008].

Таким образом, за годы своей деятельности ООН приобрела не только «положительный багаж» миротворческой деятельности, но и негативный опыт. Однако большинство государств считает, что решение многих проблем современности возможно путем активного использования многосторонних механизмов, разработанных ООН, в том числе и в области поддержания мира. Несмотря на кризисные явления современного миротворчества, которые с особой остротой проявились, в частности, в односторонней акции НАТО в Косово и действиях США в Ираке в обход институтов

ООН, многими государствами поддерживается необходимость сохранения ООН как ответственной за поддержание мира организации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аннан Кофи А.* Предотвращение войн и бедствий: глобальный вызов растущих масштабов. Годовой доклад о работе ООН за 1999 год. Нью-Йорк, 1999. 268 с.
- Военное искусство в локальных войнах и вооруженных конфликтах / А.В.Усиков [и др.] ; под общ. ред. А.С.Рукшина. М.: Воениздат, 2008. 674 с.
- Ежегодник СИПРИ 1996. Вооружение, разоружение и международная безопасность. М.: Наука, 1997. 386 с.
- Заемский В. Ф.* Миротворческая деятельность ООН: теория и практика (опыт, механизмы, перспективы): автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2005. 30 с.
- Запарий Ю. В.* Миротворческие операции ООН: становление концепции и ее реализация (середина 1940-х – начало 1970-х гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2004. 28 с.
- Морозов Г. И.* Актуальные проблемы деятельности международных организаций: теория и практика. М.: Международные отношения, 1982. 351 с.
- Устав ООН. Глава VII ст. 47, п. 3. Нью-Йорк, 2007. 179 с.
- Шепова Н. Я.* Миротворческая деятельность ООН (1945–1989): политические аспекты: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2003. 27 с.

УДК 355.4

А. А. Криворучко

кандидат исторических наук, ведущий инженер Главного научно-исследовательского вычислительного центра Управления делами Президента РФ;
e-mail: krivalexsakya-1111@yandex.ru

ОПЫТ УЧАСТИЯ СССР / РФ В МИРОТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье освещаются вопросы, связанные с анализом опыта участия СССР / РФ в миротворческой деятельности.

Заслуживает внимания идея совместного миротворчества России и НАТО. В статье подвергается анализу концепция: конфликт в Косово высветил проблему влияния России на решение международных вопросов. У России есть все возможности оставаться центром силы мирового значения и оказывать влияние на решение вопросов, представляющих для нее геополитический интерес.

Ключевые слова: миротворческая деятельность; операция ООН по поддержанию мира; геополитика; опыт; военный наблюдатель; перемирие; военная доктрина; контингент сил ООН; вооруженный конфликт; политическая нестабильность.

Krivoruchko A. A.

PhD (History), Leading Engineer of the Main (Scientific-) Research Calculating and Computing Center;
e-mail: krivalexsakya-1111@yandex.ru

EXPERIENCE OF THE USSR / RF IN THE PEACEKEEPING ACTIVITY

In this article the following questions are elucidated: analysis of experience USSR/RF participation in peacekeeping operation.

The following conception is underwent: Kosovo conflict made a problem of Russian influence for solving international questions. Russia possesses capability to be a center of international significance and to render assistance to solve question, which are introduced for her geopolitical interest.

Keywords: peacekeeping activity; UN peacekeeping operation; geopolitics; experience; military observer; armistice; military doctrine; UN contingent; armed conflict; political instability.

Анализ опыта участия СССР / РФ в миротворческой деятельности позволяет утверждать: первоначально Советский Союз не разделял западного подхода, рассматривавшего миротворчество ООН как один из способов управления и контроля над определенными

стадиями международных конфликтов. СССР исходил из другого теоретического посыла: причины конфликтов лежат в противоречиях между капиталистической и социалистической системами, а управлять международными отношениями с помощью миротворческих сил бессмысленно.

Понятие «операции ООН по поддержанию мира» подвергалось жесточайшей критике со стороны советского военно-политического руководства. Однако в связи с потеплением отношений между СССР и США в 1970-е гг. отмечалось признание допустимости собственного участия в форме направления наблюдателей и частичного участия в финансировании миротворческих операций [Брынкина 2007].

Участие СССР в операциях ООН по поддержанию мира началось в октябре 1973 г., когда на Ближний Восток была направлена первая группа военных наблюдателей ООН для контроля прекращения огня между египетскими, сирийскими и израильскими вооруженными силами.

Начав с недооценки миротворческих функций ООН, СССР на протяжении четырех с половиной десятилетий существенно меняло свой подход в соответствии с геополитической ситуацией в мире и эволюцией международного миротворчества, равно как и с переменами в политико-идеологических установках советского руководства.

Согласно концепции внешней политики Российской Федерации как правопреемницы Советского Союза ООН является главным центром регулирования международных отношений. Россия считает, что миротворчество является действенным инструментом урегулирования вооруженных конфликтов, и выступает за укрепление его правовых основ. Она самостоятельно с учетом ее обязательств по Уставу ООН и другим международным договорам определяет в каждом случае целесообразность своего участия в деятельности по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности.

Характер, условия и формы участия Российской Федерации в конкретных операциях по поддержанию и восстановлению международного мира и безопасности определяются международно-правовыми нормами, законодательством Российской Федерации, международными обязательствами, договорами и соглашениями, участницей которых она является.

С начала 1990-х гг. Россия стала принимать участие в проведении миротворческих операций ООН и ОБСЕ. В апреле 1991 г., после окончания войны в Персидском заливе, группа российских военных наблюдателей была направлена в район ирако-кувейтской границы, а в сентябре того же года – в Западную Сахару.

С начала 1992 г. сфера деятельности наших военных наблюдателей распространилась на Югославию, Камбоджу и Мозамбик, а с января 1994 г. – на Руанду. В октябре 1994 г. была направлена группа наших военных наблюдателей в Грузию, в феврале 1995 г. – в Анголу, в марте 1997 г. – в Гватемалу, в мае 1998 г. – в Сьерра-Леоне, в июле 1999 г. – в Восточный Тимор, в ноябре 1999 г. – в Демократическую Республику Конго [Брынкина 2007].

Основными их задачами являются наблюдение за выполнением соглашений о перемирии и прекращении огня между враждующими сторонами, а также предотвращение путем своего присутствия без права применения силы возможных нарушений, принятых соглашений и договоренностей между конфликтующими сторонами.

Подбор кандидатов в военные наблюдатели ООН на добровольной основе осуществляется из числа офицеров, владеющих иностранными языками (в большинстве миссий ООН это английский), знающих правила ведения ооновских документов и имеющих опыт вождения автомобиля. Особенности службы военного наблюдателя ООН определяют особый порядок отбора и подготовки этих офицеров. Это связано с тем, что от военного наблюдателя требуются качества, позволяющие принимать компромиссные решения в самых неожиданных ситуациях и в кратчайшие сроки. В связи с этим требования, предъявляемые ООН к офицеру-кандидату в военные наблюдатели, очень высоки.

В качестве превентивной меры направляющее правительство обязано обеспечить знание всеми членами предоставляемого национального контингента стандартов поведения персонала ООН. С этой целью все российские миротворцы до выезда за рубеж в места дислокации проходят учебный курс подготовки по этим стандартам.

Являясь членом Совета Безопасности ООН, Россия несет особую ответственность за поддержание международной стабильности и, естественно, в этой роли не может оставаться в стороне от

проведения миротворческих операций под эгидой ООН или других региональных структур. В соответствии с этим основополагающим принципом Вооруженные силы РФ принимают активное участие в международной миротворческой деятельности.

Основными источниками концептуальных и доктринальных положений, регламентирующих участие Вооруженных сил РФ в миротворческой деятельности являются: уставы ООН, СНГ, Концепция урегулирования конфликтов на территории государств – участников СНГ, Закон Российской Федерации «О порядке предоставления военного и гражданского персонала для участия в деятельности по поддержанию и восстановлению международного мира и безопасности», ряд других документов. Возросшая роль международного миротворчества как средства разрешения вооруженных конфликтов нашла свое подтверждение в принятых в 2000 и 2010 гг. Военных доктринах Российской Федерации, где миротворческие операции рассматриваются в качестве одной из форм применения Вооруженных сил Российской Федерации.

В каждом случае все вопросы, связанные с предоставлением вооруженных сил, в том числе российских, в распоряжение Департамента ООН по миротворческим операциям, оговариваются в специальном меморандуме о взаимопонимании.

В апреле 1992 г., впервые в истории миротворческой деятельности России, на основании резолюции № 743 Совета Безопасности ООН и после выполнения необходимых внутригосударственных процедур в бывшую Югославию был направлен российский пехотный батальон численностью 900 человек с задачей разделения сербских и хорватских сил в Хорватии [Валеев 1996]. В январе 1994 г. батальон был усилен личным составом, бронетранспортерами БТР-80, противотанковыми средствами и другим вооружением и военной техникой.

В соответствии с политическим решением российского руководства часть российского контингента в составе сил ООН в феврале 1994 г. была передислоцирована из Сербской Краины в район г. Сараево и преобразована после усиления во второй батальон (численностью до 500 человек). Основной задачей этого батальона было обеспечить разъединение сторон (боснийские сербы и мусульмане) и осуществлять контроль соблюдения соглашения по прекращению огня в Боснии и Герцеговине [Гуськова 1999].

В связи с передачей полномочий от ООН к НАТО в Боснии и Герцеговине батальон сектора «Сараево» в январе 1996 г. прекратил выполнение миротворческих задач и был выведен на территорию России [Гуськова 1999].

Заслуживает особого внимания идея совместного миротворчества России и НАТО. Немаловажно и то, что Россия и Североатлантический блок уже наработали позитивный опыт совместного сотрудничества в ходе операций по поддержанию мира в Боснии и Косово. Несмотря на отдельные трудности, им удавалось находить компромиссные развязки практических вопросов этих операций [Брынкина 2007].

Россия официально присоединилась к системе резервных приглашений ООН, призванной повысить оперативность развертывания своих операций по поддержанию мира, подписав 5 апреля 2002 г. в Нью-Йорке Меморандум о взаимопонимании между РФ и ООН о вкладе в данную систему. Документ, первый в истории отношений России и международного сообщества, определяет силы и средства, предоставляемые Российской Федерацией Организации Объединенных Наций для проведения миротворческих операций. Это решение является фактическим вкладом России в усилия государств по повышению эффективности реагирования ООН на кризисные ситуации в мире [там же].

Что касается применения советской (российской) военно-транспортной авиации в миротворческих операциях, то здесь отчетливо прослеживаются два этапа: первый – до начала 1990-х гг. (период холодной войны, международное миротворчество под флагом ООН); второй – с начала 1990-х гг. до настоящего времени (ликвидация биполярного устройства мира и расширение практики международного и регионального миротворчества, в том числе и на территории СНГ). На первом этапе, когда в основном проводились традиционные ОПМ под эгидой ООН, сложилась негласная практика неучастия в них стран-членов СБ ООН своими воинскими контингентами. В то время СССР предоставлял свою военно-транспортную авиацию (ВТА) для перебросок миротворческих контингентов других стран в район проведения операции. На втором этапе ВТА стала применяться в миротворческих операциях по двум направлениям: на территории СНГ (под руководством соответствующих органов Содружества) и за его пределами (под эгидой ООН и ряда региональных организаций СБ).

Итак, в конце XX столетия развал мировой системы социализма привел к резкому обострению противоречий, политической нестабильности и конфликтности в различных регионах бывшего социалистического лагеря, которые имели полиэтнический состав населения и стали точкой пересечения геополитических и экономических интересов на глобальном и региональном уровне. Это прежде всего коснулось Югославии, одним из аспектов кризиса в которой стал албанский вопрос, сфокусировавшийся в проблеме Косова [Арбатова 2006].

Истоки косовского конфликта уходят вглубь веков и коренятся в истории борьбы албанского народа за независимость против иноземных захватчиков. Албанский народ сравнительно поздно получил национальное государство, вследствие чего многие земли со значительным албанским большинством были включены в соседние государства. Нынешний косовский конфликт возник прежде всего на почве национального самоопределения, а также религиозных различий, исторических обид, кризиса экономического развития, политической нестабильности, внешнего воздействия других государств. Попытки разобраться в истоках Югославского кризиса и Косовского конфликта, в частности, невозможны без знания истории [Давыдов 1999].

Турция издавна стремилась закрепить свое влияние на Балканах, овладев Косово. Стратегически выгодное положение, благоприятный климат и богатство полезными ископаемыми делали Косово ценной территорией, обладание которой было необходимо для развертывания наступательной политики в западной части европейской Турции. Косово поле (15 июня 1389 г.) стало постоянным эпическим символом сербского сопротивления турецкому завоеванию, символом сербского героизма, надежды на освобождение и возрождение сербского государства, основанного в XII в. Сербское население упорно держалось за землю отцов.

Что касается исторических претензий косовских албанцев на Косово, то они могут оказаться не менее обоснованными, чем у сербов. Национальное самосознание косовских албанцев (косоваров) всегда было предельно обострено в силу определенных политических традиций. Ведь именно в Косово в 1780 г. впервые возникло албанское национальное движение.

В результате победы в Первой Балканской войне (1912–1913), Косово и Метохия отошли к Сербии. Это дало повод Албании

предъявить территориальные претензии к Сербии, а албанцам края – заявить об оккупации Косово Сербией и после 1918 г. начать при поддержке Тираны борьбу за присоединение этих областей к Албании.

С момента создания Королевства Сербов, Хорватов и Словенцев (КСХС) (1929–1945) оно было отягощено целым рядом проблем. На территории нового государства оказались многочисленные этнические (немцы, венгры, албанцы, чехи, словаки, румыны и турки) и конфессиональных (христиане, мусульмане, иудеи) группы, не только проживавшие там ранее, но и появившиеся на югославянских землях в результате послевоенного изменения границ. Это вызывало серьезные трения между ними и взаимные претензии и притязания [Языкова 2006].

После образования социалистической Югославии (1945–1992) проблема Косово сразу же стала одной из главных для нового государства. По Конституции 1974 г. Косово и Метохия получили не только внутриреспубликанский, но и общедофедеральный статус. Признавалось право каждой нации на самоопределение вплоть до отделения.

После смерти И. Б. Тито (1980) рост межэтнического противоречия, сепаратистские выступления, поддержанные извне, привели в начале 1990-х гг. к серии гражданских войн и распаду Югославии. Длительный период пребывания у власти в Сербии социалистов во главе с С. Милошевичем завершился в 2000 г. после бомбардировок в марте–июне 1999 г. сербских городов авиацией НАТО и ввода в Косово миротворческих сил ООН [Шестаков 2003].

Конфликт в Косово высветил проблему влияния России на решение международных вопросов. Без экономического могущества нашего Отечества говорить о его серьезной, самостоятельной политической роли невозможно. У России есть все возможности оставаться центром силы мирового значения. Россия в силу своего стратегического положения, территории и ресурсов, интеллектуального потенциала и наличия ядерного оружия была и должна оставаться центром силы мирового значения.

Рассматривая геополитические интересы России на Балканах, следует указать прежде всего на ее стремлении получить контроль над черноморскими проливами, который обеспечил бы ей беспрепятственный выход в Средиземное море. Россия заинтересована

в нефте- и газопроводах на Балканах. Однако главный нынешний геополитический интерес здесь – поддержание баланса сил и обеспечение стабильности и безопасности региона [Ляука 1994].

Россия, опираясь на симпатии в обществе к страдающим от турецкого гнета на Балканах, многое сделала для освобождения народов полуострова от османского господства и становления их государственности. Это касается прежде всего Греции, Сербии и Черногории, боровшихся с Турцией в 1821–1829 гг. и 1876–1878 гг., соответственно.

После окончания Второй мировой войны значимость Балкан для Москвы резко возросла: большинство стран региона вошло в социалистический лагерь. В этот период одной из важнейших задач политического руководства СССР стало обеспечение безопасности западных границ страны. Балканам при этом отводилась важная роль, поскольку по территории полуострова пролегла разграничительная линия между южным флангом НАТО и Варшавским договором.

В результате разрыва в 1948 г. отношений с Югославией, в 1961 г. – с Албанией и ухудшения их с начала 1950-х гг. с Грецией, ставшей в 1952 г. членом НАТО, политические и военно-стратегические позиции СССР в Восточном Средиземноморье и на Балканах были существенно ослаблены.

Попытки России перехватить инициативу в разрешении конфликтов в бывшей Югославии мирным путем, а не с применением военной силы с целью принуждения к миру, сталкивались с серьезными финансовыми и иными трудностями в стране, и вызвали противодействие как со стороны Североатлантического альянса, так и исламских государств [Новиков 2003].

Позиция Российской Федерации по отношению к косовскому конфликту в целом и кризису 1998 г. прошла несколько этапов: от внешнеполитической неопределенности 1991–1992 гг., признания факта распада федерации с февраля 1992 г. до показа примера самостоятельности, инициативы в 1999 г. и резкого осуждения натовской бомбардировки Югославии. Активная роль России на Балканах связывалась со способностью мирового сообщества преодолеть новые угрозы международной безопасности и не допустить превращения Косово в одну из наиболее опасных горячих точек на земном шаре.

ООН принадлежит авторство идеи о миротворчестве – использовании средств международного воздействия для решения задач, которые возникали уже после создания ООН; за историю ооновского миротворчества с 1948 г. был не только накоплен гигантский опыт, а также расширен арсенал используемых инструментов, но и произошла смена качества проводимых операций по поддержанию мира (ОПМ); отличительной чертой ОПМ нового поколения стала их многокомпонентность, т. е. расширенный круг определенных мандатом операции задач и соответствующая структура миротворческих миссий.

Миротворчество как совокупность мер, предпринимаемых в интересах сохранения и поддержания международного мира и безопасности, в последние годы окончательно утвердилось в качестве одного из основных инструментов в арсенале мирового сообщества. Оно является абсолютно необходимой функцией мирового сообщества, поскольку очевидно, что без него человечество столкнется с неизбежным распространением и разрастанием конфликтов [Примаков 1998].

Окончание «холодной войны» ознаменовалось не только прекращением межблоковой конфронтации, но и было отмечено возникновением нового поколения конфликтов, связанных с межэтническими, межконфессиональными, политическими, территориальными и иными противоречиями как между государствами, так и внутри них.

Участие России в миротворческих операциях ООН является важнейшим элементом ее внешнеполитического курса, направленного на реализацию геополитических интересов страны. Принятое Москвой политическое решение об активном участии России в вопросах югославского урегулирования сделало крайне необходимым определение ее собственной геополитической стратегии на Балканах [там же].

Таким образом, миротворчество как совокупность мер, предпринимаемых в интересах сохранения и поддержания международного мира и безопасности, в последние годы окончательно утвердилось в качестве одного из основных инструментов в арсенале мирового сообщества

Россия целенаправленно проводит линию на расширение участия страны в операциях по поддержанию мира, поскольку только

так она сможет повысить степень влияния на решение вопросов, представляющих для нее геополитический интерес.

Участие России в миротворческих операциях ООН является важнейшим элементом ее внешнеполитического курса, направленного на реализацию геополитических интересов страны

Характер, условия и формы участия Российской Федерации в конкретных операциях по поддержанию и восстановлению международного мира и безопасности определяются международно-правовыми нормами, законодательством Российской Федерации, международными обязательствами, договорами и соглашениями, участницей которых она является.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арбатова Н. К.* Проблема Косово в контексте европейской безопасности // Косовская мина в Европе? М.: Наука, 2006. С. 26–39.
- Брынкина Я. А.* Участие России в миротворческих операциях ООН (конец XX – начало XXI вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2007. 32 с.
- Валев Э. Б.* Югославский клубок // География. 1996. № 13. С. 2–18.
- Гуськова Е. Ю.* Динамика косовского кризиса и политика России // Косово: международные аспекты кризиса / под ред. Д. Тренина, Е. Степановой. М.: Просвещение, 1999. С. 32–78.
- Давыдов Ю. Г.* Проблема Косово в российском внутривосполитическом аспекте // Косово: международные аспекты кризиса. М.: Наука, 1999. С. 247–280.
- Ляука И. В.* Эволюция проблемы Косово и ее современное состояние: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 1994. 35 с.
- Новиков С. С.* Миротворческая миссия ООН на Балканах в 1991–1998 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владимир, 2003. 30 с.
- Примаков Е. М.* Россия в мировой политике // Канцлер А. М. Горчаков: 200 лет со дня рождения. М.: МИД РФ, 1998. 406 с.
- Шестаков А. С.* Геноцид сербского населения Косово и Метохии во время Второй мировой войны // Православие. 2003. 16 января.
- Язькова А. А.* Косовский конфликт в балканском политическом контексте // Косово: Международные аспекты кризиса / под ред. Д. Тренина Е. Степановой. М.: Проспект, 2006. С. 151–155.

УДК 329.728

Е. М. Минин

кандидат исторических наук, доцент; профессор кафедры теории регионоведения Института международных отношений и социально-политических наук (факультет); МГЛУ; e-mail: mininem47@list.ru

КТО СКРЫВАЛСЯ ПОД ПСЕВДОНИМОМ «ДОРА»? О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ «КРАСНОЙ КАПЕЛЛЫ» В ШВЕЙЦАРИИ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В статье рассматривается история создания и деятельности нелегальной разведывательной организации советской военной разведки в Швейцарии в предвоенные годы и в период Второй мировой войны. Прослеживается судьба ее руководителя Александра Радо и его роль в деятельности резидентуры «Дора». Дается характеристика вклада в дело победы над нацистской Германией разведывательной организации и основных ее сотрудников, таких как Р. Дюбендорфер, Р. Рёсслер и др. Анализируются ошибки и просчеты, допущенные Центром, руководством организации и их рядовыми членами, приведшие к провалам и разгрому разведывательной сети.

Ключевые слова: советская военная разведка; резидентура «Дора»; Александр Радо; Рудольф Рёсслер; разведывательная информация; вермахт; контрразведка; гестапо; провал; патриоты.

Minin E. M.

PhD (History), Associate Professor, Professor, Department of International Regional Studies, Institute of International Relations and Social and Political Sciences (Faculty), MSLU; e-mail: mininem47@list.ru

WHO WAS HIDING BEHIND THE PSEUDONYM «DORA»? ABOUT THE ACTIVITIES OF THE RED ORCHESTRA IN SWITZERLAND DURING THE SECOND WORLD WAR

The article deals with the history of the creation and activities of the illegal soviet military intelligence organization in Switzerland in the pre-war period and during World War II. The fate of Alexander Rado, head of the organization, and his role in the residentura «Dora» are traced in the article. The contribution of the intelligence organization and its main agents like Rachel Dubendorfer, Rudolf Roessler and others to the victory over Nazi Germany is characterized. The article gives a detailed analysis of mistakes and errors made by the government, management of the organization and their ordinary members that led to failure and rout of the intelligence network.

Key words: soviet military intelligence; residentura «Dora»; Alexander Rado; Rudolf Roessler; intelligence information; Wehrmacht; counter-intelligence; Gestapo; failure; patriots.

В истории Второй мировой войны особое место занимает деятельность советской военной разведки в Швейцарии. Некоторые зарубежные военные историки считают даже, что ее нелегальная разведывательная организация «Дора» внесла решающий вклад в победу Советского Союза над гитлеровской Германией. И действительно, резидентура «Дора», будучи составной частью «Красной капеллы» (так гитлеровцы называли всю совокупность нелегальных организаций советской военной разведки, действовавших в Европе и в самой Германии), явилась, пожалуй, самой эффективной по результатам своей деятельности и вкладу, внесенному в общую победу над врагом.

В Швейцарии в годы Второй мировой войны организатором и руководителем нелегальной разведывательной сети советской военной разведки был венгерский антифашист Шандор Радо (псевдоним Дора) [Лота 2005в].

Ограниченные рамки статьи не дают возможности детально осветить деятельность всех советских разведывательных организаций, действовавших в Швейцарии, поэтому основное внимание в ней уделено краткому анализу деятельности резидентуры «Дора» накануне и в годы Второй мировой войны.

Но сначала несколько слов о самом Шандоре (Александре) Радо. Он родился 5 ноября 1899 г. в Будапеште, в семье торговца. После окончания гимназии был призван на воинскую службу в австро-венгерскую армию и поступил в артиллерийское училище. Одновременно он учился на юридическом факультете университета, где проникся витавшим там революционным духом и примкнул к социалистическому движению. Когда 21 марта 1919 г. в Венгрии победила советская республика, он вступил в Красную Армию, где, с учетом его опыта, он был назначен картографом в штаб дивизии. После падения Венгерской советской республики он эмигрировал в Австрию, где, создав русское телеграфное агентство «Роста-Вин», учился в Венском университете и работал в Коминтерне [Дамаскин 2002].

В 1921 г. молодого революционера пригласили в Москву на III конгресс Коминтерна. В 1922 г. Радо приехал в Германию, где встретил свою будущую жену и соратника Лену Янсен. Там он принял участие в подготовке восстания коммунистов в Гамбурге, но оно было жестоко подавлено, и Шандор выехал в Москву.

Летом 1924 г. вместе с женой и старшим сыном возвратился в Германию. Там, используя свой картографический опыт, он основал агентство «Пресс-географи». Одновременно он читал лекции в марксистской школе. После прихода Гитлера к власти в 1933 г. Шандор с семьей переехал в Париж, где учредил информационное агентство «Инпресс» [Радо 1988].

В октябре 1935 г. Радо приехал в Москву по приглашению редакции «Большой советский атлас мира», где и состоялась его беседа с заместителем начальника Разведупра РККА А. Х. Артузовым, решившая его дальнейшую судьбу. Он дает свое согласие на работу в советской военной разведке в качестве разведчика-нелегала. Перед отъездом его инструктирует начальник военной разведки комкор С. П. Урицкий и ставит ему задачу: под прикрытием информационного агентства создать в Бельгии нелегальную резидентуру для добывания разведсведений по Германии и Италии [Энциклопедия военной разведки 2005].

Но закрепиться в Бельгии не удастся. В действие вступает запасной вариант, по которому Шандор получает разрешение на открытие акционерного общества «Геопресс» в Женеве и вид на жительство. Начинается новый этап в жизни Радо и его деятельности в качестве военного разведчика-нелегала. Фирма «Геопресс» быстро становится известной, получает аккредитацию при отделе печати Лиги наций. Она начинает получать многочисленные заказы от официальных организаций многих зарубежных стран, что расширяет информационные возможности самого Радо, поскольку ему часто становятся известны планы и замыслы ряда европейских правительств и военных кругов [там же].

Краткая биография Шандора Радо свидетельствует о его сознательном выборе своего места в борьбе с нарастающей фашистской угрозой, о его твердой решимости с риском для жизни вести разведывательную деятельность и оказывать реальную помощь Советскому Союзу в этой борьбе.

Но, несмотря на довольно широкие разведывательные возможности самого резидента Доры, всё же основную разведывательную информацию добывали его источники — агенты, привлеченные к сотрудничеству с советской военной разведкой иностранцы, дававшие ему сведения для направления их в Москву. По ценности этих источников и добываемых ими сведений резидентура «Дора»

была действительно уникальной. Ее уникальность заключалась в том, что добровольными помощниками Щандора Радо были честные, порядочные, бесстрашные люди. Они боролись против германского фашизма, рвавшего к мировому господству. Они работали на военную разведку не за деньги, а ради спасения человечества.

В организационном отношении резидентура «Дора» включала четыре агентурные группы, насчитывавшие 77 агентов-источников ценной разведывательной информации по Германии и вермахту [Энциклопедия военной разведки... 2004]. Одну агентурную группу возглавляла Р. Дюбендорфер («Сиси»). К агентурной деятельности ее привлекла выдающаяся советская разведчица Мария Полякова. Группа, насчитывала 20 человек. Она имела широкие связи в дипломатических и военно-промышленных кругах Швейцарии и поэтому стала основным ядром резидентуры «Дора». Вторую группу возглавлял Отто Пюбнер («Пакбо»), швейцарский журналист, имевший также широкие связи в правительственных, журналистских и дипломатических кругах Швейцарии, имевших выход на Германию. Он был привлечен к сотрудничеству советским разведчиком Леонидом Ануловым в 1937 г. Эта группа включала 34 агента. В группу «Джима» входило 9 источников информации, в группу «Пьера» – 4 агента [Дамаскин 2002].

В 1939–1940 гг. в состав резидентуры «Дора» входила еще одна агентурная группа, под руководством Рут (Урсулы) Кучински («Соня»). Она была привлечена к сотрудничеству с советской военной разведкой Рихардом Зорге еще в 1929 г. в Шанхае. В 1940 г. она выехала в Англию, где продолжила свою разведывательную деятельность, работая с участником англо-американского «атомного проекта» советским агентом, английским коммунистом Клаусом Фуксом. Об уникальности этой женщины, сотрудницы советской военной разведки, говорит тот факт, что она одна из немногих была награждена двумя орденами Красного Знамени [там же].

В состав резидентуры «Дора» входили люди разных национальностей: австрийцы, англичане, венгры, евреи, немцы, швейцарцы, французы и представители других наций и этносов. Это были люди высокообразованные, владеющие несколькими иностранными языками. Их объединяло одно – ненависть к нацизму и твердое намерение не допустить германского мирового господства.

В резидентуре было три радиста. Швейцарцы супруги Эдмонд («Эдуард») и Ольга («Мауд») Хамели работали в Женеве. Они были завербованы в июне 1940 г. самим Шандором Радо, прошли курс обучение у «Сони» и ее радиста Александра Фута. Поскольку Эдмонд Хамель был по специальности радиотехником и владельцем магазина по продаже радиоаппаратуры, то он смог смонтировать у себя дома радиопередатчик и выходить в эфир самостоятельно [Энциклопедия военной разведки... 2004].

Второй радист, уже упомянутый Александр Фут («Джим»), работал в Лозанне. Но Шандор Радо, как умелый организатор и опытный конспиратор, чувствовал, что этого недостаточно. Поэтому перед нападением Германии на Советский Союз он создал еще один, резервный канал радиосвязи. Третьей радисткой стала Маргарет Болли («Роза») – дочь итальянского антифашиста, гражданин Швейцарии. Радист Э. Хамель собрал ей радиостанцию собственной конструкции. На ее квартире в Женеве разместили третий радиопередатчик, и она с августа 1942 г. начала выходить в эфир. Таким образом «Красная тройка» была сформирована полностью [там же].

Разведывательная деятельность резидентуры «Дора» исключительно высоко оценивалась Главным разведывательным управлением Генерального Штаба Красной Армии. В документах 2-го управления информации ГРУ ГШ КА говорилось: «Группа Доры располагает широкой сетью и солидными возможностями. Она поставляет обширный материал по следующим вопросам: планы и намерения военно-политического руководства Германии и командования ее вооруженных сил, резервы армии, переброска войск по странам Европы и на Восточный фронт, возможности Германии по производству танков, самолетов, артиллерии, сведения о возможностях развязывания Германией химической войны против Советского Союза.

На основе материалов Радо были составлены специальные сообщения для высших правительственных и военных органов СССР. К числу таких ценных сведений Доры следует отнести:

- сообщения о стратегическом плане германского командования на лето 1942 г.;
- анализ причин задержки немецкого наступления на Восточном фронте;

– ряд сообщений о планах германского командования в отношении ведения химической войны, о новых немецких отравляющих веществах и способах их применения, об опытах использования внутриатомной энергии урана для производства атомных бомб...» [Лота 2010].

Главной особенностью деятельности резидентуры «Дора» было добывание упреждающей информации. Так, в июле 1944 г. было совершено покушение на Гитлера. Но Дора сообщил о подготовке этого акта еще за 15 месяцев до покушения. Дора добыл и направил в Центр ряд ценных сведений военно-технического характера. Среди них – информация о новом немецком танке «Тигр» и сроках его появления на Восточном фронте; о новых типах боевых отравляющих веществ, производимых на немецких заводах химической промышленности; о состоянии дел на заводах авиационной промышленности и другие ценные разведсведения.

Только в период Сталинградской битвы резидентура Доры направила в Москву 1 550 шифртелеграмм, в том числе в 1942 г. Дора направил в Центр около 800 секретных донесений (1 100 листов), а в период с 10 января по 15 июня 1943 г. Центр получил от него 750 шифрованных телеграмм. Таким был вклад швейцарской резидентуры в разгром немецко-фашистских войск под Сталинградом [Лота 2005б].

В Центр направлялись и другие не менее ценные разведывательные сведения, которые докладывались высшему военнополитическому руководству Советского Союза, в том числе Верховному главнокомандующему И. В. Сталину, его заместителю маршалу Г. К. Жукову, начальнику Генерального Штаба маршалу А. М. Василевскому.

Дора был одним из тех советских разведчиков (Рихард Зорге, Лев Маневич, Леопольд Треппер, Ильзе Штёбе), которые своевременно предупредили руководство нашей страны о готовящемся нападении фашистской Германии на Советский Союз. Так, 18 июня 1941 г. в Центр им была направлена следующая шифровка: «18.06.1941. Директору. Нападение Германии на Россию намечено на ближайшие дни. Дора» [Дамаскин 2002, с. 381].

О высоком моральном духе этих бойцов невидимого фронта говорит следующая телеграмма, посланная Дорой сразу после начала

Великой Отечественной войны «23.06.1941. Директору. В этот исторический час с неизменной верностью, с удвоенной энергией будем стоять на своем посту. Дора» [Дамаскин 2002, с. 381].

В резидентуре «Дора» было много надежных, проверенных источников, добывавших важную информацию, высоко оцениваемую Центром. Но, безусловно, самым ценным, а точнее, уникальным из них, явился Рудольф Рёсслер, которого считают, и не без основания, одним из самых лучших агентов Второй мировой войны. На него вышла Р. Дюбендорфер («Сиси») через сотрудника Международного бюро труда Христиана Шнейдера («Тейлор»), которого она завербовала без разрешения Центра (такое право давалось Разведуправлением редко и только для вербовки очень ценных агентов, но «Сиси» подобного права не имела). Правда есть веские основания полагать, что сам Х. Шнейдер вышел на Р. Дюбендорфер, зная ее политические взгляды. Известно, что Шнейдер поддерживал деловые связи с Р. Рёсслером. Поэтому можно предположить, что после провала Берлинской агентурной организации А. Харнака – Х. Шульце-Бойзена, в сентябре 1942 г. немецкие антифашисты, занимавшие видные посты в гитлеровском руководстве, начали активно искать тайные контакты с русской разведкой. Именно тогда Шнейдер и раскрыл свои возможности перед Р. Дюбендорфер, считая, что у нее есть выход на Москву [Лота 2010].

Р. Рёсслер («Люци») был сыном немца и англичанки, получил прекрасное образование, жил и работал в Берлине, но после прихода к власти нацистов переехал в Швейцарию. Жил он недалеко от Люцерны, владел издательством «Вита-Нова Ферлаг» и небольшой книжной лавкой. При этом Рёсслер активно сотрудничал со швейцарской разведкой. Во время проживания в Берлине он поддерживал дружеские связи с некоторыми высокопоставленными чиновникам германского МИДа и генералитетом. Многие из них были тайными противниками нацизма. Поэтому он стал для швейцарской разведки настоящей находкой, поскольку руководство Швейцарии опасалось непредсказуемой внешней политики нацистской Германии и нуждалось в информации по военно-политическим планам гитлеровского руководства [Энциклопедия военной разведки... 2004].

Так в середине 1942 г. сложился агентурный канал поступления ценных разведывательных сведений из Берлина через

Швейцарию в Москву. Они шли по цепочке: источники в Берлине – Р. Рёсслер («Люци») – Р. Дюбендорфер («Сиси») – Шандор Радо («Дора») – Разведывательное управление Генштаба в Москве.

При этом одним из условий тайного сотрудничества, выдвинутых Рёсслером, была полная анонимность всех его источников информации в Берлине, и оно жестко соблюдалось всеми. Конечно, Центр был заинтересован в том, чтобы знать, из каких источников он получает информацию из столицы Третьего рейха: ведь по ним можно было бы судить об их надежности и достоверности самой разведывательной информации. Но поскольку правдивость информации всегда подтверждалась реальным положением дел и развитием событий на фронтах, то Центр выполнял это требование «Люци». Все источники Рёсслера в переписке Радо с Центром назывались своими псевдонимами «Вертер» (источник в Генштабе вермахта), «Ольга» (подполковник в штабе связи между верховным командованием ВС Германии (ОКВ) и одной армейской группой), «Анна» (несколько источников в германском МИДе), «Тедди» (офицер при ОКВ) и т. п. [Лота 2010].

Интересно, что даже после окончания Второй мировой войны тайные информаторы Рёсслера не называли свои имена: для этого были, видимо, серьезные основания. Но в результате изучения архивных материалов некоторые имена все же стали известны. Это были генерал Томас и майор Кайзер. Достоверность имени генерала Томаса подтверждается содержанием телеграммы «Доры» в Центр от 1 июня 1943 г. «По данным Люци источник Тедди является экспертом при ОКВ по вопросам румынской армии и работает в отделе генерала Томаса. В прошлом Тедди был дипломатом в США и работает для американской разведки, а материалы, которые попадают нам, передаются им для швейцарской разведки» [там же].

Впрочем, в специальной литературе встречаются утверждения, что «Люци» через Радо отправлял в Москву результаты британского радиоперехвата, полученного путем расшифровки немецких радиোগрамм. Об этом, в частности, писал в своих мемуарах генерал-лейтенант П. А. Судоплатов, занимавший во время Великой Отечественной войны должность начальника IV (разведывательно-диверсионного) управления НКВД–НКГБ: «На самом деле Рёсслер передавал нам информацию, которую получал от англичан... По дипломатическим каналам в Лондоне через английскую миссию

связи в Москве англичане не передавали эту информацию, опасаясь, что мы не поверим и потребуем назвать источник. Мы не знали тогда, что у англичан есть аналог немецкой шифровальной машины «Enigma», которую собрал в 1938 г. для британской спецслужбы польский инженер... Англичане держали в строжайшем секрете существование «Enigm'ы», дававшей им возможность дешифровать немецкие радиোগраммы» (цит. по: [Хавкин]).

Анализ сообщений Радо и материалов, поступавших из Лондона, свидетельствует об их «удивительном совпадении». Однако, как отмечал Судоплатов, «информация из Лондона от кембриджской группы была более полной, а от группы «Люци» явно отредактированной. Ясно было, что информация «Люци» дозировалась и редактировалась британскими спецслужбами». А Сталин, как известно, не очень доверял своему «злейшему союзнику» Черчиллю.

«Кембриджская группа» (Джон Кэрнкросс, Лео Лонга и Ким Филби) сумела получить доступ ко многим ценным материалам британского внешнеполитического ведомства и разведки. Сообщение из Лондона содержало более обстоятельные и точные планы немецкого наступления, чем полученные по линии военной разведки от «Люци» из Женевы. Руководителям военной разведки и НКВД стало совершенно ясно, что «англичане передают нам дозированную информацию, но в то же время хотят, чтобы мы сорвали немецкое наступление», – писал Судоплатов [там же].

Тем временем немецкие радиослужбы стали обращать всё более пристальное внимание на работу трех неизвестных радиопередатчиков в Женеве и Лозанне. После провала «Красной капеллы» во Франции и ареста их руководителей («Отто» и «Кента») гестапо удалось прочесть с помощью захваченного шифра часть радиোগрам «Доры». Дело в том, что в марте 1940 г., когда резидентура Шандора Радо находилась еще в стадии становления и нуждалась в связи с Центром, в Женеву по его заданию приезжал нелегальный резидент Брюссельской резидентуры Гуревич («Кент»), который привез с собой шифр, кодовую книгу, программы связи. Вот этот визит и сыграл в дальнейшем роковую роль в судьбе «Доры» и его организации [Энциклопедия военной разведки... 2004].

Но ведь она находилась на территории Швейцарии – нейтрального государства. Началась охота на членов «Красной тройки».

При этом официальные переговоры с руководством швейцарской разведки и контрразведки вел В. Шеленберг – начальник VI управления Главного управления имперской безопасности (РСХА). А оперативная разработка «Красной тройки» была поручена резидентуре VI управления РСХА в Швейцарии. За Шандором Радо и «Пакбо», которые стали известны немцам, была установлена слежка, в ходе которой вышли на «Розу». Она и оказалась самым слабым звеном: агент гестапо в Женеве завязал с молодой девушкой любовные отношения и вскружил ей голову, а она не поставила об этой связи в известность Шандора Радо. Так гестапо проникло в агентурную сеть резидентуры «Дора» [Дамаскин 2002].

А «Дора» продолжал направлять ценные разведданные в Москву. В тот период были переданы важные сведения о военных планах Германии под Курском, данные о новом танке «Тигр», о заговоре группы генералов против Гитлера и другая информация. Тем временем Шеленбергу удалось вынудить швейцарские власти принять более активные меры, направленные против нелегальных радистов: была организована передвижная служба радиопеленгования. В ночь на 14 октября 1943 г. во время радиопередачи супруги Эдмонд и Ольга Хамели были арестованы. Они были захвачены с поличным: были взяты шифры, программы связи, радиограммы. В тот же день была арестована Маргарита Болли («Роза»). Радо, узнав о провале, передал руководство резидентурой «Пакбо», вместе с женой Леной укрылся на квартире своего надежного друга, доктора Бианки [Лота 2010]. Последний оставшийся на свободе радист Александр Фут продолжал выходить в эфир и осуществлял связь между Радо и «Пакбо», пока не был арестован в ночь на 20 ноября 1943 г. Когда полиция взламывала дверь его радиоквартиры, он успел вывести из строя радиопередатчик и сжечь на свече радиотелеграммы [Дамаскин 2002].

После неудавшейся радиоигры швейцарской разведки с Москвой полиция продолжила аресты. 19 апреля 1944 г. были арестованы несколько членов резидентуры «Дора», в том числе Р. Дюбендорфер. Был арестован и Р. Рёсслер («Люци»). Но это было сделано, чтобы в тюрьме укрыть его от гестаповцев, которые могли выкрасть его и заставить признаться в сотрудничестве со швейцарской разведкой и раскрыть его источники. «Пакбо» и несколько агентов оставались на свободе, но без связи их деятельность была

бессмысленной [Прохоров 2004]. Поэтому 16 сентября 1944 г. Александр Радо с женой Леной с помощью французский партизан перешли франко-швейцарскую границу и укрылись в г. Аннси, контролируемом коммунистами [Радо 1988]. В том же сентябре 1944 г. швейцарские власти, которые уже вышли из-под влияния Германии, выпустили из тюрьмы всех арестованных членов организации Александра Радо [Лота 2010].

Здесь следует отметить, что личная судьба членов разведывательной организации Шандора Радо, сложилась не так трагически, как это было в других оккупированных немцами странах Европы и в самой Германии. Там советские разведчики и агенты после провалов и арестов были физически уничтожены нацистами, как это случилось, например, с членами агентурной группы А. Харнака – Х. Шульце-Бойзена в Берлине. Почти все они были казнены (а многие обезглавлены) в печально известном месте Берлина – Плётцензее [Ehrenbuch der Opfer... 1974]. Всё же Швейцария оставалась нейтральной страной, хотя немецкие спецслужбы и действовали там, как у себя дома. Здесь сказались дальновидность руководства советской военной разведки, создавшей в предвоенные годы широко разветвленную нелегальную агентурную сеть в нейтральных европейских странах.

Так закончилась полная героизма и трагических событий деятельность Александра Радо и его разведывательной организации – нелегальной резидентуры советской военной разведки «Дора». К вышеизложенному следует еще добавить, что для самого А. Радо все злоключения еще на окончились. Во время своего возвращения в Москву 25 января 1945 г. он, находясь в состоянии стресса, совершил побег во время остановки в Каире, но в августе 1945 г. был возвращен советским властям и передан органам контрразведки. В октябре 1946 г. он был осужден Особым совещанием на 10 лет тюремного заключения за шпионаж. В 1954 г. все эти обвинения специальной комиссией Главного разведывательного управления Генерального Штаба ВС СССР были признаны полностью надуманными, и он, как и Л. Треппер («Отто») вышел на свободу. В июне 1955 г. Шандор Радо вернулся в Венгрию, где его ждала жена Лена [Дамаскин 2002].

Дальнейшая судьба Шандора Радо сложилась благополучно. Он стал видным географом и картографом, доктором наук и членом

венгерской Академии наук. Советское правительство наградило его орденами «Отечественной войны» I степени и «Дружба народов». Он написал мемуары «Под псевдонимом «Дора», которые вышли в свет в 1973 г. [Радо 1988]. Шандор Радо умер в 1980 г. в возрасте восьмидесяти одного года.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Дамаскин И. А.* 100 великих разведчиков. М.: Вече, 2002. 528 с.
- Лота В. И.* Без права на ошибку. Книга о военной разведке. 1943 г. М.: Молодая гвардия, 2005а. 414 с.
- Лота В. И.* ГРУ. Испытание войной. Военная разведка России накануне и в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М.: Кучково поле, 2010. 720 с.
- Лота В. И.* Секретный фронт Генерального штаба. Книга о военной разведке. 1940–1942. М.: Молодая гвардия, 2005б. 539 с.
- Прохоров Д. П.* Военная разведка от Сталина до Путина. СПб.: Нева, 2004. 414 с.
- Радо Ш.* Под псевдонимом Дора. М.: Воениздат, 1988. 332 с. URL: www.litmir.net/bd/?b=36498
- Хавкин Б.* Ребус Рудольфа Рёсслера. Радо. URL: www.den-za-dnem.ru/page.php?article=1034
- Энциклопедия военной разведки / авт.-сост. А. И. Колпакиди. М.: Астрель, 2004. 604 с.
- Ehrenbuch der Opfer von Berlin-Plötzensee. Westberlin: Verlag das Europäische Buch, 1974. 215 S.

УДК 32.019.5

И. В. Михайлин

доктор исторических наук; профессор кафедры теории и истории международных отношений Института международных отношений и социально-политических наук, МГЛУ; e-mail: mikhailin.igor@mail.ru

МОНИТОРИНГ КАК МНОГОФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ МЕТОД ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКОЙ РАБОТЫ

В статье рассматривается мониторинг как метод информационно-аналитической работы, сочетающий функции отслеживания, сбора и анализа информации с элементами прогнозирования. Рассматривается методология мониторинга, включающая статистические приемы и мониторинговые индикаторы, которые играют роль особых форм отражения политических реалий. Обосновывается тезис том, что в условиях скоротечности процессов и сокращения времени для принятия адекватных решений значение мониторинга и других методов информационно-аналитической работы объективно возрастает.

Ключевые слова: мониторинг; мониторинговые индикаторы; информационные технологии; метод «мозгового штурма»; информационно-аналитическая работа.

Mikhailin I. V.

Doctor of History (Dr.habil), Professor, Department of the Theory and History of International Relations, Institute of International Relations and Social and Political Sciences (Faculty), MSLU; e-mail: mikhailin.igor@mail.ru

MONITORING AS MULTIFUNCTIONAL METHOD OF INFORMATIONAL AND ANALYTICAL ACTIVITIES

The article deals with monitoring as a method of information and analysis activities, combining functions of observation, collection and analysis of information with elements of forecast. Monitoring methodology is also under consideration, which includes statistical methods and monitoring indicators acting as specific forms of reflection of political realities. Thesis is being substantiated that due to rapidity of processes and reduction of time for adequate decisions the importance of monitoring, other methods of activities in spheres of information and analysis objectively increases.

Key words: monitoring; monitoring indicators; information technologies; «brain storm» method; information and analysis activities.

Глобализация как ведущая тенденция мирового развития привнесла такие новые черты, как резкое обострение соперничества стран за рынки сбыта продукции, источники сырья. Это, в свою

очередь, привело к ускорению многих процессов в отдельно взятом государстве и в международном масштабе. Вот только несколько примеров.

Быстротечным оказался формат однополюсного мира. Начавшееся одновременно с самороспуском СССР в декабре 1991 г., доминирование США, по образной оценке немецкого журнала «Шпигель», закончилось 7 октября 2015 г., когда российские ракеты, выпущенные из акватории Каспийского моря, на контрасте с бессилием США нанесли невосполнимый урон военным объектам ИГИЛ. Однополюсный мир оказался самым коротким форматом в сравнении с другими системами международных отношений – Версальско-Вашингтонской (27 лет, включая Вторую мировую войну) и Ялтинско-Потсдамской (46 лет). При этом многие аналитики полагают, что период однополюсного мира завершился еще раньше – в первом десятилетии нынешнего века и связан с возвышением таких центров силы и влияния, как Китай, НАТО, Европейский союз.

Стремительным оказался и процесс возрождения российской армии. Армейская немощь в первой чеченской кампании заслужила язвительную ремарку одного натовского генерала: «...и такую армию мы боялись». Разгром инфраструктуры ИГИЛ воздушно-космическими войсками и предшествовавшие шаги по их ускоренному переоснащению новейшими образцами военной техники вернули российские вооруженные силы на уровень самых мощных армий мира.

Ускорение ритма и интенсивности международной жизни сопряжено с сопутствующим сокращением времени для принятия своевременных и адекватных решений. В связи с этим многократно возросло значение методов, позволяющих в реальном времени отслеживать происходящие изменения. Уместно в этой связи вспомнить, что на фоне возникшего в результате дезинтеграции СССР пояса нестабильности, вызванной конфликтами на постсоветском пространстве (Молдова – Приднестровье, Армения – Азербайджан из-за Нагорного Карабаха, гражданская война в Таджикистане), президент Б. Ельцин в выступлении по случаю профессионального праздника сотрудников органов государственной безопасности назвал отслеживание ситуации по всему периметру границ России одной из приоритетных задач отечественных спецслужб [Известия 1993].

Формально слово «отслеживание» в том конкретном случае было использовано в узком смысле, т. е. применительно к ситуации на российских границах. Обстановка в Российской Федерации на тот момент, однако, давала основания для толкования понятия «отслеживание» и в расширительном контексте. Отслеживание, в широком смысле, подразумевало постоянное наблюдение и выявление внешних сил, стоявших за многочисленными случаями неуважения интересов, угроз территориальной целостности и безопасности России, которыми изобилует начальный период становления ее государственности, поиска новых места и роли в системе международных отношений.

Формально указание об «отслеживании» было адресовано силам обеспечения безопасности. Фактически же, оно относилось и к внешнеполитическим ведомствам Российской Федерации. Все они – Министерство иностранных дел, Служба внешней разведки, разведка Генерального Штаба ВС считали защиту территориальной целостности, обеспечение безопасности России своей главной первоочередной задачей.

Скоротечность процессов сопряжена с усложнением известных международных вопросов и появлением принципиально новых проблем (как, например, формирование отношений России с постсоветскими государствами). В этих условиях одной лишь функции отслеживания в большинстве случаев оказывается уже недостаточно. Важно, чтобы отслеживание международных событий и процессов сочеталось с оперативной диагностикой и выходом на прогнозирование тенденций их вероятного развития. В числе методов, способных при правильной организации совмещать перечисленные функции, заметное место занимает мониторинг.

Мониторинг прочно вошел в арсенал информационных технологий, используемых на Западе для анализа с элементами прогнозирования политических и социальных процессов. В частности, метод мониторинга был использован экспертами Лондонского центра исследований в области экономической политики для отслеживания и анализа процесса западноевропейской интеграции и влияния на него возможного вступления в Европейское экономическое сообщество (ЕЭС) государств Центральной и Восточной Европы [Monitoring Europe Integration... 1980]. Методология мониторинга применялась Европейским институтом средств массовой

информации для отслеживания хода проведения первых парламентских выборов (1993) в России [Методология мониторинга... 1994].

В последнее время как метод, имеющий дело с общественными явлениями, отражающими политические и социокультурные процессы с присущими им элементами неопределенности и инвариантности, мониторинг стал объектом научных исследований и в нашей стране. Заметный вклад в научное осмысление мониторинга внес российский исследователь И. Кривобоков. В своей публикации «Социальный мониторинг: сущности, проблемы и предположения» он определяет мониторинг как «специально организованный непрерывный процесс поиска, группировки и комплексной обработки мониторинговых индикаторов целью оперативного оценивания и прогнозирования возможных состояний системы и ее уровней, выработки коррекционно-упреждающих мер управленческого воздействия» [Кривобоков 1994]. Мониторинг, согласно И. Кривобокову, не предполагает получения фундаментальных знаний о системе, он использует количественно-качественные обобщения ранее добытой информации и вновь получаемых сведений, представленных в виде мониторинговых индикаторов. Существуют две группы индикаторов: показатели развития, отражающие формирование нового качества объекта наблюдения, и показатели стабильности. Мониторинг осуществляется на определенном отрезке времени, он имеет свой объект и предметную направленность.

В современных условиях повышенной динамики политических и социальных процессов и множественности факторов, влияющих на характер и направленность их развития, востребованность мониторинга возрастает. Не так редки случаи, когда уже собранных и систематизированных сведений об объекте оказывается недостаточно, однако использование мониторинговых индикаторов позволяет даже на сравнительно узкой информационной базе создавать относительно целостную картину событий и процессов.

Мониторинговые индикаторы, как справедливо отмечает в своих публикациях И. А. Кривобоков, являются основными формами отражения действительности, в которых находят свое проявление главные движущие силы событий и процессов, основные их причины в суммарно-результатирующем виде. Они могут быть представлены в виде конкретных фактов, событий, а также в виде числовых

или иных абстракций, содержащих отражение сущности. Самостоятельную группу мониторинговых индикаторов составляют абстракции, выражаемые определенными политологическими категориями: политическая культура, к которой относятся такие понятия, как убеждения, ценностные ориентации; политическая социализация, включающая обобщенные установки по отношению к власти; партийные предпочтения; категория национально-го интереса и его материализация во внешнеполитическом курсе страны.

Важную составляющую методологии мониторинга образуют статистические методы и приемы. Именно статистические показатели наиболее полно и точно отражают специфику развития во времени общественно-политических событий и процессов. Отличительная особенность статистических методов заключается в их способности количественного выражения основных сторон исследуемого объекта (квантификация).

В основе статистических методов лежит закон больших чисел. Он основан на принципе, согласно которому количественные закономерности, присущие общественно-политическим явлениям, отчетливо проявляются лишь в достаточно большом числе наблюдений. Этот закон может быть положен в основу мониторинга, поскольку он дает возможность вывести за рамки анализа нетипичные и малосущественные факторы.

С законом больших чисел тесно связана категория статистической закономерности. Она способствует выявлению закономерной связи между предшествовавшим и последующим состояниями системы, находящейся под воздействием внешних, постоянно меняющихся условий. В силу своей способности отражать причинно-следственные взаимодействия статистическая закономерность может использоваться в качестве одного из опорных элементов методики организации мониторинга.

Весьма полезно применение статистического метода группировок. Суть его состоит в разделении системы на группы по определенным существенным признакам. Метод группировок дает возможность получения некоторого набора интегративно-сущностных статистических признаков, отражающих главные тенденции развития наблюдаемого объекта, что оправдывает его использование в качестве индикатора в процессе мониторинга.

В тесной взаимосвязи с методом группировок находится метод статистического наблюдения. Он представляет собой планомерный и организованный сбор данных о процессах и явлениях общественно-политической жизни, а также о персоналиях. Данные наблюдений составляют первичную информацию о наблюдаемых объектах.

Заметное место среди индикаторов мониторинга занимает категория «средняя статистическая величина». Суть категории заключается в нахождении равнодействующей, что обеспечивает взаимопогашение противоположно изменяющихся факторов и выражает суммарно-результатирующее его значение в виде средней величины. В связи с этим уместен вывод о принципиальной возможности использования средней величины в качестве мониторингового индикатора, поскольку средние величины отражают объективные движущие силы развития. Кроме того, количественный показатель, выраженный средней величиной, становится формой, объединяющей количественно-качественные признаки. Рассмотрение явлений через призму средних величин и обработка данных наблюдений могут дать информацию, в частности, об изменении настроений в обществе перед выборами, партийных предпочтениях и т. д. [Статистический словарь... 1989].

Метод мониторинга не свободен от ограничений. Так, создание универсальных наборов мониторинговых индикаторов не представляется возможным. В каждом случае применительно к конкретному объекту отслеживания вопрос об индикаторах решается отдельно.

Полезные свойства мониторинга не остались незамеченными. В 1992–1993 гг. в России была запущена программа Всесоюзного центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) «Мониторинг социально-экономических перемен на всей территории Российской Федерации». Цель программы, помимо прочего, заключалась в том, чтобы наладить обратную связь между управлением и людьми с помощью достоверной оперативной информации об их восприятии реформ. Мониторинг вышел и на официальный уровень с принятием Постановления Правительства РФ «Об осуществлении мониторинга системы образования» от 5 августа 2013 г.

Начатый И. А. Кривобоковым научный анализ мониторинга продолжили другие российские исследователи. Постепенно расширяются области применения мониторинга. Одной из сфер стало

социально-экономическое развитие субъектов РФ и произошедшие в них изменения под воздействием политики реформ; другой – вопросы управления, протестированные, как уже отмечалось, мониторингом путем установления обратной связи, позволяющей выявить реакцию населения на проводимые реформы. В публикации Е. М. Мещеряковой областью применения мониторинга выбрана социальная напряженность в РФ, измеряемая «индикаторами напряженности» в виде количественных параметров изменения ее уровней [Мещерякова 2007].

Исследование мониторинга ведется не только «вширь» в плане увеличения числа сфер его применения, но и «вглубь». Заслуживает упоминания публикация, подготовленная исследователем А. Шишкиным. Обоснованно рассматривая отслеживание динамики поведения объекта и полученные результаты как своего рода «печку», от которой выстраивается весь цикл последующих операций, он сформулировал ряд принципов мониторинга как процесса: целенаправленность, системность, непрерывность наблюдения, периодичность снятия информации, сопоставимость получаемых показателей, максимальная информативность результатов [Шишкин 2003].

Интересную работу по методологическим основаниям использования мониторинга в качестве метода оценки политических и социальных процессов в субъектах РФ подготовила Е. В. Кузина. Применительно к изучению социальных структур она вычленила три вида мониторинга: информационный, проблемный и базовый (фоновый), из которых последний, по ее мнению, может рассматриваться как оптимальный [Кузина 2010].

Исследовательница выделяет ряд особенностей поведения объекта наблюдения, которые могут быть установлены с помощью базового (фонового) мониторинга. Речь идет о выявлении перемен в состоянии объекта, возникновении угрозы в результате происходящих в нем изменений, возможности построения прогноза относительно будущего развития объекта. В использовании именно этих возможностей мониторинга заинтересованы внешнеполитические ведомства для выполнения своей главной и первоочередной задачи по обеспечению безопасности России, ее территориальной целостности.

Использование упомянутых возможностей мониторинга предполагает выстраивание и последовательное задействование

определенных функций, составляющих полный цикл обращения с информацией.

Добывающая функция позволяет собирать информацию об объекте наблюдения, определять с использованием мониторинговых индикаторов развития изменения в его состоянии, обращая особое внимание на те из них, которые могут быть сопряжены с возникновением вызовов и угроз. Результат – получение первичной информации.

Накапливающая функция выражается в создании информационного фонда по наблюдаемому объекту и банка данных на машиночитаемых носителях.

Синтезирующая функция помогает определять тематические границы информационной базы, осуществлять отбор, ранжирование добытых сведений по степени значимости и их синтез.

Аналитическая функция обеспечивает анализ данных после того, как они были рассредоточены по определенным признакам (синтез) и вновь свернуты (анализ), но уже в целостную картину. Результат – получение вторичной информации.

Прогностическая функция направлена на определение степени вероятности реализации одного из альтернативных вариантов поведения объекта наблюдения и вероятной тенденции его дальнейшего развития.

В результате последовательного осуществления перечисленных функций рождается аналитический документ. В случае отсутствия в нем сигналов о назревающих вызовах и угрозах он идет «в накопление», т. е. становится частью массива информационно-аналитических документов, используемых для продолжения работы с объектом наблюдения. В случае если наблюдение и анализ выявляют настораживающие симптомы, результаты докладываются политическому руководству для принятия решений.

Как ранее было отмечено, мониторинг применяется в разных сферах. Нам пока, однако, не удалось обнаружить в политологических публикациях примеров использования возможностей мониторинга для отслеживания с использованием мониторинговых индикаторов динамики развития политического режима, политических партий и движений, политической активности населения. В рамках данной статьи мы намерены восполнить этот пробел.

Мероприятием, объединяющим все эти слагаемые политического процесса, являются парламентские выборы. Особенно

важен мониторинг выборов, результаты которых создают условия для смены политического курса страны, где они проводятся. Для внешнеполитических ведомств результаты выборов представляют интерес с той точки зрения, в какой степени они влияют на отношения отдельно взятой страны с Россией.

Из всех стран, где в последнее время проходили парламентские выборы, наибольшего внимания заслуживает Греция. Они состоялись в январе 2015 г., когда государственный долг в размере около 250 млрд евро создал серьезные трудности в отношениях Греции и Евросоюза. Победу на выборах одержала коалиция леворадикальных партий СИРИЗА. В программных установках и в заявлениях ее лидера А. Ципраса, были сформулированы требования списания долгов Греции, сопровождаемые угрозой выхода из зоны евро, и, возможно, даже из ЕС, а также смягчения санкций, введенных против России, поскольку Афины оказались в числе стран, наиболее пострадавших из-за российских ответных мер. В дальнейшем, однако, А. Ципрас уступил давлению кредиторов, в числе которых оказались Германия и Франция. Осталась невыполненной и угроза выхода из зоны евро.

И всё же итоги выборов оказались во многом знаковыми. Их значение состоит в том, что успех пришел к политической силе, заявившей в своей предвыборной программе о готовности взять на себя ответственность за смену курса на подчинение ЕС во внутренней и внешней политике и, что особенно важно, показавшей пример другим странам-должникам в ЕС (Испания, Португалия, Италия). В Испании по примеру коалиции СИРИЗА возникло движение «ПОДЕМОС» («Мы можем»), выдвигающее во многом созвучные с греческими требования. Заявление в пользу смягчения санкций против России, сделанное на фоне солидарного участия в них других стран – членов ЕС, отвечает интересам улучшения российско-греческих отношений. Такие важные выборы оправдывают использование мониторинга в качестве инструмента их информационно-аналитического сопровождения.

Мониторинг предвыборного процесса может быть осуществлен с помощью определенного технологического порядка.

Предварительный этап. Цель – сбор фоновой информации:

– ознакомление с преобладающими настроениями и партийными предпочтениями жителей страны;

– ознакомление с результатами предыдущих выборов, результатами деятельности правящей партии по выполнению своих предвыборных обещаний.

Выраженные в процентах показатели партийных предпочтений, общественных ожиданий, а также выполненных прежней правящей партией своих предвыборных обещаний от общего их числа могут служить мониторинговыми индикаторами.

Первый этап. Цель – сбор информации о предвыборных программах ведущих политических партий, изучение общественного мнения:

– проведение системного анализа предвыборных программ, ознакомление с их оценками общественными организациями, союзами, авторитетными деятелями науки, культуры;

– сбор информации о внутреннем положении в ведущих политических партиях, партийных коалициях;

– изучение общественного мнения путем обработки данных опросов, анкетирования и других способов выявления умонастроений.

Для получения количественных показателей анализа упомянутых слагаемых политического процесса может быть использован мониторинговый показатель, выраженный категорией «средняя статистическая величина».

Второй этап. Цель – перепроверка информации.

Важно узнать, что в действительности думают люди о положении в стране, предвыборных обещаниях ведущих партий. Источниками информации могут быть мнения авторитетных политологов, специалистов-международников, объективных обозревателей СМИ, а также суждения рядовых жителей страны.

Третий этап. Цель – оценка полученной информации об объекте наблюдения:

– сопоставимость полученных на основе непрерывного наблюдения результатов и их системный анализ;

– экстраполяция доминирующей тенденции в сфере партийных предпочтений на еще не определившихся со своими симпатиями избирателей;

– составление прогнозных оценок.

Роль мониторингового индикатора может выполнять категория статистической закономерности, а также прогнозный метод моделирования.

Заключительный этап:

- групповая диагностика;
- составление на основе анализа информационного сообщения с включением в него прогнозных оценок.

На этом этапе могут оказаться полезными такие методы информационно-аналитической работы, как коллективные экспертные оценки и «мозговой штурм».

На основании вышеизложенного можно сделать выводы.

1. Быстро меняющаяся обстановка в мире, множественность вызовов и угроз (выход военной машины НАТО к границам России, международный терроризм и его вылазки в столицах стран Европы, территориальные претензии ряда сопредельных государств и др.) обуславливают необходимость совершенствования методов информационно-аналитической работы. Мониторинг, – возможно, наиболее недооцененный из них.

2. Мониторинг между тем при правильной организации способен сочетать функции отслеживания, сбора, накапливания и анализа информации с элементами прогнозирования. Ключевая роль в этой технологии принадлежит мониторинговым индикаторам, которые в каждом конкретном случае представляют собой особые формы отражения реальности.

3. Результативность информационно-аналитической и аналитико-прогностической работы во многом зависит от использования в дополнение к мониторингу таких доказавших свою эффективность методов, как коллективные экспертные оценки, «мозговой штурм», «Дельфи», экстраполяция и моделирование.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Кривобоков И. А.* Социальный мониторинг: сущности, проблемы, предположения. Черкассы: Инкос, 1994. 98 с.
- Кузина Е. В.* Методологические основания использования социологического мониторинга в качестве метода оценки политической и социально-экономической ситуации в субъектах Российской Федерации // Научное, экспертно-аналитическое и информационное обеспечение национального стратегического планирования инновационного и технологического развития России / Тр. Шестой Всероссийской науч.-практ. конф. 27–28 мая 2010. Ч. 2. М.: ИНИОН РАН, 2010. С. 61–68.
- Методология мониторинга // Международная жизнь. 1994. № 2. С. 15–20.

Мещерякова Е. М. Мониторинг социальной напряженности и реализация функций управления социальными системами // Вестник Чувашского ун-та. 2007. № 3. С. 37–39.

Статистический словарь / гл. ред. М. Ф. Королев. 2-е изд. М.: Финансы и статистика, 1989. 632 с.

Шишкин А. Сущность, задачи, принципы мониторинга // Выступление на рабочем совещании «Экономический рост в регионах России». 17.02. 2003. URL: [aspe.spb.ru.>workshop / Shishkin. Pdf](http://aspe.spb.ru.>workshop/Shishkin.Pdf).

Monitoring European Integration: Impact of Eastern Europe // A Cepr Annual Report. London : Centre for Economic Policy Research, 1980. 88 p.

доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры романо-германских языков Московского государственного гуманитарно-экономического университета; e-mail: Ra11114@mail.ru

ГИБРИДНЫЕ ВОЙНЫ США (1979–2017)

В статье исследуется вооруженная экспансия США с помощью иностранных наемников. Автор показывает, что США в 1979–2017 гг. использовали иностранных наемников в гибридных войнах в Афганистане, Сирии. Американские офицеры в штабе, расположенном в северо-восточном районе Сирии, руководили операциями войны под прикрытием, а также агентурными сетями и полувоенными подразделениями наемников численностью до 250 тыс. человек.

Ключевые слова: США; гибридная война; иностранные наемники; война под прикрытием; Афганистан; Сирия.

Репко С. И.

Doctor of History (Dr.habil), Professor, Professor, Department of Romano-Germanic Languages, Moscow State University of Humanities and Economics; e-mail: Ra11114@mail.ru

AMERICAN HYBRID WARS (1979–2017)

The article considers the USA armed expansion using foreign mercenaries. The author gives a substantiation, that in 1979–2017 the USA used foreign mercenaries as a tool, waging hybrid wars in Afghanistan, Syria. American officers of the US headquarters in north-eastern Syria supervised covered war operations, giving orders to numerous agent networks and paramilitary units of 250,000 foreign mercenaries.

Key words: USA; hybrid war; foreign mercenaries; covered war; Afghanistan; Syria.

Актуальность исследования гибридной войны США связана с тем, что американские спецслужбы четыре десятилетия тайно управляли войнами за рубежом руками полувоенных армий иностранных наемников, террористическими сетями агентов, которыми непосредственно руководили подчиненные ЦРУ подразделения спецопераций, размещенные в 150 странах мира (2017) [Dower 2017]. Американцы под прикрытием легенд СМИ о «джихаде» вели тайные войны руками иностранцев, обозначая эти действия такими терминами, как «война под прикрытием» (covered war), «программа помощи под прикрытием» (covered aid program),

«стратегия не прямых действий» (indirect actions strategy), «война наемниками» (proxu war), «иррегулярная война» (irregular warfare), «подрывные методы» (subversive efforts), «специальная война» (special war). Целью статьи является определение содержания гибридных войн Соединенных Штатов.

Одной из основных террористических организаций, с помощью которой американские спецслужбы вели войны иррегулярными, террористическими методами была запрещенная в России «Аль-Кайда». Она была создана американскими спецслужбами, о чем в 2017 г. сказал президент В.В. Путин во время ответа на вопрос американского режиссера Оливера Стоуна, снявшего это интервью для документального кинофильма [Stone 2017]. О том, что американцы управляли действиями боевиков Усамы Бен Ладена и «Аль-Кайды» в 1999 г. написал в статье член Совета по международным отношениям Грэхэм Фуллер, который несколько десятилетий организовывал иностранных наемников для войны с подразделениями 40-й армией СССР в Афганистане, а также в Чечне, Таджикистане и Киргизии, занимая должность резидента ЦРУ в Кабуле, главы Кавказского и Среднеазиатского направления ЦРУ в Турции, заместителя директора Национального разведывательного комитета США, главного аналитика ЦРУ в корпорации РЭНД. Он писал: «Политика управления эволюцией ислама и помощи им (иностранным наемникам. – Прим. С. Р.) против наших конкурентов сработала сказочно хорошо в Афганистане против Красной Армии. Эти же доктрины могут быть по-прежнему использованы для дестабилизации остатков силы России, и особенно – в противодействии влиянию Китая в Центральной Азии»¹ [La Bevier 1999, с. 5–6]. Г. Фуллер в статье газеты «Вашингтон пост» 11.09.2004 г. утверждал, что «ислам – сила для изменения». В 2008 г. он опять повторил постулат об «исламе – силе для изменения» в статье электронного сайта информационного агентства Уордпресс [Fuller 2008]. Этот ветеран ЦРУ называл «силой для изменения» исламских наемников, которых использовали в войнах для свержения неугодных Вашингтону правительств. В 2016 г. Грэхэм Фуллер в очередной статье об «изменении» заявил, что США «приветствуют террор, дестабилизацию и свержение, если

¹Зд. и далее перевод наш. – С. Р.

определенные режимы ведут откровенно антиамериканскую политику» [Fuller 2016]. Этими словами он описал поддержку американцами «изменения» в Ливии – гибридную войну авиации НАТО, спецназа НАТО, Катар, Саудовской Аравии и иностранных наемников по свержению правительства во главе с Муаммаром Каддафи.

ЦРУ в Афганистане вело войну в 1979–1989 гг. под прикрытием легенды о якобы религиозном джихаде против «неверных», закодировав ее словами «операция Циклон». Затраты на эту войну превысили 28 млрд долл. США (в том числе 8,2 млрд долл. США прямых расходов бюджета ЦРУ, 20 млрд долл. неучтенных бюджетом США расходов) (en.wikipedia.org/wiki/). ЦРУ финансировало афганскую войну неучтенными конгрессом США доходами от продажи наркотиков. Наличные отмывали и направляли деньги в пакистанское отделение специально созданного для финансирования афганской войны банка BCCI (Bank of Credit and Commerce International), имевшего 417 отделений в 73 странах мира [Катасонов 2013]. Организация Мактаб аль-Кидамат (Школа Кидамат) в пакистанском г. Пешавар оплачивала проезд и проживание иностранных наемников в лагерях боевой подготовки. Приказ директору ЦРУ о ведении тайной войны в Афганистане отдал президент США, получивший рекомендации о содержании такой формы геостратегии от советника по национальной безопасности З. Бжезинского. В Пакистане кинооператор в 1980 г. заснял речь З. Бжезинского, прилетевшего вместе с начальником пакистанской разведки ISI на военном вертолете в расположенный в 80 км от афганской границы г. Пешавар – место резидентуры ЦРУ. З. Бжезинский выступил в лагере подготовки боевиков, который содержала разведка ISI, заявив наемникам, что «Бог на вашей стороне» (youtube.com/Zbignev).

Стратегия гибридной войны американцев в Афганистане и Чечне заключалась в том, что ЦРУ тайно руководило партизанской войной полувоенных бандформирований иностранных и местных наемников, которые вели ее террористическими методами и методами распространения идеологии ваххабизма. ЦРУ не прямо отдавало приказы бандформированиям, воевавшим с афганскими правительственными войсками и военнослужащими 40-й армии СССР, а через подчиненные ему спецслужбы Саудовской Аравии и Пакистана, назначив двух руководителей армии исламских наемников – духовного лидера и военного командира (амир). Духовным

руководителем наемников в Афганистане был саудовский гражданин Усама Бен Ладен – агент ЦРУ, который ежемесячно получал от ЦРУ 1 млн долл. США жалованья, тайно имел турецкий паспорт на имя Тима Османа, боснийский паспорт, по которым он приезжал для решения военных вопросов в США, Британию, Албанию, Афганистан, Боснию, ОАЭ, Пакистан, Сомали, Судан, Ичкерия (Чечня) (youtube.com/Tim). В 1995–2002 г. амиром войск сепаратистов Чечни был уроженец Саудовской Аравии Самер Салех ас-Сувейлем (Хаттаб), который прошел обучение в США (1987), в лагере подготовки боевиков в Афганистане, где его учили американские инструкторы (1987); воевал против подразделений 40-й армии СССР в Афганистане (1987–1989), против войск афганского правительства (1990–1992), против войск правительства Таджикистана (1993) и обучал наемников в лагерях на территории Афганистана (1994) (www/voinanet.ucoz.ru/).

В апреле–июне 1994 г. командир чеченских бандформирований Шамиль Басаев выезжал в Пакистан на переговоры с главой разведки ISI, для осмотра пакистанских лагерей подготовки боевиков, а также управлявшегося пакистанцами лагеря в провинции Хост на юго-востоке Афганистана, расположенного в 30 км от границы с Пакистаном. Им была достигнута договоренность об обучении чеченцев в Пакистане и Афганистане и направлении в Чечню наемников, имевших боевой опыт. В соответствии с договоренностью в конце 1994 г. из Пакистана в Азербайджан и Грузию самолетами перевезли первый батальон наемников-муджахедов, которые в январе 1995 г. перешли через границу в Чечню. Батальон состоял из 200 арабов, 300 таджиков и узбеков, 100 чеченцев, которых подготовили в пакистанском лагере Маркази Давар (Markaz-i Dawar) и в афганском лагере вблизи города Хост. Возглавлял батальон гражданин Саудовской Аравии Хаттаб, который занял должность амира войск сепаратистов (www.kavkaz-uzel.eu/articles/170905/). В 1995 г. на территории Судана в лагерях подготовки боевиков «Аль-Кайды», которыми руководил Усама Бен Ладен, также был сформирован исламский батальон из 600 наемников, которых направили на войну в Чечню для помощи сепаратистам, воевавшим за отделение этой республики от России [Edmonds 2013]. В 1998 г. главарь «Аль-Кайды» Усама Бен Ладен тайно приезжал на территорию Чечни для переговоров с главарями чеченских сепаратистов,

в числе которых был Мовлади Удугов, курировавший в «Исламской Республике Ичкерия» ведение информационной войны [Bodansky 2000]. В 1998 г. Усама бен Ладен в столице Сомали участвовал в конференции «Интернационал братьев мусульман» из представителей Пакистана, Судана, Боснии, Кашмира и других стран, которые обсуждали реализацию задачи «превращения Каспия в турецко-мусульманское море» (to turn into Turkish-muslim sea) [Bodansky 2000]. Эту цель хотели реализовать для захвата ресурсов нефти Каспийского бассейна, изгнав Россию с Северного Кавказа.

ЦРУ тайно платило жалованье членам бандформирований и оплачивало обучение иностранных наемников на территории Афганистана и Чечни на деньги от продажи колумбийского кокаина в США, от продажи в Европе героина и опиума с пакистанских плантаций опиумного мака. Согласно сведениям бывшей сотрудницы ФБР Сибил Эдмондс, в 1992–1995 г. доставку самолетами наркотиков из Афганистана в Бельгию и США (Чикаго и авиабаза Пэтерсон, штат Нью Джерси) курировал офицер ЦРУ Марк Гроссман (Marc Grossman). Военно-транспортная авиация США одновременно с наркотиками везла из тренировочных лагерей Афганистана арабских наемников на войну в Боснию, в другие республики бывшей Югославии, в Азербайджан – для их засылки через границу на войну в Чечню [Edmonds 2011]. Подчиненные ЦРУ спецслужбы стран-вассалов Америки вербовали наемников более чем в 80 государствах. С 1979 г. в документах ЦРУ сеть отрядов иностранных наемников называли «сеть Усамы бен Ладена» (*UBL network*), а с июля 1988 г. эту агентурную сеть переименовали в «Аль-Кайду». Выполняя задачи грандстратегии США 1988 г., «Аль-Кайда» прекратила войну в Афганистане и начала войну на территории среднеазиатских республик СССР (1992), в Югославии (1994) и в Чечне (1994). В 1993–1994 г. лагеря военной подготовки боевиков «Аль-Кайды» развернули в Судане, прикрыв тайную деятельность Усамы Бен Ладена легендой о строительстве его фирмой дороги [Fisk 1993].

ЦРУ с 2011 г. по своим каналам тайно финансировало и управляло войной арабских наемников якобы «умеренной оппозиции» для свержения правительства Сирии. «Группа друзей Сирии» – страны НАТО, Саудовская Аравия, Катар, Иордания и Египет

22.06.2013 г. приняли решение о поставке оружия наемникам для войны против правительства в Дамаске. В рассекреченном в 2017 г. документе США говорилось, что поддерживающие силы – Запад, страны Персидского залива и Турция – должны помогать усилению исламских вооруженных групп на востоке Сирии «для изоляции сирийского режима, который считается стратегической глубиной экспансии шиитов (Ирак и Иран)» [Bridge 2017]. Созданное в 2014 г. на территории северной части Сирии и в иракском Курдистане запрещенное в России Исламское государство, объявившее 29.06.2014 г. о создании Всемирного Халифата, финансировалось через тайные банковские счета ЦРУ и подчиненных ему спецслужб Катара, Саудовской Аравии, которые также поставляли оружие, обучали боевиков-наемников. Информация о поддержке спецслужбами Катара боевиков ИГИЛ, «Аль-Кайды», «Джабхат ан-Нусра» и других полувоенных формирований, воевавших против правительства Сирии, в 2014 г. стала известна из публикации газеты Нью-Йорк Таймс [Kirkpatrick 2014], а в 2017 г. – из официальных заявлений правительств Египта, Бахрейна, Йемена, Саудовской Аравии (rt.com/op-edge/390962-saudi-arabia-qatar-terrorism/). Карликовое государство Катар с населением всего лишь 2,3 млн жителей, на территории которого находилось Центральное командование США и офицеры ЦРУ, в 2014–2017 г. не могло без тайного получения финансовых переводов из Америки шесть лет платить жалование, покупать оружие и боеприпасы для более чем 200 тыс. наемников, воевавших в северной части Ирака и Сирии. В январе 2017 г. в Сирии воевали полувоенные формирования наемников следующей численности: Демократические силы Сирии – 65 тыс. человек, Свободная сирийская армия – 60 тыс. человек, Исламский фронт – 50 тыс. человек, Джейш аль-Фатах – 10 тыс. человек, Джабхат ан-Нусра и ИГИЛ – по 20 тыс. человек (nation-news.ru/240786-sozhrite-drug-druga-kak-an-nusra-i-otryady-umerennoi-oppozicii-ne-podelili-idlib). При среднем месячном жаловании наемнику 400 долл. для платы всем наемникам требовались годовые расходы более 0,8 млрд долл., однако у Катара в 2016 г. не было денег, поскольку дефицит его бюджета превышал 12,77 млрд долл. (gulfinthemedia.com/771796-qatar-budget-2016.pdf). В июле 2017 г. источник финансирования войны в Сирии стал понятен, когда

президент США был вынужден публично признать, что ЦРУ в Сирии много лет осуществляло операцию под прикрытием, финансируя и вооружая «умеренную» оппозицию [Walkott 2017].

Если в 2015 г. численность наемников полувоенных формирований в Сирии и Ираке превышало 250 тыс. человек, то после начала операции военно-космических сил России в Сирии число боевиков ИГИЛ снизилось в 3,5–4 раза. В декабре 2014 г. в Сирии и на севере Ирака вооруженные силы ИГИЛ насчитывали до 50 тыс. боевиков (в том числе 16 тыс. иностранцев). В декабре 2015 г. число боевиков составило 60 тыс., однако в начале 2017 г. эта группировка сократилась до 12–20 тыс. человек [Watkins 2017].

Тайные методы ЦРУ по управлению гибридной войной руками иностранных наемников «Аль-Кайды» и ИГИЛ в Сирии явно проявились 15.12.2016 г., когда сирийский спецназ во время боев в восточном районе сирийского города Алеппо, захватил 22 старших офицера США, которые в штабном бункере, охранявшемся британскими военными служащими спецназа САС, управляли боевыми действиями наемников сирийского подразделения «Аль-Кайды» под названием «Джабхат ан-Нусра». В штабном бункере наряду с американцами были также захвачены 16 офицеров Британии и более девяноста офицеров других союзных американцам стран, в том числе офицеры Франции, Германии, Израиля, Турции, Катар, Марокко [Сирийский спецназ... 2016].

Американский генерал-лейтенант Стефен Тоусенд в выступлении 03.03.2017 г. признал факт нахождения американских войск примерно в 40 км восточнее Алеппо в районе сирийского города Аль-Баб, захваченного войсками «умеренной» оппозиции правительству Сирии [Watkins 2017]. СМИ Запада для маскировки утверждали, что американские войска в Сирии были якобы представлены всего лишь 500 солдатами командования спецопераций США, которые якобы не воевали, а находились позади войск Сирийской «Арабской коалиции», захватившей северные районы Сирии. На самом деле, подчиненное ЦРУ подразделение сил спецопераций США в северной части Сирии являлось центральным элементом, управлявшим боевыми действиями 200-тысячной армии иностранных наемников, которых американцы для маскировки называли «умеренной» и «радикальной» оппозицией правительству в Дамаске.

Элите США через шесть лет ведения гибридной войны в Сирии стало понятно, что боевики ИГИЛ и «Аль-Кайды» не смогут свергнуть правительство в Дамаске. Это в 2017 г. заставило Вашингтон оккупировать северо-восточный район Сирии группировкой американских войск и создать там американскую военную базу, прикрыв эти действия легендой о «борьбе против ИГИЛ». Одновременная поддержка спецслужбами США наемников ИГИЛ, «Аль-Кайды», «Джабхат ан-Нусра», а также «умеренной» сирийской оппозиции позволили США вначале захватить город Ракка руками войск ИГИЛ, а затем оккупировать северный район Сирии американскими войсками под предлогом освобождения Ракки от власти ИГИЛ.

В начале июня 2017 г. на 135-е сутки после посещения президентом Д. Трампом штаб-квартиры ЦРУ в Лэнгли и на 17-е сутки после его публичного выступления Эр-Риаде поддерживаемые спецслужбами США и Саудовской Аравией 7 июня 2017 г. боевики запрещенного в России Исламского государства расстреляли людей в иранском парламенте и в сакральном для иранцев месте у мавзолея имама Хомейни. Иранское правительство заявило, что операция ИГИЛ в Тегеране стала итогом договоренности президента Д. Трампа, достигнутой во время его визита в Саудовскую Аравию (sputniknews.com/middleeast/201706071054407033-tehran-attacks-saudi-arabia-revolutionary-guards/). Американский президент после инаугурации выбрал ЦРУ и Саудовскую Аравию объектами для посещения в первую очередь внутри своей страны и за рубежом. Д. Трамп 23 января 2017 г. произнес в штаб-квартире ЦРУ речь с призывом к офицерам этой спецслужбы, чтобы они ликвидировали «радикальный исламский терроризм» (Radical Islamic terrorism) (cbsnews.com/news/trump-cia-speech-transcript/). Этот призыв был парадоксален, поскольку он противоречил содержанию геополитики США периода 1979–2017 г. Офицеры ЦРУ, слушавшие речь президента, сами создавали и четыре десятилетия финансировали радикальных исламских террористов Усамы бен Ладена, «Аль-Кайды», ИГИЛ, запрещенных в России. Содержание призыва президента США о борьбе с «терроризмом» прояснилось 21 мая 2017 г., когда Д. Трамп в публичном выступлении в Саудовской Аравии назвал «терроризмом» Иран. Он призвал 50 руководителей мусульманских стран «действовать сообща для

изоляции Ирана» (work together to isolate Iran), «сражаться вместе» (to fight together) (*edition.cnn.com/2017/05/21/politics/trump-saudi-speech-transcript/*). Операция 7 июня 2017 г. в столице Ирана была примером гибридной войны ЦРУ и спецслужбы Саудовской Аравии руками боевиков ИГИЛ.

США в 1979–2017 г. было выгодно использовать дешевых наемников. В 2017 г. в сирийской провинции Идлиб месячная плата наемнику «Джабхат ан-Нусра» размером 400 долларов (без учета премий) была в 3 раза меньше зарплаты американского солдата-новобранца. Администрация США также экономила, не оплачивая питание боевиков по нормам американской армии, не выплачивая страховки за ранения и гибель наемников, не платя за их лечение и реабилитацию. Использование иностранных наемников было выгодно Вашингтону, потому что он не ограничивал себя соблюдением норм международных конвенций о ведении войны, не испытывал негативного давления мирового общественного мнения.

Таким образом, на основании изложенных фактов можно сделать вывод, что гибридная война США – это управление ЦРУ через подчиненные ему подразделения спецопераций США и спецслужбы вассальных государств войной руками иностранных наемников с одновременным использованием обычных, специальных, иррегулярных, террористических методов вооруженной борьбы, информационной и идеологической войны. В 2017 г. обычными методами войны в Сирии являлось нанесение ВВС и ВМС США ракетно-бомбовых ударов по сирийской армии. ЦРУ вело иррегулярными и террористическими методами борьбы операции в Сирии, Афганистане, Чечне, Иране, используя иностранных наемников, агентурные сети, которыми тайно руководили американские офицеры штаба в районе боевых действий. В Сирии и других странах подчиненные ЦРУ подразделения спецопераций США решали задачи гибридной войны специальными методами.

Закономерностью гибридных войн Америки было то, что ЦРУ в 1979–2017 г. для маскировки периодически меняло названия агентурных сетей своих агентов, которых использовали для террора и вооруженной борьбы. Вначале эту сеть называли «сеть Усамы бен Ладена», затем – стали называть «Аль-Кайда», «Джабхат ан-Нусра», «Джейш аль-Фатх», «ИГИЛ». Эта закономерность дает основание утверждать, что в Ираке и Сирии остатки ИГИЛ продолжают действовать под новым названием.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Военное дело – Хаттаб. URL: www.voinanet.ucoz.ru/ (дата доступа 11.6.2017)
- Катасонов В. Ю.* Отмывание грязных денег банками: самые громкие скандалы, 23062013. URL: communitarian.ru/posts/novyy_mirovoy_porjadok_finansy/otmyvanie_gryaznyh_deneg (дата доступа 11.6.2017)
- Сирийский спецназ захватил более 130 офицеров американской коалиции в Сирии – Новости РуАН. URL: Новости-Сирии.ru-an.info/ (дата доступа 20.12.2016)
- Bodansky Y.* Chechnya. The Mujahedin Factor. URL: freeman.org/m_online/bodansky/chechnya.htm (дата доступа 29.6.2013).
- Bridge R.* “Dirty Duterte” on the ropes as ISIS, US Special Forces crash the Philippines. URL: www.rt.com/op-edge/392669-dirty-duterte-isis-us-special-forces/ (дата доступа 19.6.2017).
- Dower J. W.* An American century of carnage: Measuring violence in a single superpower world. URL: salon.com/2017/04/01/an-american-century-of-carnage (дата доступа 03.04.2017)
- Edmonds S.* BFP breaking news: Boston terror: CIA’s, Graham Fuller and NATO Operation Gladio B. URL: [www.newsbud.com/2013/04/27/bfp-breaking-news-boston-terror-cias ...](http://www.newsbud.com/2013/04/27/bfp-breaking-news-boston-terror-cias...) (дата доступа 22.06.2013); Turkish intelligence Chief exposes CIA operations via Islamic group in Central Asia. URL: [//veteranstoday.com/2011/01/06/turkish-intel-chief-exposes-cia-operations-via-islamic-group-in-central-asia/](http://veteranstoday.com/2011/01/06/turkish-intel-chief-exposes-cia-operations-via-islamic-group-in-central-asia/) (дата доступа 12.01.2011)
- Fisk R.* Anti Soviet Warrior Puts His Army on the Road to Peace. 6/12/1993. URL: [www.independent.co.uk/news/world/anti-soviet-warrior-puts-his-army-on-the-road-to-peace ... 1465715.html](http://www.independent.co.uk/news/world/anti-soviet-warrior-puts-his-army-on-the-road-to-peace...1465715.html) (дата доступа 16.06.2017)
- Fuller G. E.* Islam a force for change. URL: afrizalanoda.wordpress.com/2008/11/04/islam-a-force-for-change (дата доступа 8.6.2017); Who wants change anymore? 19/1/2016. URL: grahamefuller.com/who-wants-change-any-more/ (дата доступа 21.09.2017)
- Kirkpatrick D. D.* Qatar’s Support of Islamists Alienates Allies Near and Far. URL: nytimes.com/2014/09/08/world/middleeast/qatars-support-of-extremists-alienates-allies-near-and-far.html (дата доступа 06.06.2017)
- La Beviere R.* Dollars for Terror. The US and Islam. NY.: Algora Publishing, 1999, 256 p.
- Stone O.* Putin. Showtime Documentary Films, 2017, Part 1. URL: russnov.ru/film-olivera-stouna-intervyu-s-putiny-m-1-seriya-13-06-2017/ (дата доступа 25.7.2017)
- Walkott J.* Trump ends CIA arms support for anti-Assad Syria rebels. URL: www.aol.com/article/news/2017/07/20/trump-ends-cia-arms-support-for-anti-assad-syria-rebels/23039448/
- Watkins T.* Russian jets accidentally bombed US backed forces in Syria URL: [anonhq.com/Russian-jets-accidentally ...](http://anonhq.com/Russian-jets-accidentally...)

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 316.354:355.1

В. И. Веремчук, А. С. Скок

Веремчук В. И., доктор социологических наук, профессор; профессор кафедры социологии Военного университета, член диссертационного совета при МГЛУ; e-mail: mr.veremchuk@mail.ru

Скок А. С., доктор социологических наук, научный сотрудник Научно-исследовательского центра (социологического) Вооруженных Сил РФ; e-mail: astmsu@yandex.ru

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ВОЕННО-СОЦИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ В ВООРУЖЕННЫХ СИЛАХ РФ КАК СОЦИАЛЬНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ

В статье раскрыта специфика современного этапа институционализации российской военной социологии. Представлен анализ основных направлений социологического сопровождения военно-социального управления в Вооруженных силах РФ.

Ключевые слова: военная социология; социологическое сопровождение; военно-социальное управление; военно-социальная технология.

Veremchuk V. I.

Doctor of Sociology (Dr.habil), Professor, Department of Sociology, Military University; Member of Dissertation Board, MSLU; e-mail: mr.veremchuk@mail.ru

Skok A. S.

Doctor of Sociology (Dr.habil), Research Center (sociological) of the Armed Forces of the Russian Federation; e-mail: astmsu@yandex.ru

SOCIOLOGICAL SUPPORT OF MILITARY-SOCIAL MANAGEMENT IN ARMED FORCES OF THE RUSSIAN FEDERATION AS SOCIAL TECHNOLOGY

In article specificity of the present stage formation the Russian military sociology is opened. The analysis of the basic directions of sociological support of military-social management in Armed forces of the Russian Federation is presented.

Key words: military sociology; sociological support; military-social management; military-social technology.

Отечественная военная социология прошла в своем становлении и развитии сложный и противоречивый путь. Название этой социологической дисциплины было впервые предложено 130 лет назад отечественным военным ученым, капитаном Генерального штаба бароном Н. А. Корфом в работе «Общее введение в стратегию, понимаемую в обширном смысле. Этюды по философии военных наук» (1897). Автор указывал, что назрела настоятельная «необходимость в новой отрасли теории, которая занялась бы изучением социальных явлений с военной точки зрения. Такая наука о военно-социальных явлениях может быть названа «военной социологией» [Корф 2012, с. 66].

Теоретические исследования видных русских военных ученых и социологов Г. А. Леера, Н. П. Михневича, Н. Н. Головина, А. А. Свечина, А. Е. Снесарева, П. А. Сорокина, Н. С. Тимашева и др. послужили основой для выделения военной социологии в самостоятельную отрасль отечественного социологического и военно-управленческого знания.

В начале XX столетия начали успешно использоваться в военном деле социологические методы сбора информации, например анкетные опросы. Так, в феврале – марте 1906 г. был проведен письменный опрос офицеров-выпускников Николаевской академии Генерального штаба, участников Русско-японской войны. Цель опроса заключалась в том, чтобы выяснить подлинные причины недостатков в подготовке армии, ее командного состава к ведению боевых действий в условиях применения новейших технических достижений. Респонденты должны были ответить на два вопроса.

1. Какие недостатки выявила война в специальной подготовке и практических навыках офицеров.

2. Какие изменения следует произвести в академическом образовании с учетом опыта войны.

По аналогичной теме, но с анкетой, содержащей 36 вопросов, в 1908 г. был проведен опрос офицеров-участников Русско-японской войны. В это же время стали регулярными анкетные опросы слушателей военных академий и офицерских школ по проблемам улучшения качества учебного процесса. Некоторые из методов прикладных социологических исследований нашли практическое применение в годы Первой мировой войны.

После Великой Октябрьской социалистической революции и до начала 1930-х гг. в Красной армии проводились прикладные социологические исследования. Их проблематика была связана в основном с выяснением социально-классового положения командного, политического и рядового состава; с вопросами политического воспитания, образования, партийно-политической и культурно-просветительной работы, а также укрепления партийной и воинской дисциплины. Вместе с тем нельзя не отметить того факта, что в это время научно-исследовательский потенциал военной социологии использовался в отечественном военном строительстве войск крайне слабо.

В послевоенный период проблемы военной социологии стали рассматриваться в рамках прикладной военно-научной дисциплины «Партийно-политическая работа в Вооруженных силах», а внедрение ее положений в войсковую практику возлагалось на политические органы Советской армии и Военно-морского флота.

Современный этап институционального развития военной социологии берет свое начало с образования Отдела военно-социологических исследований Главного политического управления СА и ВМФ (ноябрь 1967 г.). В этот период основными приоритетами в работе военных социологов стали:

- морально-политическая и психологическая подготовка в ходе крупномасштабных войсковых учений и дальних походов;
- политико-моральное состояние и психологическая устойчивость военнослужащих в экстремальных условиях боевой обстановки (при вводе советских войск в Чехословакию в 1968 г., при участии воинских частей в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС, при выполнении боевых задач советских войск в Республике Афганистан);
- взаимоотношения в воинских коллективах (соотношение формальной и неформальной структур, «дедовщина», межнациональные отношения и т. п.);
- причины суицидальных происшествий в армии и на флоте;
- социальные проблемы кадровых военнослужащих и членов их семей;
- эффективность партийно-политической и идеологической работы в войсках и силах флота и др. [Образцов, Соловьёв 1997, с. 14].

На современном этапе развития объектом изучения отечественной военной социологии является система социальных отношений, связанных с институционально-организованным военным насилием, включающая в себя институциональные аспекты военной службы и военной организации общества, совокупность социальных явлений и процессов в военно-социальной сфере российского социума. Именно взаимодействие военной и социальных сфер, его отличительные черты и особенности составляют исследовательское ядро современной отечественной военной социологии. Если военная сфера является ответственной за обеспечение военной безопасности личности, общества и государства, их защиту от военных угроз, то социальная сфера обеспечивает воспроизводство социальных субъектов – вооруженных защитников, действующих в военной сфере [Беляев 2002]. Одной из актуальных проблем социологического анализа взаимодействия военной и социальных сфер в современном обществе является изучение всего спектра гражданско-военных социальных отношений [Шаева 2013].

В настоящее время военную социологию можно охарактеризовать как отрасль социологического знания, выполняющую важнейшие социальные функции: теоретико-познавательную, описательно-диагностическую, прогностическую, мировоззренческую. Данные функции военной социологии необходимо рассматривать в неразрывном единстве с системой социальных функций современной российской армии и в первую очередь социализационно-воспитательной [Образцов 2013].

Одной из важнейших задач современной военно-социологической науки является информационно-аналитическое обеспечение управленческих решений командиров (начальников) посредством регулярного и оперативного предоставления им объективной информации о прогнозируемых состояниях и характере социальных процессов в подчиненных воинских коллективах, социальных последствиях принимаемых решений [там же]. Данное практическое направление современной военной социологии является частью общей системы военно-социального управления в Вооруженных силах РФ.

Сегодня под военно-социальным управлением понимается процесс регулирования поведения и взаимодействия людей, обеспечивающий их эффективную совместную деятельность в военной

организации. Цель военно-социального управления в современных условиях – обеспечение максимальной эффективности деятельности военной организации, поддержание в ней необходимого уровня социального порядка. При этом под социальным порядком в военной организации понимается один из важнейших интегральных параметров института военной службы, отражающий структуру и характер социальных отношений военнослужащих, уровень организованности их поведения в конкретном воинском коллективе. Достижение этой цели обеспечивается целым рядом задач, связанных с максимальной реализацией человеческого, интеллектуального и социального потенциала конкретной военной организации, созданием необходимых условий для самореализации личности в условиях военной службы.

Важным направлением современного научно-практического обеспечения системы военно-социального управления является формирование технологической системы социологического сопровождения, сущность которой состоит в научном анализе алгоритма принятия и реализации управленческих решений (их коррекции в случае необходимости) по основополагающим социальным вопросам жизни и деятельности войск и разработке на этой основе соответствующих практических рекомендаций, направленных на оптимизацию управления социальными процессами в Вооруженных силах РФ.

Основными направлениями социологического сопровождения военно-социального управления деятельностью войск на современном этапе являются:

- изучение состояния и динамики современных военно-социальных процессов в войсках, определение областей научно-практического приложения военно-социологической теории и практики;
- прогнозирование и проектирование всего комплекса взаимосвязанных военно-социальных технологий, связанных с процессом управления войсками, в том числе с его социологическим сопровождением;
- обеспечение социологическими данными процесса принятия управленческого решения на различных уровнях военно-социального управления;
- сопровождение процесса реализации управленческих решений командиров (начальников), а также контроль их эффективности [Веремчук, Лукинов 2017].

Системный анализ категории «социологическое сопровождение» предполагает рассмотрение ее как двухуровневой организационной и информационно-технологической системы. На первом уровне предусмотрено сопровождение, которое рассматривается как деятельность специально создаваемого информационно-аналитического исследовательского подразделения. Социологическое сопровождение здесь включается в общую схему управления войсками и обеспечивает актуальной информацией о функционировании этой системы органы военно-социального управления. Организация службы подразделения социологического сопровождения предполагает несколько направлений работы: аналитико-диагностическое, прогностическое, консультативное.

На следующем уровне социологическое сопровождение предстает как определенная военно-социальная технология, включающая широкий спектр мероприятий по научно-методической подготовке, организации, проведению социологических исследований конкретных военно-социальных систем и процессов, их комплексному научному анализу и выработке на этой основе рекомендаций по повышению эффективности военно-социального управления в войсках. Военно-социальная технология рассматривается в этом контексте как социальная теория и практика в рамках военной социологии, определяемая как совокупность знаний о способах, приемах и средствах эффективной организации оптимального взаимодействия людей и социальных общностей в военно-социальных системах.

Непосредственная задача социологического сопровождения заключается в том, чтобы предложить субъектам управления эффективную военно-социальную технологию – систему методов, приемов и способов получения объективной информации о реальном состоянии и динамике развития военной организации, а также набор показателей и критериев оценки качества управленческой деятельности в этой организации.

В рамках данного подхода военными социологами был разработан целый ряд технологических подходов к решению важных задач военно-социального управления в войсках. Среди них можно выделить: технологию изучения общественного мнения военнослужащих, технологию социализации различных категорий военнослужащих в военно-социальной среде, технологию социологического сопровождения воспитательного процесса военнослужащих,

технологии регулирования девиантного поведения военнослужащих, технологию военно-социологического исследования и др.

Таким образом, социологическое сопровождение военного управления подразумевает использование научных социологических знаний, методов и социальных практик как для анализа и прогнозирования тех или иных явлений и процессов в военно-социальной среде, так и для эффективного воздействия на них в условиях боевой и повседневной деятельности войск.

Сегодня ведущим структурным подразделением в сфере социологического сопровождения боевой и повседневной деятельности войск является Научно-исследовательский центр (социологический) Вооруженных Сил РФ. Центральными направлениями его научно-исследовательской деятельности на сегодня являются:

- мониторинговые социологические исследования проблем практической реализации мероприятий Стратегии социального развития Вооруженных Сил РФ на период до 2020 г.;

- социологическое обеспечение войск, принимающих участие в системе мероприятий боевой подготовки, проводимых в Вооруженных силах РФ;

- организация и проведение социологических исследований по изучению динамики социальных процессов, протекающих в армии и на флоте, анализ актуальных проблем социального управления войсками, возникающих в ходе строительства и модернизации Вооруженных Сил РФ;

- проведение прикладных социологических исследований (научно-исследовательских работ) по проблемам морально-психологического обеспечения войск и оценки морально-психологического состояния различных категорий военнослужащих;

- налаживание системы оперативного информирования руководства МО РФ о социальной ситуации в войсках;

- участие в подготовке предложений и рекомендаций органам государственной власти и военно-социального управления по совершенствованию нормативно-правовой базы военной службы и совершенствованию морально-психологического обеспечения войск.

С 2013 г. в Вооруженных Силах РФ введены должности военных специалистов военно-социологических отделений, входящих в структуру управлений по работе с личным составом военных

округов (объединений). Данные подразделения решают как общие, так и частные научно-исследовательские задачи в конкретных воинских коллективах, соединениях и объединениях, и включены в общую систему получения, обработки и анализа социологической информации в армии и на флоте.

Военно-социологические организационные структуры осуществляют на сегодня весь комплекс мероприятий, связанных с социологическим сопровождением мероприятий подготовки и повседневной деятельности войск, направленных на решение важных задач военно-социального управления по оценке морально-психологического состояния военнослужащих, их готовности к выполнению задач по предназначению, общественного мнения и настроений в воинских коллективах. В этой связи нельзя не отметить тот факт, что приоритетное развитие прикладных военно-социологических исследований как составной части отечественной военной социологии является отличительной чертой современного этапа ее институционализации.

Таким образом, на сегодня в Вооруженных Силах РФ складывается разветвленная научно-исследовательская военно-социологическая структура, которая позволит при наличии подготовленных кадров военных социологов эффективно решать широкий круг вопросов, связанных с социологическим сопровождением военно-социального управления в войсках.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Беляев А. М.* Генезис метода военной социологии на рубеже XIX–XX веков: Монография. М.: ВУ, 2002. 278 с.
- Веремчук В. И., Лукинов А. Л.* Современное состояние социологического сопровождения военного управления // Военный академический журнал. 2017. № 2 (14). С. 155–156.
- Корф Н. А.* Общее введение в стратегию: Этюды по философии военных наук. 2-е изд. М.: ЛИБРОКОМ, 2012. 130 с.
- Образцов И. В.* Армия как социальный институт государства: российский опыт в контексте мировых тенденций // Актуальные проблемы международных отношений. М.: ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2013. С. 151–171. (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 2 (662). Исторические и политические науки.)
- Образцов И. В.* Социология военная // Социологическая энциклопедия: в 2 т. Национальный общественно-научный фонд. Т. 2. М.: Мысль, 2003. 863 с.

Образцов И.В., Соловьёв С.С. Российская армия: от Афганистана до Чечни. М.: Национальный институт им. Екатерины Великой, 1997. 434 с.

Шаева О.Н. Анализ гражданско-военных отношений в условиях общественных трансформаций // Актуальные проблемы международных отношений. М.: ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2013. С. 232–244. (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 2 (662). Исторические и политические науки.)

УДК 374

Е. В. Гришенкова

аспирант кафедры социологии Института международных отношений
и социально-политических наук, МГЛУ; e-mail: k.grishenkova@yandex.ru

ВЛИЯНИЕ ИНСТИТУТА ТЕЛЕВИДЕНИЯ НА ДЕТЕЙ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД

В статье рассматриваются теоретические подходы к изучению влияния телевидения на детскую аудиторию, а также проанализированы данные различных исследований на тему роли телевидения в современном российском обществе. Подробно рассмотрен процесс взаимодействия телевидения и детей как социальной группы, выделен контекст, факторы и результаты данного взаимодействия.

Ключевые слова: телевидение; детская аудитория; социальный институт; практики телесмотрения; дискурс; идентичность; медиареальность.

Grishenkova E. V.

Postgraduate Student, Department of Sociology, Institute of International Relations and Social and Political Sciences (Faculty), MSLU;
e-mail: k.grishenkova@yandex.ru

INFLUENCE OF TELEVISION AS AN INSTITUTE ON CHILDREN: SOCIOLOGICAL APPROACH

The article dwells on theoretical approaches to analysis of television's influence on young audience. Besides, different studies on the topic of television's role in contemporary Russian society are examined. The process of interaction between television and children as a social group is thoroughly viewed. Moreover, key factors, context and results of such interaction are outlined.

Key words: television; young audience; social institute; television viewing practices; discourse; identity; media reality.

В современном обществе телевидение давно является не только средством передачи информации, но и отдельным социальным институтом, формирующим общественное мнение, картину мира, стили жизни, систему ценностей, убеждений. Кроме того, телевидение наряду с развлекательной функцией выполняет ряд других значимых социальных функций: образовательную, воспитательную, информационную, интегративную, культурно-просветительскую и др. Телевидение встроено в нашу повседневную жизнь: часто его смотрят в «фоновом» режиме – во время еды или занимаясь

параллельно другими делами. Телевизор давно превратился в элемент быта, в еще одного «члена семьи», который структурирует повседневные практики, и тем значительнее его влияние на детскую аудиторию по сравнению с другими средствами массовой коммуникации.

Согласно данным опроса Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), 52 % россиян выбрали именно телевидение при ответе на вопрос: «Что для Вас служит главным источником новостей о событиях в стране?». Кроме того, большая доля россиян (70 %) доверяет информации, которую показывают по телевизору, так как «телевидение воспринимается как СМИ с высокой ответственностью, в то время как интернет-ресурсы и социальные сети сегодня дают излишне мозаичную, неструктурированную картину» [Зачем люди смотрят... 2017].

По данным опроса фонда «Общественное мнение» (ФОМ), 67 % россиян смотрят телевизор практически каждый день. Кроме того, 62 % граждан не желают отказываться от телевидения в пользу других источников информации и развлечений. Такая зависимость увеличивается с возрастом. В то же время чем выше уровень образования, тем ниже потребность в телевидении (но всё равно она остается на достаточно высоком уровне: 41 % россиян с высшим образованием готовы отказаться от просмотра телевизора, при этом 49 % высокообразованных россиян не готовы пойти на такой шаг) [Интернет против телевидения... 2017].

Значимость и популярность телевидения сопровождается социальной ответственностью перед обществом. В 2012 г. вступил в силу Федеральный закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», в котором представлены основания для возрастной маркировки контента и перечислены виды информации, запрещенные к распространению среди детей.

Детская телеаудитория представляет, на наш взгляд, наибольший интерес. *Во-первых*, очевидно, что очень скоро сегодняшние младшие школьники будут определять развитие страны. В этой связи очень важно понимать то, с какими ценностными ориентациями, установками, предпочтениями они перейдут во взрослую жизнь. *Во-вторых*, дети являются наиболее восприимчивой и уязвимой аудиторией, у которой далеко не всегда сформированы «фильтры» к воспринимаемой по телевизору информации.

В данном случае большую роль играет семья, которая во время совместного просмотра телевизора может дать моральную оценку той или иной передачи и истолковать ее смысл. В раннем возрасте, т. е. в самом начале формирования идентичности, еще не поздно привить ребенку нравственные, этические, эстетические и патриотические ценности через качественный телевизионный контент.

Прежде чем перейти к анализу подходов по изучению влияния телевидения на аудиторию, рассмотрим телевидение как социальное явление на теоретическом уровне. Согласно классификации старшего научного сотрудника Института социологии РАН И. А. Климова, необходимо обратить внимание на три подхода к телевидению [Климов 2005]. *Во-первых*, телевидение можно рассматривать как социальный институт, который выполняет определенные функции, обладает особой структурой, правилами и законами, регламентирующими его деятельность, нормами и ценностями. При этом телевидение всегда существует в определенном социальном контексте, взаимодействуя с другими социальными институтами. Также стоит отметить, что телевидение – это идеологический институт, цель которого – укрепление государственной власти, формирование национальной идеи и образа государства в сознании граждан [Монро 2000, с. 11].

Во-вторых, телевидение изучают как дискурс, т. е. как систему символической коммуникации между создателями контента и телезрителями. Данный дискурс не только передает сообщения, но и убеждает телезрителя в чем-либо, пропагандирует, конструирует события.

В-третьих, телевидение является формой социального знания, которое производится, накапливается и передается из поколения в поколение, встраиваясь в систему знаний и представлений личности. Кроме того, телевидение формирует «совместное знание», которое сплачивает и создает ценностную опору общества [Климов 2005, с. 94].

В рамках другого подхода телевидение предлагается изучать либо изолированно как социальную технологию, т. е. следуя модели Гарольда Лассуэлла, – технологический подход, либо как отражение общественных процессов, происходящих в определенном социальном контексте и развивающихся вместе с обществом – социально-исторический подход [Борецкий 2005].

Телевидение является частью медиaproстранства, которое, в свою очередь, включает в себя физическое пространство (радио, телевидение, Интернет, пресса), пространство социальных отношений (между производителями и потребителями массовой информации) и символическое пространство (распространение информации в символической форме). В настоящее время существуют проблемы коммерциализации и так называемая банализации медиaproстранства. Стоит отметить, что медиaproстранство рассматривается как «социально конструируемое понимание мира», а за его содержательным наполнением отвечают социальные и политические элиты [Юдина 2007, с. 29].

Влияние телевидения изучается с помощью различных теоретических подходов и эмпирических методов. Сложность заключается в выявлении причинно-следственных связей, так как влияние телевидения носит опосредованный характер и может проявляться не сразу. Тем не менее в литературе существует ряд теорий о воздействии современных медиа на зрителя, в том числе телевидения. Авторы работы «Основы воздействия СМИ» Дженнингз Брайант и Сузан Томпсон анализируют теоретические направления по изучению воздействия СМИ на аудиторию, а также приводят данные многочисленных исследований по этой проблеме [Брайант, Томпсон 2004].

В свою очередь, в социально-когнитивной теории канадского и американского психолога Альберта Бандуры рассматривается взаимодействие поведения, индивидуальных характеристик и социального контекста. В отличие от животных, человек обладает уникальными способностями к символизации, саморегуляции, саморефлексии и замещению [там же]. Индивид приобретает новый опыт, наблюдая за моделями поведения (например героев телевизионных программ). А. Бандура провел эксперимент, демонстрирующий влияние телевидения на детское поведение. В ходе эксперимента детям показали фильм, содержащий агрессивные сцены, в которых мужчина бьет по боксерской груше. После просмотра фильма дети повторили модель агрессивного поведения на надувной кукле, т. е. фильм оказал так называемое разрешающее воздействие на поведение детей [там же].

В основе другой концепции лежит «эффект прайминга» – явление, при котором показ определенного события пробуждает

воспоминания телезрителя, связанные с сюжетом программы, что определяет его реакцию на материал. Эффект прайминга возрастает при отождествлении зрителя с персонажами телевизионного контента, при восприятии экранных событий как реальных, а также при оправдании действий персонажей. Эффект прайминга изучается в исследованиях, посвященных темам медианасилия, влияния рекламы на потребление, отношения к политикам и т. п.

Существует также «гипотеза культивации», разработанная американским социологом Джорджем Гербнером, в которой рассматривается воздействие телевидения на формирование этнических, расовых и культурных стереотипов. Телевидение демонстрирует доминирующие модели поведения, образы, способствуя формированию схожего образа мыслей у широкой аудитории («мейнстриминг»). При постоянном и непрерывном просмотре телепередач ослабевают или утрачиваются культурные, национальные, социальные особенности, при этом реальность начинает восприниматься через призму сконструированного образа реальности на телеэкране. Однако данная гипотеза не имеет статуса теории в связи с недостаточностью подтверждающих эмпирических исследований.

«Теория диффузии инноваций» подразумевает способность телевидения распространять и пропагандировать новые идеи. Один из разработчиков данной теории, американский социолог Эверетт Роджерс, выделил пять категорий людей, исходя из темпов принятия новой информации: новаторы (принимают первыми новую информацию), ранние принимающие (небольшая группа людей, принимающих инновацию вслед за новаторами), раннее большинство (принятие информации большей частью аудитории), позднее большинство (принимают инновации более осторожно, ждут, пока они приобретут массовый характер), отстающие (принимают инновацию в самом конце) [Брайант, Томпсон 2004, с. 135].

В «теории использования и удовлетворения» учитываются факторы, влияющие на выбор телезрителями определенного контента, в основе которых лежит стремление в удовлетворении собственных потребностей в развлечении, образовании, получении новой информации, коммуникации, заполнении свободного времени и др. В данной теории изучаются личностные мотивы, социальное положение, социально-демографические характеристики

телезрителей. Критики данной теории отмечают ее индивидуализированный подход, который не позволяет распространить результаты на телеаудиторию в целом.

Стоит отметить, что телевидение также оказывает влияние на другие социальные институты, так как через данный социальный институт проходит огромное количество информации касательно социальной, политической, экономической и духовной жизни общества, которая меняет общественное сознание.

Телевидение носит массовый и глобальный характер, демонстрируя как мировой, так и местный контент: оно охватывает детскую аудиторию, принадлежащую к различным нациям, культурам, социальным классам с разными интересами, потребностями, вероисповеданиями, жизненным опытом. Этот момент мы хотели бы выделить особо, ибо в условиях глобализации встает вопрос о сохранении национально-культурного своеобразия стран и народов, в том числе посредством их акцентирования по телевидению. Соответственно, уже на ранних этапах социализации посредством детских передач может формироваться национальная и культурная идентичность подрастающего поколения.

В статье Ю.С.Крижанской и А.Г.Сверчкова, посвященной влиянию современной мультипликации на детей, рассматривается проблема формирования национально-культурной идентичности детей. Анализ детских рисунков показал, что современные дети хотят быть похожими на Человека-паука, фей из мультсериала «Клуб Винкс: школа волшебниц», Бэтмена. В этих мультфильмах в том или ином виде присутствует насилие (драки, конфликты, убийства) [Крижанская, Сверчков 2012]. Очевидно, что просмотр такой мультипликации не способствует формированию гражданской идентичности, усвоению национальных и культурных традиций. Без этого человек теряет необходимую опору и ориентиры в современном глобализованном мире.

Телевидение обладает эффективной аудиовизуальной формой передачи контента, что существенно упрощает восприятие информации детьми (кроме случаев значительного расхождения между визуальной и звуковой составляющей, когда в связи с недостатком жизненного опыта и непонимания информации ребенок быстро утрачивает интерес к телевизионному контенту).

Среди медиатрендов детского телевидения отмечается преобладание развлекательной, а не образовательной функции, засилье зарубежного (американского) контента на российском телевидении, насилие в телевизионном контенте, а также пассивный характер потребления детьми информации и, как следствие, снижение их творческого и деятельностного потенциала [Аникина 2013].

В младшем школьном возрасте начинают формироваться различные виды идентичностей (гендерная, национально-культурная, религиозная, этническая и др.). Телевидение играет при этом значимую роль. В работе американского психолога Дафны Лемиш приводятся данные исследования о том, что в самых популярных программах телевидения преобладает «культура и образ жизни людей среднего класса, имеющих к тому же белый цвет кожи» [Лемиш 2007, с. 177]. Этой группе автоматически приписывается более высокий статус, положительный образ, и она начинает рассматриваться в качестве ролевой модели. При просмотре телевизионных программ у детей может формироваться стереотипное представление о других этносах или других социальных группах, с которыми они не сталкивались в реальной жизни, а телевидение выступает значимым источником информации.

Однако телевидение способно также изменить стереотипное представление об определенной социальной группе. Например, в ходе изучения отношения детей к слепым людям, детям был показан документальный фильм о жизни слепых, после просмотра которого восприятие детей данной группы изменилось в лучшую сторону [Лемиш 2007].

Если раньше детство воспринималось как переходный этап к взрослому состоянию, то теперь исследователи обратили внимание непосредственно на детей, рассматривая их как отдельную социальную группу, со своими интересами, жизненным опытом, потребностями. Таким образом, сегодня дети являются активными потребителями телевизионного контента, интерпретируя его, исходя из имеющихся установок и опыта.

Телевидение так или иначе отражает процессы, происходящее в современном обществе, т. е. оно существует в определенном социальном, политическом, экономическом и духовном контексте, который оказывает влияние на содержание медиасообщений. Очевидно, что привычка смотреть телевидение в условиях стабильного

общества будут отличаться от таковой в обществе, которое находится в состоянии военного конфликта или глубоких социальных противоречий.

Деятельность телевидения регламентируется определенными правилами, законами, законодательными актами, этическими нормами, установленными в данном обществе. В России детское телесмотрение регулируется законом «О рекламе» [Федеральный закон... 2006] и законом «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» [Федеральный закон... 2010]. В законе «О рекламе» отмечается, что реклама не должна злоупотреблять детским доверием и дискредитировать родителей и воспитателей, формировать чувство неполноценности из-за невозможности обладать товаром из рекламы, побуждать к совершению опасных для жизни и здоровья действий [Федеральный закон... 2006].

Таким образом, дети интерпретируют определенным образом полученную информацию, анализируют, запоминают, соотносят ее со своим жизненным опытом и демонстрируют в своем поведении (например подражают поведению персонажа из любимого мультфильма в игре со сверстниками), т. е. дети «считывают» телевизионное сообщение как текст и соотносят смыслы и значения со смыслами (опытом), доступными им в повседневной жизни.

Кроме того, дети воспринимают информацию, исходя из индивидуальных, социальных и культурных рамок. На понимание телевизионного сообщения влияют как факторы микроуровня (пол, возраст, потребности ребенка, доход, профессия, уровень образования, этническая принадлежность родителей или ближайшего окружения), а также технические условия теле вещания (качество приема сигнала, доступность телеканалов и др.), так и факторы макроуровня (глобализация, стабильная или конфликтная обстановка в стране, национальные интересы, идеология, доступность информационных ресурсов в обществе).

В итоге в ходе взаимодействия детей и телевидения, ребенок конструирует собственную реальность, свою «вселенную» смыслов, значений, ролевых моделей, способов построения коммуникации. В процессе интерпретации телевизионного контента, происходит накопление знаний (особенно в тех сферах, в которых у ребенка еще не было опыта), формируется собственная точка

зрения (оценка происходящего, помогающая в дальнейшем выбирать тот или иной контент), определенные установки, ценностные ориентации, а также развивается мышление.

Согласимся с позицией отечественного теоретика медиафилософии В.В.Савчука о том, что «мы есть то, что мы потребляем в качестве информации, удовольствия, развлечения» [Антология медиафилософии 2013, с. 316]. Другими словами, телевидение и медиасообщения стали не просто частью социального контекста, но и частью личности. Таким образом, детский контент должен реализовывать в первую очередь воспитательную, образовательную и культурно-просветительскую функции, т. е. расширять кругозор, развивать умственные и социальные навыки детей, участвовать в формировании национально-культурной идентичности, прививать уважение к другим культурам, религиям, предлагать широкий спектр детских телепрограмм, а также избегать изображения насилия в программах. Кроме того, необходимо обратить внимание на проблему глобализации контента и медиаобразов, которые могут отрицательно повлиять на формирование национально-культурной идентичности детей.

Наряду с улучшением качества детского телеконтента, необходимо также проводить работу с детьми, иными словами, «у подрастающего поколения следует выработать рациональный подход к восприятию информационных потоков» [Соловьёв 2015, с. 156]. Таким образом, встает вопрос о необходимости медиаобразования, в ходе которого детям помогают адаптироваться к возросшему потоку образов и умению ориентироваться в нем, приобрести навыки критического потребления контента, его анализа и интерпретации, способность отделять вымысел от реальности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аникина М.Е. Телевидение для детей: плюсы и минусы // Медиатренды: Экспертный взгляд факультета журналистики МГУ им. М.В.Ломоносова на события в 63 СМИ. 2013. № 2 (39). URL: www.journ.msu.ru/files/specialprojects/MediaTrends/MediaTrends_39.pdf
- Антология медиафилософии / ред.-сост. В.В.Савчук. СПб.: Изд-во РХГА, 2013. 339 с.
- Борецкий Р.А. Телевидение как социальная технология и социальный институт // Телерадиоэфир: История и современность. 2005. URL: www.tvmuseum.ru/catalog.asp?ob_no=13627

- Брайант Дж., Томпсон С. Основы воздействия СМИ / пер. с англ. М.: Издат. дом «Вильяме», 2004. 432 с.
- Зачем люди смотрят телевизор? Тематические и жанровые телепредпочтения россиян (ФОМ). 01.03.2017. URL: fom.ru/SMI-i-internet/13216
- Интернет против телевидения: битва продолжается (ВЦИОМ): Пресс-выпуск. № 3367. 03.05.2017. URL: wciom.ru/index.php?id=236&uid=116190
- Климов И. А. Телевидение: модальности существования // Социологические исследования. 2005. № 10. С. 93–99.
- Крижанская Ю. С., Сверчков А. Г. Размышляя над детскими рисунками: беспризорники в нашем доме // Суть времени. 2012. № 3. URL: rossaprimavera.ru/article/razmyshlyaya-nad-detskimi-risunkami-besprizorniki-v-nashem-dome
- Лемми Д. Жертвы экрана. Влияние телевидения на развитие детей / пер. с англ. С. Д. Грековой. М.: Поколение, 2007. 304 с.
- Монро П. Телевидение, телекоммуникации и переходный период: право, общество и национальная идентичность. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000. URL: www.newsman.tsu.ru/wp-content/uploads/2015/01/Monro_tvkommunikation.doc
- Соловьёв В. А. Влияние СМИ на политическую активность российской молодежи // Актуальные проблемы внешней и внутренней политики Российской Федерации. М.: ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2015. С. 153–164. (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 2 (713). Общественные науки.)
- Федеральный закон от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе». URL: rg.ru/2006/03/15/reklama-dok.html
- Федеральный закон от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию». URL: rg.ru/2010/12/31/deti-inform-dok.html
- Юдина Е. Н. Развитие медиапространства современной России (на примере телевидения): автореф. дис. ... д-ра социол. наук. М., 2008. 50 с.

УДК 316.454.3; 37.013

И. В. Образцов, А. В. Половнёв

Образцов И. В., доктор социологических наук; профессор кафедры социологии Института международных отношений и социально-политических наук, МГЛУ; e-mail: igorobraztsov@rambler.ru

Половнёв А. В., доцент, кандидат социологических наук; доцент кафедры социологии Института международных отношений и социально-политических наук, МГЛУ; e-mail: polovnev_av@mail.ru

**ОТНОШЕНИЕ К СТУДЕНЧЕСКОМУ САМОУПРАВЛЕНИЮ В ВУЗЕ
(на примере МГЛУ)**

В статье рассматривается отношение студентов МГЛУ к развитию студенческого самоуправления в вузе. По данным социологического опроса, проведенного среди студентов МГЛУ в 2017 г. (№ 2069), анализируется их осведомленность о формах студенческого самоуправления в вузе, потребность и готовность участвовать в его развитии. Изучены представления об условиях, способствующих и мешающих его развитию, а также основных направлениях и формах деятельности органов студенческого самоуправления.

Ключевые слова: студенческое самоуправление; студенты; органы студенческого самоуправления; формы студенческого самоуправления.

Obraztsov I. V.

Doctor of Sociology (Dr.habil), Professor, Department of Sociology, Institute of International Relations and Social and Political Sciences (Faculty), MSLU; e-mail: igorobraztsov@rambler.ru

Polovnev A. V.

PhD (Sociology), Associate Professor, Department of Sociology, Institute of International Relations and Social and Political Sciences (Faculty), MSLU; e-mail: polovnev_av@mail.ru

**ATTITUDE TO STUDENT'S SELF-GOVERNMENT IN THE UNIVERSITY
(based on MSLU)**

The article considers the attitude of MSLU students towards the development of student's self-government in the university. According to the sociological survey conducted among MSLU students in 2017 (N = 2069), the awareness of the forms of student government in the university, the need and the willingness to participate in its development are analyzed. The ideas about conditions that promote or hamper its development as well as the main directions and forms of activity of student government bodies are also studied.

Key words: student's self-government; students; student government bodies; forms of student government.

Студенческое самоуправление представляет собой «частный случай самоуправления, особую форму самостоятельности студентов, организованную в общественное объединение образовательного учреждения, нацеленную на включение обучающихся в процессы принятия и реализации решений по вопросам организации студенческой жизни вуза, самореализацию личности студента при конструктивном взаимодействии с администрацией вуза на всех уровнях управления» [Овчинников 2007, с. 7–8].

В соответствии с Федеральным законом № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» от 29 декабря 2012 г. (ст. 26, п. 6) в организациях высшего образования в целях учета мнения обучающихся по вопросам управления и при принятии локальных нормативных актов, затрагивающих их права и законные интересы, «по инициативе обучающихся создаются *студенческие советы или иные органы*» [Федеральный закон... 2012].

Органы студенческого самоуправления по меньшей мере выполняют две взаимосвязанные функции:

1) студенты, за счет сознательной, инициативной включенности в организацию собственной жизнедеятельности в вузе, получают опыт интеграции различных результатов образования в социум: ценностей, знаний, умений, навыков по осуществлению самоуправленческой деятельности, готовности использовать знания в незнакомой ситуации;

2) осваиваемые способы деятельности востребованы заказчиком: государством, профессиональным сообществом, социумом и самой личностью [Артюхов, Миронова 2011, с. 63].

Таким образом, эффективное студенческое самоуправление способно сыграть важную роль в развитии вуза, обеспечить гибкость и корректировку деятельности администрации с учетом текущих потребностей студентов в рамках конкретных вузов, придав тем самым автономии вуза более устойчивый характер и создать условия для более высокой удовлетворенности студентов обучением в вузе.

Насколько актуально развитие студенческого самоуправления среди самих студентов, в чем видится им смысл данных органов и в какой степени они готовы к участию в данных формах самоуправления, как относятся к их развитию и какие направления деятельности видят для себя ключевыми – это основные вопросы, поставленные в нашем исследовании.

Для ответов на эти и другие вопросы в феврале 2017 г. исследовательской группой кафедры социологии Института международных отношений и социально-политических наук (ИМО и СПН) МГЛУ с использованием сайта (*webanketa.com*) был проведен анкетный онлайн-опрос студентов нашего вуза об их отношении к развитию в университете студенческого самоуправления. В анкетировании приняло участие 2 097 студентов и аспирантов всех курсов обучения со всех факультетов (институтов) МГЛУ, после выбраковки в базе данных было учтено 2 069 анкет (см. табл. 1).

Таблица 1

Характеристика выборочной совокупности студентов МГЛУ

Бакалавриат, специалитет (курс обучения)					Магистратура (курс обучения)		Аспирантура	Всего
I	II	III	IV	V	I	II		
715	464	372	280	41	107	94	6	2 069

Полученное число анкет позволило получить репрезентативные выводы об отношении к развитию студенческого самоуправления в вузе студентов МГЛУ в целом и по курсам обучения. Вместе с тем число аспирантов, принявших участие в опросе, является недостаточным и не позволяет интерпретировать полученные результаты для данной категории респондентов отдельно. Для удобства обработки и анализа полученных данных была произведена группировка респондентов по курсам обучения: студенты младших курсов (I–II курс), студенты старших курсов (III–V курсы), студенты магистратуры (I–II курсы) и аспиранты, тем более что существенных различий внутри этих объединенных групп в ходе исследования не выявлено.

Состав респондентов (78,8 % девушек и 21,2 %) репрезентирует гендерную ситуацию, характерную именно для МГЛУ [Образцов, Журавлева 2015].

Проведенный опрос показал, что студенческое сообщество МГЛУ благоприятно относится к развитию студенческого самоуправления в своем вузе. По мнению большинства респондентов, в студенческой среде преобладает в целом *благоприятное отношение к развитию в МГЛУ тех или иных форм студенческого самоуправления*. Положительное отношение выразили – 43,3 %

опрошенных студентов, нейтральное – 54,9% и отрицательное – только 1,7%. При этом оценки студентов младших курсов выглядят более оптимистично, чем старшекурсников (см. рис. 1).

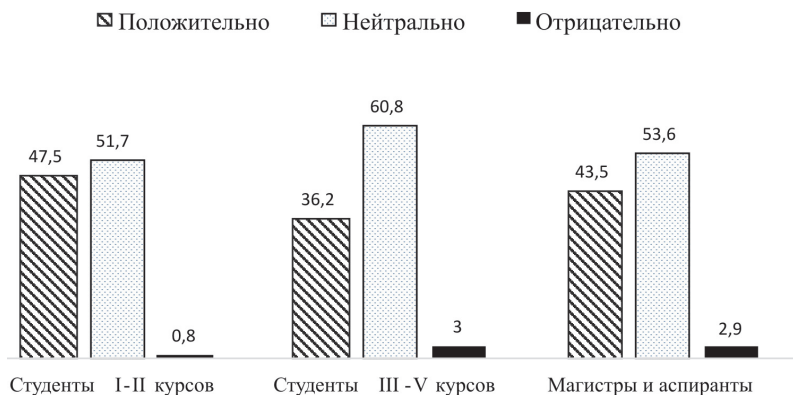

Рис.1. Отношение студентов МГЛУ к развитию студенческого самоуправления в вузе (в %)

Более позитивный настрой «младшекурсников» проявляется и в оценках необходимости функционирования в вузах органов студенческого самоуправления (ОСУ) – его демонстрируют почти 85 %, несколько более сдержанные оценки характерны для старшекурсников (см. табл. 2).

Таблица 2

Отношение студентов разных курсов обучения к необходимости функционирования в вузах органов студенческого самоуправления (в %)

Варианты ответов	I-II курсы	III-V курсы	Магистры, аспиранты	Всего
Да, необходимо	33,9	31,6	30,9	32,9
Скорее да	50,9	49,2	50,7	50,3
Скорее нет	3,0	3,8	3,9	3,3
Нет такой необходимости	1,4	2,9	1,4	1,9
Затруднились ответить	10,8	12,6	13,0	11,6

Примечание: существенные отличия (максимальные значения) здесь и далее – выделены жирным шрифтом.

Осведомленность студентов МГЛУ о существовавших ранее формах студенческого самоуправления (Молодежный интеллектуальный центр) и о функционирующих в настоящее время (под эгидой подразделения воспитательной работы) формах студенческого самоуправления представляется на сегодняшний момент явно недостаточной – каждый второй студент МГЛУ ничего не знает об их деятельности, каждый пятый испытывает затруднения в идентификации данных структур.

Причины этого могут лежать, скорее всего, в формальном характере деятельности данных структур, в недостаточном информационном сопровождении проводимых мероприятий или, проще говоря, в недостаточном развитии и недостаточной включенности основной массы студентов в данные формы самоорганизации.

Характерно, что более осведомлены по данным опроса студенты младших курсов, менее – магистранты и аспиранты (см. табл. 3).

Таблица 3

Осведомленность студентов разных курсов о существовании в МГЛУ органов студенческого самоуправления (в %)

Варианты ответов	I–II курсы	III–V курсы	Магистры, аспиранты	Всего
Знают	36,8	27,1	20,8	32,0
Не знают	44,7	55,0	63,3	50,0
Затруднились ответить	18,5	17,9	15,9	18,0

Проверяя гипотезу о недостаточной информированности студентов о деятельности ОСУ в МГЛУ, респондентам было предложено оценить уровень своей осведомленности по следующей шкале: от 1 (полная неосведомленность) до 5 (полная осведомленность). Полученные данные подтверждают ранее сделанные выводы о большей осведомленности младшекурсников как категории наиболее заинтересованной в развитии студенческого самоуправления и плотно включенной в учебно-воспитательный процесс и наименьшей осведомленности старшекурсников и особенно – магистрантов и аспирантов, в большинстве своем сочетающих учебную деятельность с трудовой, и поэтому менее включенных в общественную жизнь университета. Однако следует заметить,

полной осведомленностью о деятельности ОСУ в МГЛУ практически не обладает никто (не более 2 % студентов), что также является признаком недостаточной эффективности деятельности органов студенческого самоуправления в конкретном вузе (см. табл. 4).

Таблица 4

Характер владения информацией о деятельности органов студенческого самоуправления в МГЛУ по шкале от 1 (полная неосведомленность) до 5 (полная осведомленность) (в %)

Владение информацией	I–II курсы	III–V курсы	Магистры, аспиранты	Всего
1 (полная неосведомленность)	35,8	47,9	61,4	42,4
2	28,4	24,0	21,3	26,2
3	27,1	17,6	14,0	22,6
4	6,9	7,9	2,4	6,8
5 (полная осведомленность)	1,9	2,6	1,0	2,0

Исследователи, изучающие студенческое самоуправление, считают, что основной смысл деятельности данных органов заключается в их *социально-практической направленности*, «связанной с созданием в вузе условий для студенческой вовлеченности, смещении акцентов с социального воспитания на *самовоспитание и саморазвитие личности*, формировании готовности к быстрой адаптации в профессии, при необходимости, к мобильной смене профиля деятельности, что позволит не только сформировать *социально-активный слой общества* в будущем, но и повлиять на качество высшего образования, в настоящем» [Агапова 2015, с. 57].

Для уточнения значения развития ОСУ студентам МГЛУ, принимавшим участие в опросе, было предложено обосновать *необходимость студенческого самоуправления*. Среди главных аргументов студентами были названы:

- участие в управлении вузом и совершенствование учебного процесса (68 %);
- представление интересов студентов перед администрацией вуза (61,1 %);
- проведение досуговых и внеучебных мероприятий (55,4 %);
- защита прав студентов (42,7 %).

Студенты младших курсов, наряду с вышеперечисленными тенденциями, также продемонстрировали предпосылки альтруистического характера:

- объединение студентов вуза в единую общность;
- получение навыков управленческой и научной деятельности;
- справедливого решения возникающих проблем (см. табл. 5).

Таблица 5

Представления студентов о необходимости студенческого самоуправления для самих студентов (в%)¹

Варианты ответов	I–II курсы	III–V курсы	Магистры, аспиранты	Всего
для участия в управлении вузом и совершенствовании учебного процесса	68,3	67,6	68,1	68,0
для представления интересов студентов перед администрацией вуза	60,8	61,3	62,3	61,1
для проведения досуговых и внеучебных мероприятий	56,7	52,4	58,0	55,4
для защиты прав студентов	40,5	46,8	42,0	42,7
для объединения студентов вуза в единую общность	41,1	38,1	39,1	39,9
для оказания помощи в прохождении практики и трудоустройстве	36,6	41,1	33,3	37,7
для получения навыков управленческой работы	38,3	26,8	34,3	34,1
для привлечения студентов к активной научной деятельности	34,6	31,5	30,0	33,1
для справедливого распределения студентов на зарубежные стажировки	27,3	26,5	24,6	26,8
для решения бытовых и социальных проблем	21,0	24,2	28,0	22,7

В ходе исследования при ответе на вопросы респонденты имели возможность в свободном поле анкеты добавлять свои варианты ответов, высказывать развернутые суждения. Далеко не все воспользовались этой возможностью, но при ответе на некоторые вопросы активность студентов заметно возрастала. Это относится и выше рассмотренному вопросу: *Зачем, по Вашему мнению,*

¹Зд. и далее общее число ответов превышает 100 %, так как респондентам представлялась возможность для множественного выбора вариантов ответов.

нужно студенческое самоуправление студентам? Среди десятка различных вариантов¹ (от нейтральных: *Все вышеперечисленные пункты в большей или меньшей степени, взаимопомощь друг другу; я за любую движуху до провокационных: Для участия в активном воцерковлении студентов, так как вуз сотрудничает с Русской Православной Церковью и отрицающих: не нужно, пустая трата времени; это бесполезно; ...И я заявляю, что я не знаю, зачем студентам самоуправление, и вообще что-либо еще, лично мне ни с ним, ни без него жить не легче...*

Студенческое сообщество, в целом признавая необходимость студенческого самоуправления для себя, видит различия в его значении для администрации вуза. При этом на существенные различия в системе мотивации студентов и администрации по введению самоуправления указывают более опытные участники образовательного процесса – студенты магистратуры и аспиранты, считающие, что ОСУ, помимо всего прочего, способны осуществлять контроль над поведением студентов и имеют возможность отчетности перед контролирующими министерскими органами (см. табл. 6).

Таблица 6

Представления студентов о необходимости студенческого самоуправления для администрации вуза (в%)

Варианты ответов	I–II курсы	III–V курсы	Магистры, аспиранты	Всего
для улучшения качества учебного процесса	67,9	67,6	67,5	67,8
для организации внеучебной работы со студентами	53,3	49,9	48,1	51,7
для установления и поддержания корпоративной культуры вуза	52,9	47,0	52,4	50,9
для контроля за поведением студентов	17,6	16,3	18,0	17,2
для отчетности перед контролирующими министерскими органами	10,8	11,2	17,0	11,6
руководству вуза вообще не нужно студенческое самоуправление	3,2	7,1	6,3	4,8

¹Зд. и далее высказывания студентов приводятся в авторской редакции и пунктуации.

Определенный *скептицизм* в отношении необходимости ОСУ для администрации демонстрируют студенты старших курсов, полагающие, что руководству вуза вообще не нужно студенческое самоуправление.

Помимо заявленных выше «выгод» студенческого самоуправления для администрации вуза, студенты высказывали следующие наиболее характерные суждения (всего более 40 дополнений):

- для осведомленности администрации вуза тем, что необходимо самим студентам для комфортного учебного процесса и его успешности, плодотворности;
- для осознания полной картины происходящего в вузе и рассмотрения предложений студентов по улучшению тех или иных аспектов жизнедеятельности института;
- для понимания действительных желаний и нужд студентов;
- для создания положительного имиджа университета в молодежной среде;
- для того, чтобы увеличить количество никому ненужных бумажек о никому непонятной отчетности;
- для снятия части нагрузки и обязанностей с администрации университета ради экономии сил и времени.
- для создания более теплой атмосферы в стенах университета.
- наладить контакт с учащимися и дать возможность молодым и прытким показать свой потенциал.

Такие настроения, безусловно, следует учитывать в ходе организационной работы по формированию и комплектованию органов студенческого самоуправления, стараясь оправдать конструктивные ожидания студентов в развитии студенческого самоуправления со стороны администрации вуза. От отношения и содействия администрации вуза во многом зависит успех в развитии ОСУ, причем студенческое сообщество это прекрасно осознает.

Среди условий, обеспечивающих эффективное функционирование ОСУ студентами, назывались: *содействие администрации вуза* (ректора и деканатов факультетов) в становлении и развитии этих форм, а также *поддержка со стороны большинства студентов*. При этом необходимость административной поддержки чаще отмечали магистранты и аспиранты, а поддержку студенческого сообщества – студенты младших курсов (см. табл. 7).

Помимо административных барьеров, среди причин, сдерживающих развитие студенческого самоуправления в МГЛУ, респонденты усматривают и те, которые исходят от самого студенческого сообщества.

Таблица 7

Условия, при которых органы студенческого самоуправления могут повлиять на улучшение повседневной жизни студентов (в %)

Варианты ответов	I–II курсы	III–V курсы	Магистры, аспиранты	Всего
если ректорат (деканат) даст им такую возможность	49,9	54,5	56,8	52,1
если их будет поддерживать большинство студентов	22,5	19,1	14,1	20,5
если у них будут средства на реализацию своих проектов и программ	13,4	10,5	14,1	12,5
если их будут поддерживать авторитетные преподаватели	9,2	5,4	6,5	7,7
очень сомневаюсь, что это возможно	5,0	10,5	8,5	7,2

Эта точка зрения характерна для студентов младших курсов, усматривающих проблемы развития студенческого самоуправления в пассивности студентов, недостатке у них знаний и навыков самоорганизации. Магистры и аспиранты ожидаемо демонстрируют более прагматичный подход, выделяя в качестве одной из основных проблем студенческой среды *преобладание* в ней *патерналистских* и *иждивенческих настроений*, а также актуализируя другие грани административных преград: доминирование авторитарных и консервативных тенденций в управлении вуза (факультетов) и нежелание вузовских управленческих структур делиться своими полномочиями со студентами (см. табл. 8).

Таблица 8

Представления студентов о причинах, сдерживающих развитие студенческого самоуправления в МГЛУ (в %)

Варианты ответов	I–II курсы	III–V курсы	Магистры, аспиранты	Всего
пассивность самих студентов	63,7	60,4	53,7	61,6
доминирование авторитарных и консервативных тенденций в управлении вуза (деканата)	47,9	56,6	63,5	52,3

Варианты ответов	I–II курсы	III–V курсы	Магистры, аспиранты	Всего
нежелание вузовских управленческих структур делиться своими полномочиями со студентами	29,8	37,3	38,4	33,2
недостаток навыков и умений для участия в управлении вузовской жизнью	35,0	28,5	33,5	32,7
нехватка кадров и знаний для организации действенного самоуправления	32,4	27,2	28,6	30,3
преобладание патерналистских и иждивенческих настроений в студенческой среде	9,1	12,1	16,7	10,9

Среди других причин, сдерживающих развитие студенческого самоуправления в МГЛУ, респондентами были названы следующие (всего более 50 записей различного характера):

- руководство привыкло делать всё по-своему, и им всё равно, какая огромная нагрузка у студентов, и вообще на жизнь и положение студентов;
- у студентов полно студенческой работы (д / з, курсовые и т. д.), подработки, а так же необходимо время на личную жизнь, а не на какую-то работу, связанную с вузом;
- когда студент реально учится, то у него просто нет времени на данный вид «интертеймонта»;
- большой объем домашнего задания, отсутствие свободного времени, некоторые студенты работают;
- мнение о том, что такая активность будет бесполезна;
- нежелание вузовских управленческих структур поддерживать студентов по данному вопросу;
- нигде (на сайте, в паблике ВК, на досках объявлений) нет объявлений о том, что вузу необходимы кадры в органы студенческого самоуправления, как следствие, никто не знает об их существовании;
- отсутствие среди студентов достойного лидера для проведения различных мероприятий, поскольку такие проведения - командная работа, а не желание одного-единственного студента. Без этих лидеров, если не считать устоявшиеся клубы и кружки МГЛУ (такие как театр, различные хоры), и без мероприятий, проводимых ими и командой инициативных студентов, остальные студенты, вне самоуправления, даже не будут знать о существовании новых клубов, кружков, собраний и т. д.;
- само отсутствие структуры порождает безынтес студентов.

Харизматичные и инициативные люди не имеют возможности донести свои идеи и мысли до студентов;

– также существование так называемой элиты, которая участвуя в только-только зарождающейся студ. жизни, не привлекает в свой круг новых лиц и никак не афиширует свою деятельность для широкого круга студентов (кастинги, наборы в команду и т. п.).

Из приведенных комментариев явно следует, что деятельность органов студенческого самоуправления не должна превращаться в формализм, обязательность и осуществляться с учетом временных возможностей и желания студентов. Проводимые мероприятия необходимо информационно поддерживать по доступным и популярным среди студентам информационным каналам, а *рекрутинг студентов* в формируемые ОСУ должен проводиться *на добровольной основе, в конкурсном порядке* и опять же при широком информационном освещении данного процесса (праймериз, собеседования, публичные слушания и т. п.).

Деятельность студенческого самоуправления может реализовываться в вузах через различные *формы, методы и направления работы*. В ходе социологического опроса респондентам была предложена возможность из обширного списка ОСУ, составленного на основе анализа опыта передовых вузов в сфере организации студенческого самоуправления, выбрать наиболее приемлемые на их взгляд варианты. В качестве лидирующих структур были отмечены: Студенческий совет МГЛУ (69,7%), студенческие советы факультетов (институтов) (41,6%), студенческий бизнес-инкубатор (38,3%) и штаб студенческого волонтерского движения (35%). Первая тройка структур-лидеров получила большую поддержку самых опытных участников образовательного проекта – магистрантов и аспирантов, которые также поддерживали развитие студенческих СМИ, студенческого научного общества, профсоюзов и студенческий совет общежитий. Аутсайдерами студенческого голосования стали: штаб студенческих трудовых отрядов, клуб молодых избирателей и оперативный студенческий отряд содействия полиции (см. табл. 9).

Этот вопрос также вызвал неподдельный интерес со стороны студентов (более 50 дополнительных вариантов по открытому вопросу). Ниже приведены, на наш взгляд, наиболее интересные предложения и суждения.

Таблица 9

**Представления студентов об органах студенческого самоуправления,
которые желательно создать в МГЛУ (в %)**

Варианты ответов	I–II курсы	III–V курсы	Магистры, аспиранты	Всего
Студенческий совет МГЛУ	70,4	66,7	75,7	69,7
Студенческие советы факультетов (институтов)	42,0	39,0	48,0	41,6
Студенческий бизнес-инкубатор	36,8	38,9	44,6	38,3
Штаб студенческого волонтерского движения	38,2	30,3	32,2	35,0
Редакция студенческого сайта (паблика в социальных сетях) и сам студенческий сайт (паблик)	36,4	30,3	38,1	34,6
Спортивный студенческий союз (спортивный клуб)	33,7	35,3	34,2	34,3
Редакция студенческой газеты	34,9	32,0	36,1	34,0
Студенческий театр	36,6	27,5	30,2	33,0
Студенческая теле- и радиостудия	33,1	31,4	28,7	32,1
Студенческий профориентационный центр	26,6	30,8	30,7	28,4
Студенческое научное общество	26,8	25,6	29,2	26,6
Студенческие советы общежитий	18,6	20,9	26,7	20,2
Конференция студентов университета (как высший орган)	16,3	15,2	13,4	15,7
Студенческий профсоюзный комитет	13,9	16,8	19,3	15,4
Учебно-воспитательные комиссии, контролирующие посещаемость и успеваемость студентов без участия преподавателей и деканатов	8,3	8,4	5,4	8,1
Штаб студенческих трудовых отрядов	6,3	4,7	4,5	5,6
Клуб молодых избирателей	6,1	5,0	4,0	5,5
Оперативный студенческий отряд содействия полиции	4,4	3,5	2,0	3,9

– Такой орган самоуправления, который бы мог представлять интересы студентов на уровне администрации (участвовал бы в принятии решений вуза, с учетом, что без его голоса никакие решения по изменениям учебного процесса не могли бы приниматься; к тому же, обладать правом вынесения вопросов на обсуждение, правом принимать решения, касающиеся студентов – о назначении доп. стипендий, о награждении и т. д.).

– Да, пожалуйста, бизнес инкубатор. При этом не только в плане будущего продвижения проектов, но и улучшения инфраструктуры университета. Те стены, которые стоят между предложением о развитии вуза и реальным их исполнением, должны решаться не самими студентами, а в сотрудничестве с единомышленниками и начальством. Это выгодно как университету, так и студентам. К тому же необходимо создать клуб выпускников, если такого еще нет.

– Хотелось бы дать комментарий по поводу бизнес-инкубаторов. Я имела опыт участия в Клубе молодых предпринимателей, который был организован на базе Плехановского института. Чего там действительно сильно не хватает, так это технарей. Есть дизайнеры, специалисты по эконом. безопасности, даже школьники – но людей, которые занимались бы реальным и востребованным делом нет. Таким образом, я считаю возможным предложить создания бизнес-инкубатора под ответственностью ФИБ, поскольку студентам есть, что предложить.

– Комитет по организации творческой деятельности, подготовки к студенческой весне.

– Студенческий оркестр.

– Музыкальный клуб (который занимается организацией музыкальных выступлений в вузе и за его пределами).

– Танцевальный клуб (организация под эгидой университета, которая могла бы участвовать в разных мероприятиях (творческих, спортивных и т. д.), фестивалях, занимать призовые места, представлять университет на разных мероприятиях как внутри самого университета, так и за его пределами).

– Команду КВН.

– Организация, где студенты смогут помогать другим студентам, отстающим по каким-то дисциплинам. Что-то похожее на репетиторство, но в пределах вуза.

– Языковые клубы (так, например, китайские студенты, изучающие русский язык в МГЛУ, могли бы общаться с русскими студентами, изучающими китайский язык, польза для всех).

– Идея театра просто чудесна, особенно если брать глубокие и серьезные произведения.

– Студенческий совет по подготовке вожатых.

– Центр неформального образования (тренинги, мастер-классы и др.).

– Эко-клуб (распространение экологической грамотности, популяризация «зеленых» идей, организация мероприятий).

– Дайте полномочия и средства тем, кто придёт к вам САМ: из таких может получиться что-то стоящее.

Представленные в таблице 9 данные и ответы на открытый вопрос явно демонстрируют наличие *заинтересованности студентов МГЛУ* в развитии органов студенческого самоуправления по различным направлениям деятельности. Но само по себе создание тех или иных органов и структур студенческого самоуправления еще не означает их успешную деятельность. Из перечня возможных направлений, также составленных на основе анализа опыта передовых вузов, студенты могли выбирать наиболее важные из них. Характерно, что основным направлением деятельности, по мнению студентов, должна стать *защита и представление прав и интересов студентов и аспирантов*. Данное направление получило наибольшую поддержку у старшекурсников. Для магистрантов и аспирантов более актуальной видится направление разработки предложений по повышению качества образовательного процесса с учетом научных и профессиональных интересов студентов и аспирантов, а также содействие в решении образовательных, социально-бытовых и прочих вопросов, затрагивающих интересы студентов. Студенты младших курсов наряду с этим выделяют направления воспитательного характера (см. табл. 10).

Таблица 10

Представления студентов о приоритетных направлениях органов студенческого самоуправления (в %)

Варианты ответов	I–II курсы	III–V курсы	Магистры, аспиранты	Всего
защита и представление прав и интересов студентов и аспирантов	51,7	62,0	48,8	54,9
разработка предложений по повышению качества образовательного процесса с учетом научных и профессиональных интересов студентов и аспирантов	51,6	53,1	54,6	52,4
информирование студентов и аспирантов о деятельности вуза	40,3	40,4	42,5	40,5
содействие в решении образовательных, социально-бытовых и прочих вопросов, затрагивающих их интересы	38,4	42,1	46,4	40,5
укрепление межвузовских, межрегиональных и международных связей	40,1	34,9	38,2	38,2

Варианты ответов	I–II курсы	III–V курсы	Магистры, аспиранты	Всего
сохранение и развитие демократических традиций студенчества	35,1	29,4	34,8	33,2
содействие в пропаганде здорового образа жизни	32,3	26,3	32,4	30,3
привлечение студентов и аспирантов к решению всех вопросов, связанных с подготовкой высококвалифицированных специалистов	31,0	25,0	23,7	28,2
содействие реализации общественно значимых молодежных инициатив	28,5	24,7	30,0	27,4
участие в формировании общественного мнения о студенческой молодежи как реальной силе в развитии российского общества	25,3	19,9	23,2	23,3
проведение работы, направленной на повышение сознательности студентов и аспирантов и их требовательности к уровню своих знаний	26,1	18,3	18,4	22,8
содействие структурным подразделениям вуза в проводимых ими мероприятиях в рамках образовательного процесса	21,5	21,5	19,8	21,4
воспитание бережного отношения к имущественному комплексу, патриотическое отношение к духу и традициям вуза	16,3	9,8	13,0	13,8

Как уже отмечалось ранее, одно из ключевых направлений деятельности органов студенческого самоуправления сами студенты видят в защите их прав и интересов. Вместе с тем проведенное исследование показывает, что около половины студентов слабо знает нормативные документы, регламентирующие учебно-образовательный процесс в вузе. Так с содержанием прав и обязанностей студентов знакомы 54,7 % респондентов, с Уставом МГЛУ – не более 48 %, с правами и обязанностями преподавателей – только каждый пятый респондент, около 30 % опрошенных ни один из перечисленных документов не знает. (см. табл. 11).

Даже не зная в полном объеме своих прав и обязанностей, каждый третий студент уверен, что в случае необходимости орган студенческого самоуправления в состоянии защитить его права перед администрацией вуза. Но скептиков и неуверенных в такой

возможности всё же больше: 15,9% и 47,5%, соответственно (см. табл. 12).

Таблица 11

Характер ознакомления студентов с нормативно-правовыми документами, регулирующими их права и обязанности (в%)

Варианты ответов	I-II курсы	III-V курсы	Магистры, аспиранты	Всего
с правами и обязанностями студентов	55,7	53,1	54,1	54,7
с Уставом МГЛУ	45,8	50,4	52,7	48,0
с правами и обязанностями преподавателей	20,1	14,8	17,9	18,1
с коллективным трудовым договором	4,2	4,8	5,3	4,5
ни с чем из перечисленного	30,2	29,0	26,6	29,4

Таблица 12

Уверенность студентов в защите их прав органами студенческого самоуправления (в %)

Варианты ответов	I-II курсы	III-V курсы	Магистры, аспиранты	Всего
Уверены	40,0	32,3	31,4	36,6
Не уверены	11,5	21,9	20,8	15,9
Затруднились ответить	48,4	45,7	47,8	47,5

Складывается парадоксальная ситуация: если уверенность в возможности защиты своих прав с помощью органов студенческого самоуправления демонстрирует чуть больше 1/3 студентов, то готовность обратиться для осуществления такой защиты проявляет каждый второй студент (см. табл. 13).

Таблица 13

Готовность студентов обратиться в органы студенческого самоуправления для защиты своих прав

Варианты ответов	I-II курсы	III-V курсы	Магистры, аспиранты	Всего
Готовы	50,4	48,1	45,9	49,2
Не готовы	19,3	24,2	21,7	21,2
Затруднились ответить	30,4	27,7	32,4	29,7

Обращение без уверенности в том, что тебе помогут? Обращение как форма социального протеста или надежда на поддержку? Данная проблема требует специального исследования. Здесь же мы просто зафиксируем это противоречие.

Изучив отношение и представления студентов МГЛУ о студенческом самоуправлении важно было определить наличие *потенциальной социальной базы* для развития этих органов. Если она окажется недостаточной, создание новых ОСУ рискует превратиться в формальную процедуру реанимации нежизнеспособных структур, которые ни поддержкой, ни уважением студенческого сообщества пользоваться не будут и никакого сколько-нибудь значимого позитивного воздействия на учебно-воспитательный процесс не окажут. А сами структуры кроме демонстрации аттестационных показателей и выращивания молодых бюрократов-карьеристов никаких социально значимых функций, к сожалению, выполнить не смогут. В связи с чем был проведен анализ личной готовности студентов к участию в деятельности органов и структур студенческого самоуправления.

Проведенный социологический опрос свидетельствует о наличии необходимого социального потенциала для развития ОСУ в МГЛУ (см. табл. 14).

Таблица 14

Готовность студентов МГЛУ к участию в студенческом самоуправлении в (в%)

Варианты ответов	I-II курсы	III-V курсы	Магистры, аспиранты	Всего
Готовы активно участвовать, войти в руководство	28,2	18,6	15,9	23,8
Готовы, но только в качестве рядового участника	15,2	15,2	13,0	15,0
Готовы участвовать изредка, если это не помешает личным планам	40,4	43,3	43,0	41,6
Вообще не готовы	5,6	10,1	17,4	8,3
Затруднились ответить	10,7	12,8	10,6	11,4

Примерно четверть студентов МГЛУ готовы активно участвовать в деятельности ОСУ, войти в их состав, еще около 15 % готовы поддержать их усилия в качестве рядовых участников, примерно 40% готовы участвовать, но на нерегулярной основе и согласуя это участие со своими личными планами. Только каждый десятый

студент категорически не готов к такого рода деятельности и столько же – не смогли определить свою позицию. Среди «активистов» преобладают студенты младших курсов, среди пассивных – старшекурсники, магистры и аспиранты.

Участие обучаемых в студенческом самоуправлении, безусловно, в определенной степени зависит от индивидуальных особенностей студентов и магистров: способностей, предрасположенности к лидерству, руководству и инициативе, коммуникабельности и других личных качеств. Социальные и демографические аспекты, условия образования и воспитания здесь, скорее всего, носят вторичный характер. Вместе с тем опрос студентов МГЛУ показал, что в целом большее желание участвовать в какой-либо из форм студенческого самоуправления проявляют студенты I–II курсов, что также необходимо учитывать в популяризации и развитии данного движения среди студентов МГЛУ.

Таким образом, в целом при позитивном отношении большинства студентов МГЛУ к самой идее студенческого самоуправления, очень многие из них пока занимают *выжидательную позицию* относительно практического участия в жизни студенческого сообщества. При активной и эффективной работе ОСУ позиция эта должна меняться в сторону активной поддержки и расширения социальной базы потенциальных активистов.

Представленные в статье материалы проведенного исследования могут быть использованы для дальнейших дискуссий, обсуждения оптимальной структуры органов студенческого самоуправления и их направлений деятельности не только в МГЛУ, но и других вузах, заинтересованных в развитии данного органа управления в вузе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Агапова Е. Н. Роль студенческого самоуправления как института повышения качества высшего образования // Евразийский Союз Ученых. 2015. № 7 (16). С. 56–58.
- Артюхов М. В., Миронова Т. Н. Теоретические и содержательные подходы к студенческому самоуправлению // Вестник Кемеровского государственного университета. 2011. № 2 (46). С. 58–63.
- Образцов И. В., Журавлева В. В. Социально-психологический портрет абитуриента МГЛУ // Вестник Московского государственного

лингвистического университета. Сер. Общественные науки. 2015. № 26 (737). С.165–176.

Овчинников В. В. Студенческое самоуправление в России: социологический анализ: автореф. дис. ... социол. наук. М.: РГСУ, 2007. 23 с.

Федеральный закон от 29.12.2012 №273-ФЗ (ред. от 01.05. 2017) «Об образовании в Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс. URL:www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 24.06.2017).

УДК 316.624

В. Л. Примаков

доктор социологических наук, профессор; профессор кафедры социологии Института международных отношений и социально-политических наук (факультет), МГЛУ; e-mail: vprim2007@yandex.ru

ЭКСТРЕМИЗМ В ПРАКТИКЕ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ МОЛОДЕЖИ МОСКВЫ: ИСТОЧНИКИ РАСПРОСТРАНЕНИЯ И ПУТИ ПРОФИЛАКТИКИ

В статье анализируются особенности проявления экстремизма в области этноконфессиональных отношений. На основе анализа данных социологических исследований среди молодежи и подростков г. Москвы исследуются источники распространения идей межнациональной и межконфессиональной нетерпимости. Определяются меры по недопущению конфликтов на межнациональной и религиозной почве, а также основные пути профилактики экстремизма в области этнокультурных и межрелигиозных отношений.

Ключевые слова: молодежный экстремизм; экстремизм в практике этноконфессиональных отношений; источники распространения идей межнациональной и межконфессиональной нетерпимости; основные пути и меры профилактики молодежного экстремизма в области этноконфессиональных отношений.

Primakov V. L.

Doctor of Sociology (Dr.habil), Professor, Department of Sociology, Institute of International Relations and Social and Political Sciences (Faculty), MSLU; e-mail: vprim2007@yandex.ru

EXTREMISM IN PRACTICE OF MOSCOW YOUTH'S ETHNO-CONFESSIONAL RELATIONSHIPS: SOURCES OF SPREAD AND PREVENTION DIRECTIONS

The article analyses features of extremism in ethno-confessional relationships. Based on the analysis of sociological surveys among youth and teenagers in Moscow, the author studies sources of spread of ideas of interethnic and interconfessional intolerance. The article defines averting measures of interethnic and religious conflicts and the key directions of prevention of extremism in ethno-cultural and interreligious relationships.

Key words: youth extremism; extremism in practice of ethno-confessional relationships; sources of spread of ideas of interethnic and interconfessional intolerance; the key directions and prevention of youth extremism in ethno-confessional relationships.

Проблема экстремистских проявлений в этноконфессиональных отношениях не только не нова, сколько, к сожалению, традиционна, как и особо опасна для национальной безопасности страны, социальной стабильности российского общества. Актуальность подобного вывода подтверждается не только политиками и учеными, но и, как говорится, самой жизнью. Так, например, по данным информационно-аналитического центра «Сова» в прошлом году число националистически мотивированных нападений несколько сократилось, но не существенно. Впрочем, как отмечают авторы центра, истинный размах такого насилия неизвестен. «В 2016 г. от расистского и неонацистски мотивированного насилия погибло не менее 9 человек и было ранено или избито 72 человека, 3 человека получили угрозы убийством. По сравнению с прошедшим годом число расистских и неонацистски мотивированных нападений сократилось, но не так радикально, как это было годом ранее. В 2015 г. 12 человек погибли, 96 были ранены или избиты, 8 получили угрозы убийством. В 2014 г. 36 человек погибли, 134 были ранены, 2 получили угрозы убийством. Основной группой жертв по-прежнему оставались люди, которых нападавшие воспринимали как «этнических чужаков», и доля этой группы заметно выросла» [Старые проблемы... 2016].

Очевидно, что социальная опасность националистического экстремизма не исчезает. Наблюдаются всплески экстремистской активности, связанные с преступлениями на национальной почве. Затем – периоды неустойчивой националистической ремиссии. То в одном, то в другом регионе страны фиксируется обострение этноконфессиональной напряженности. Так выездное заседание Совета безопасности РФ в Челябинске в феврале 2016 г. было посвящено, в частности, проблеме роста числа преступлений на почве межнациональной и межконфессиональной розни на Урале [На Урале выросло... 2016].

Анализ основной тенденции экстремистской активности в области этноконфессиональных отношений позволяет говорить об устойчивой редукции национализма и ксенофобии в латентные формы. Последнее хорошо подтверждается выводами из исследования, проведенного «Левада-центром» в августе 2015 г. Так, по мнению социологов, рост ксенофобских настроений достиг максимума в 2013 г. Затем начал снижаться. Например, в 2013 г. 62% опрошенных россиян считали возможным кровопролитные

столкновения на национальной почве, в то время как в 2015 г. таких оказалось 25 %. По сравнению с 2013 г. снизилась доля респондентов, которые заявляют, что испытывают негативные чувства по отношению к выходцам из южных республик: 37 % в 2015 г. против 62 % – в 2013 г. При этом число опрошенных, заявляющих о позитивном отношении к приезжим, почти не изменилось, а «падение доли негативных оценок произошло за счет роста нейтральных, безразличных оценок». Исследователи центра резюмируют: «Несмотря на видимую стабилизацию ситуации в сфере межнациональных отношений, изоляционистские установки сохраняются, а враждебность по отношению к «другим» перешла в спящий режим безразличия» [«Левада-центр»... 2015]. Не случайно Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» определяет, помимо прочих, возбуждение расовой, национальной или религиозной розни, унижение национального достоинства, за которые предусматривается серьезная административная и уголовная ответственность [Федеральный закон... 2002]. Предупреждение и профилактика этих явлений ориентированы на выявление и последующее устранение причин и условий, способствующих осуществлению экстремистской деятельности в области этноконфессиональных отношений, предупреждение и пресечение подобной деятельности общественными и религиозными объединениями, организациями и физическими лицами. При этом практически все исследователи отмечают, что именно экстремизм на этноконфессиональной почве наиболее сложен в профилактике и предупреждении.

Вышесказанное убедительно подтверждается данными ряда социологических исследований [Чупров, Зубок 2009; Этноконфессиональные факторы... 2011], в частности проведенным в рамках НИР опросом подростков и молодежи¹. Полученные данные очень красноречиво демонстрируют не просто противоречивость в оценках, но, по сути, преступную межэтническую и межконфессиональную нетерпимость и враждебность (см. табл. 1). Причем, в форме выраженной этноконфессиональной напряженности.

¹Зд. и далее выводы обосновываются данными социологического исследования, проведенного кафедрой социологии МГЛУ в 2014–2015 гг. в рамках НИР «Проведение исследований опыта по этнокультурному развитию и профилактике экстремизма в молодежной среде».

Таблица 1

**Отношение московской молодежи
к некоторым проявлениям экстремизма (в %)**

Отношение	Направленность оценочных суждений		
	«осуждаю», «в целом отрицательное»	«одобряю», «в целом положительное»	безразличное
к избиению иностранцев	75,8	9,9	14,3
к убийствам на национальной или религиозной почве	87,4	3,8	8,8
к радикальным националистам, отстаивающим интересы нерусских	62,4	5,1	32,5
к радикальным русским националистам	38,1	34,1	27,8

Как показывает опрос, осуждают избиение иностранцев чуть более 2/3 молодежи, у 14 % к этому отношению безразличное, а почти 10 % подобное одобряют. Даже к убийствам на национальной и религиозной почве отношение хоть и в основном осуждающее, но не у всех молодых людей. Почти 9 % из их числа индифферентны к подобным фактам. В определенной степени дополняет эти оценки различие в отношении к русским и нерусским националистам и радикалам. Нерусских радикалов и националистов осуждает 62,4 %, а «своих» только 38,1 %. При этом, почти столько же (34,1 %) поддерживает и одобряет русский национализм, а 27,8 % безразличны к этим экстремистским идеям и практикам.

Красноречиво выглядит распределение на вопрос: «Как Вы считаете, что в первую очередь способствует распространению в России идей межнациональной нетерпимости?» (см. рис. 1).

Показательно, что, признавая опасность и распространенность националистического экстремизма (53 % заявляли об этом), молодые люди видят источники (причины) подобного в «действии» любых внешних сил и обстоятельств. Для более чем половина опрошенных (55 %) – это агрессивные и провокационные действия граждан других национальностей. Еще одна доминирующая

внешняя причина – бедность, плохие социальные условия (33,3 %), невозможность себя реализовать (почти 30 %). Даже «голос крови» (21,7 %) в оценках молодых людей скорее объясняет межнациональную нетерпимость как генетическое следствие национальной идентификации. Еще одна группа причин-источников объясняет распространенность межнационального экстремизма банальной агрессивностью (13,3 %), личностной и групповой нетерпимостью к «иным», стремлением к идейному и групповому единению и дистанционированию от «других» (11,6 %).

Рис. 1. Источники распространения идей межнациональной нетерпимости, по мнению московской молодежи (в %)¹

Вывод очевиден – национализм, и особенно русский, является основным источником экстремистской угрозы в молодежной среде и, соответственно, предметом профилактического воздействия.

¹ Сумма больше 100 %, при возможности выбора нескольких вариантов ответа.

Анализ этих источников показывает также, что основная проблема противодействия экстремизму в области этноконфессиональных отношений кроется прежде всего в отсутствии понимания глубинных причин этого явления. Мы также не ставим перед собой задачи глубоко и досконально разобраться в них. Приведенные данные лишь иллюстрируют противоречивость и сложность причинно-мотивационной базы национально-религиозного экстремизма. Это с одной стороны. С другой – также достаточно противоречиво выглядят предлагаемые меры по предупреждению этого вида экстремистских проявлений. Логично предположить, что различные заблуждения в осознании причинно-следственных связей приводят к деформации понимания приоритетности и важности принимаемых мер. В качестве примера и основы для анализа выглядит упорядоченный список профилактических мер по предупреждению конфликтов в этноконфессиональных отношениях, предлагаемых самой молодежью (см. табл. 2).

Таблица 2

**Рекомендуемые меры по недопущению конфликтов
на этноконфессиональной почве по мнению московской молодежи¹**

Меры	%
Ограничить приток в Москву и Московскую область рабочей силы других национальностей, ужесточение въезда и регистрации	51,2
Ужесточить наказания за высказывания и пропаганду идей, разжигающих межконфессиональную и межнациональную рознь	42,7
Жестко пресекать любые несанкционированные уличные выступления на почве национальной и религиозной розни	36,5
Вести активные силовые действия против экстремистов и террористов	33,5
Немедленно запретить деятельность всех экстремистских религиозных и националистических организаций	32,8
Не допускать концентрированного проживания лиц других национальностей в отдельных микрорайонах и домах	28,7
Разрешить спецслужбам следить за подозрительными лицами (прослушивать переговоры и пр.)	14,9
Всячески способствовать облегчению легализации и адаптации лиц других национальностей	10,7

¹ Сумма больше 100 %, при возможности выбора нескольких вариантов ответа.

Меры	%
Улучшить условия жизни мигрантов других национальностей (работа, жилье, медицинское обеспечение, образование)	9,8
Создать места концентрированного проживания мигрантов других национальностей в отдельных микрорайонах или домах	9,2
Другое	3,3
Затрудняюсь ответить	6,8

Анализируя представленную таблицу, отметим, что наибольшее число согласованных мнений собрало предложение антииммиграционного характера (51,2%). Если к этим мерам приплюсовать другие иммиграционные инициативы, например, с одной стороны, не допускать концентрированного проживания лиц другой национальности (28,7%), с другой – создавать национальные анклав (9,2%), а также предложения по социальной адаптации мигрантов (10,7% + 9,8%), то логично сделать вывод о том, что эти меры действительно одни из самых важных и необходимых в оценках подростков и молодежи.

Другим важным направлением, если не сказать, основным (в итоговой сумме частот предложений) стали предлагаемые меры так называемого запретительно-наказательного характера. К ним можно отнести предложения: «ужесточить наказания за высказывания и пропаганду идей, разжигающих межконфессиональную и межнациональную рознь» (42,7%); «жестко пресекать любые несанкционированные уличные выступления на почве национальной и религиозной розни» (36,5%); «немедленно запретить деятельность всех экстремистских религиозных и националистических организаций» (32,8%).

Еще одна составляющая предупредительно-профилактических мер – борьба с проявлениями экстремизма в различных его формах («вести активные действия против экстремистов и террористов», 33,5%), а также предложения «разрешить спецслужбам следить за подозрительными лицами, в том числе прослушивать переговоры и пр.» (15,0%).

Заметим, это с точки зрения опрошенной молодежи. Предлагаемые меры и их группировка дают в целом ясное представление о мнениях молодежи в области профилактики экстремизма в этноконфессиональной сфере отношений. *Во-первых*, предлагаемые меры отражают противоречивые причинно-следственные установки молодежи, что мы отмечали выше: коль скоро в межнациональных и межрелигиозных конфликтах главным образом

виноваты другие, иммигранты, то и предлагаются в основном антииммиграционные и адаптационно-миграционные меры профилактики и предупреждения. Да и запретительно-наказательные меры, по сути своей, есть скорее реакция на действия других, «плохих» националистов. *Во-вторых*, и это с нашей точки зрения, возможно, самое главное – молодежь осознает необходимость и значимость различных мер недопущения этого вида экстремизма и готова принять и одобрить в разной степени согласия именно эти меры.

В том числе, как видно из таблицы, достаточно жесткие, запретительные и наказательные. Причем, эти меры сопрягаются в сознании молодежи с необходимостью предупредительной борьбы с экстремизмом во всех его проявлениях.

Экспертное сообщество значительно более системно и комплексно оценивает пути и способы профилактической работы в области межнациональных и межрелигиозных отношений. *Во-первых*, эксперты также осознают особую угрозу обществу и государства со стороны проявляющегося и усугубляющегося экстремизма в этноконфессиональных отношениях. По их оценкам, именно межнациональная и межрелигиозная нетерпимость и формы ее проявления являются основной прогнозируемой тенденцией в развитии экстремизма. Острием такой ксенофобии, национализма и религиозного радикализма является молодежь. И, соответственно, с этой угрозой необходимо бороться, в том числе профилактическими методами, прежде всего. *Во-вторых*, эксперты понимают, что такая работа неотрывна от общей профилактики ксенофобии, экстремизма во всех его проявлениях. А значит все рассматриваемые ранее направления, меры, способы, формы и пр. так или иначе но способствуют профилактике межнационального экстремизма. *В-третьих*, эксперты отмечают особую природу и причинно-следственную связь сложившихся межнациональных отношений с проявлениями экстремизма. Межнациональные и межконфессиональные отношения в России в целом и в конкретных регионах, в частности, имеют особое своеобразие исторической, культурной, политической, экономической и другой основы формирования, существования и проявления. Именно поэтому целесообразно выделять

конкретные пути и меры профилактики этноконфессионального экстремизма с учетом особенностей конкретного региона, территориально-культурного образования, этноса, конфессии.

Однако в самом обобщенном представлении эксперты смогли предложить основные пути (сформулированы на основе содержательного анализа ответов) и некоторые способы (меры) профилактики экстремизма в сфере межнациональных, межрелигиозных отношений (см. табл. 3).

Таблица 3

**Основные пути и способы профилактики экстремизма
в области этнокультурных и межрелигиозных отношений**

Основные пути	Краткая характеристика содержания и некоторых способов профилактической работы (на основе мнения экспертов)
Поддержка традиционных культур народов России	Важно не только поддержать традиционные творческие, фольклорные, исследовательские и иные объединения различных народов (музеи, клубы, экспедиции, исследования, реконструкции, подвижничество и пр.), но и обеспечить площадки для их проявления. Массовая культура также может и должна иметь свой национальный оттенок, характер проявления. Важно также, чтобы представители различных культур имели возможность реализации своих этнических и конфессиональных потребностей.
Развитие этнокультурных контактов и связей	Необходимо повсеместно расширять возможность ознакомления молодых людей с иными культурными ценностно-нормативными и поведенческими комплексами. И это не только творческие взаимодействия (фестивали, карнавалы, представления и пр.), что молодежи слабо интересует. В школе, семье, в профессиональном коллективе необходимо расширять систему межкультурных контактов и связей. Не создавать классы мигрантов, а развивать связи детей друг с другом. Необходимо исключать возможности создания национальных или конфессиональных анклавов, что ведет к культурной изоляции.
Межкультурное просветительство	Живя в поликультурной стране, мы плохо знаем друг друга. Особенно в межличностной, бытовой сфере. Поэтому и отгораживаемся друг от друга. Необходимо повсеместно распространять знания о других культурах, особенностях вероисповедания, этнического и конфессионального поведения, оценок, установок. Отдельная тема, ликвидация русской культурной неграмотности, в том числе и знания русского языка в российском обществе. Русская православная культура должна остаться доминирующей.

	Просвещать необходимо и о российском законодательстве, ответственности за нарушение правовых норм, особенно в области наказания за проявления националистической ненависти, неуважения, религиозный радикализм, экстремизм во всех его проявлениях.
Формирование компетенций мультикультурного взаимодействия и толерантного отношения к иным этнокультурам	Не только государство, но общество в целом, система образования особенно, национально-культурные общины, диаспоры, семья – одним словом все должны заниматься разъяснением и формированием навыков межкультурного общения, поведения в инокультурной, смешанной социальной среде. С советских времен рассказывается о дружбе народов или о самих народах. Но как вести себя с представителями этих народов не учат.
Институционализация и развитие внутрикультурных регуляций	В разных культурах различные системы и степень регуляции поведения. Например, в диаспорах народов Кавказа она значительно выше, чем среди русских. Необходимо поддерживать приемы и способы культурно-нравственной регуляции, институты и практики работы старейшин, священнослужителей, членов семей в утверждении толерантного, уважительного поведения в собственной и инокультурной среде.
Информационно-пропагандистское сопровождение	У СМИ в этом вопросе особая роль. Они и транслируют, и информируют, и формируют, и просвещают, и пропагандируют. Поэтому должен быть налажен мониторинг СМИ, причем не только государственными структурами, но обществом, контроль за соблюдением законодательства, в том числе в национальной сфере. А во-вторых, СМИ должны активнее включаться в пропагандистско-формирующее воздействие. Вот где особенно необходим государственный заказ. Важно развивать межкультурную этноконфессиональную тематику в СМИ, искать интересные для молодежи формы формирования толерантности. Более цельной и действенной площадкой для этого могут являться молодежные СМИ, молодежные сайты, сетевые сообщества и др.
Аналитико-методическое сопровождение профилактики	Национализм, религиозный радикализм, межкультурная ненависть – это социальная болезнь. У этой болезни есть свои проявления, показатели. Необходимо постоянно отслеживать эти показатели (например, этноконфессиональная напряженность), анализировать причинно-следственные связи, состояние и динамику. Одним словом, необходим мониторинг этих отношений. Другая составляющая – нет ни узких специалистов, ни методического обеспечения реализации многих задач профилактики и предупреждения радикализма и экстремизма в сфере этноконфессиональных отношений.

В целом можно констатировать, что учитывая огромную опасность межнационального экстремизма, а также сложность, тонкость этноконфессиональных отношений, противодействовать подобной угрозе можно и нужно, прежде всего профилактическими мерами. При этом понятно, что такая работа должна организовываться и проводиться неотрывно от общей профилактики ксенофобии, экстремизма среди молодежи во всех его проявлениях. Как показало исследование, основной комплекс профилактических мер сосредотачивается вокруг адаптационно-миграционных и запретительно-наказательных приемов и способов, форм профилактики и предупреждения. При этом, как отмечают эксперты, наибольшим профилактическим эффектом могут пользоваться различные формы и способы поддержки традиционных культур народов России, развитие этнокультурных контактов и связей, формирование компетенций мультикультурного взаимодействия, институционализация и развитие внутрикультурных регуляций, информационно-пропагандистское и аналитико-методическое сопровождение профилактики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- «Левада-центр» о национализме и ксенофобии. URL: www.sova-center.ru/racism-xenophobia/discussions/2015/09/d32693/
- На Урале выросло число преступлений на межнациональной почве. URL: nazaccent.ru/content/19500-na-urale-vyroslo-chislo-prestuplenij-na.html
- Старые проблемы и новые союзы. Ксенофобия и радикальный национализм и противодействие им в 2016 году в России. URL: www.sova-center.ru/racism-xenophobia/publications/2017/03/d36630/
- Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». URL: www.rg.ru/2002/07/30/extremizm-dok.html
- Чупров В. И., Зубок Ю. А. Молодежный экстремизм: сущность, формы проявления, тенденции. М.: Academia, 2009. 320 с.
- Этноконфессиональные факторы укрепления единства России и расширения межкультурного диалога на пространстве СНГ: Монография / А. Я. Касюк и др. М.: ИПК МГЛУ «Рема», 2011. 192 с.

УДК 316.4

О. Н. Шаява

кандидат социологических наук; ст. преподаватель кафедры социологии Института международных отношений и социально-политических наук, МГЛУ; e-mail: o.shaeva@mail.ru

ПОСЛЕДСТВИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ В РОССИИ

В статье рассмотрены различные подходы к пониманию общественных трансформаций и их последствий в современных российских условиях. Последствия общественных трансформаций проанализированы на основе результатов эмпирических исследований, проведенных российскими и зарубежными организациями. На основе эмпирического материала применительно к современной России рассмотрены такие последствия общественных трансформаций, как несоответствие формальных и неформальных социальных норм, низкий уровень доверия к институтам, неуверенность в будущем, краткосрочность планирования и др.

Ключевые слова: общественные трансформации; доверие к институтам; формальные и неформальные нормы.

Shaeva O. N.

PhD (Sociology), Senior Lecturer, Department of Sociology, Institute of International Relations and Social and Political Sciences (Faculty), MSLU; e-mail: o.shaeva@mail.ru

CONSEQUENCES OF SOCIETAL TRANSFORMATION IN RUSSIA

The article examines various approaches to societal transformations and their consequences in modern Russia. Findings of studies conducted by Russian and foreign serve as the basis for analysis of such outcomes of societal transformations as the gap between formal and informal norms, low confidence in institutions etc.

Key words: societal transformations; confidence in institutions; formal and informal norms.

Тема общественных трансформаций является весьма актуальной в настоящее время. Авторы, представляющие различные научные дисциплины и относящиеся к различным историческим периодам, считают трансформационные процессы характерной чертой современного мира, пронизывающей все его сферы. Так, например, еще в 1927 г. в предисловии к «Кризису современного мира» Рене Генон отмечал: «В настоящее время очевидно, что

кризис приближается к своей развязке, и это предельно усугубляет ненормальность того положения дел, которое существует уже в течение нескольких столетий, но последствия которого никогда еще не были столь чудовищны и откровенны, как сегодня. По этой причине ускоряется и последовательность разворачивающихся событий, и очевидно, что всё это может продлиться еще какое-то время, но всё же отнюдь не до бесконечности» [Генон]. В книге «Шок будущего», вышедшей в 1970 г., Элвин Тоффлер указывает: «Западное общество в последние триста лет было охвачено бурей перемен. Эта буря сейчас, похоже, набирает силу. Перемены проносятся по высокоразвитым странам волнами, которые всё набирают силу и оказывают беспрецедентное влияние» [Тоффлер 2002, с. 21]. Как будет показано далее, общественные трансформации, в том числе последствия их протекания в России, являются актуальной темой прикладных и эмпирических исследований и в настоящее время.

Не существует общепринятого определения понятия «общественные трансформации» и понимания их сущности и содержания. Подобная ситуация обусловлена тем, что общественные трансформации являются предметом внимания различных дисциплин, прежде всего социологии, философии и социальной философии. Кроме того, в рамках каждой из дисциплин отмечается полипарадигмальность, характерная для социально-гуманитарного знания. Отметим также, что существует ряд понятий, связанных с общественной трансформацией, а именно: изменение, развитие, прогресс, регресс и др. Данный комплекс понятий имеет, несмотря на существующие между ними различия, общую основу – все они, как показывает анализ определений, подразумевают динамику, процессуальность, переход от одного состояния к другому. Нам представляется, что их существенное различие заключается в следующем: некоторые из этих понятий выражают лишь идею перехода без указания его направленности (например, понятия «трансформация» и «изменение»). Другие же включают в себя понимание определенной направленности или способа/формы протекания процесса перехода (например понятия «прогресс», «регресс», «эволюция», «революция» и т. д.).

Что касается взаимосвязи трансформации и изменения, нам представляется обоснованной точка зрения В.И. Карасева, который применительно к социальной трансформации предложил

рассматривать изменение как содержание категории социальной трансформации, а социальные системы – как ее объем: «Социальная трансформация как категория социальной философии может рассматриваться с точки зрения своей процессуальности как социальное изменение» [Карасев 2000, с. 33]. С нашей точки зрения, то же самое верно и для общественных трансформаций, понимаемых более широко, как процессы изменения, охватывающие общество в целом, включая его различные сферы.

Общественные трансформации характеризуются качественными изменениями системообразующих элементов социальной системы, затрагивают все ее уровни и вызывают в ней морфологические, структурные, функциональные и другие изменения принципиального, коренного, сущностного характера. Анализ различных работ, раскрывающих данную тему, позволяет выделить свойства общественных трансформаций [Заславская 2004; Карасев 2000; Локосов 2002]: системный характер изменений; направленность на изменение базовых свойств общества, а не отдельных частных сторон; многовекторность процесса трансформации; глубина, масштабность и неопределенность его последствий; нестабильность социальных систем, находящихся в процессе трансформации; многообразие движущих сил и механизмов трансформации; неизбежность и длительность аномии и т. д.

Таким образом, общественные трансформации представляют собой процессы коренного, системного изменения общества во взаимосвязи всех его сфер и уровней, переход к их новому качественному состоянию, в то время как преобразование, изменение какой-либо стороны общественной жизни (институтов, организаций), не уничтожающее основ существующей социальной структуры, должно рассматриваться как реформа [Социологический энциклопедический словарь 2000]. К общественным трансформациям могут быть отнесены процессы коренного изменения политического устройства государства, его экономической системы, ценностно-нормативных основ общественной жизни, системы социальной стратификации и другие изменения, характерные, например, для бывших социалистических стран.

Рассматривая подходы к пониманию общественных трансформаций более подробно, можно выделить следующие варианты в зависимости от того, какая категория положена в основу подхода к пониманию общественных трансформаций:

1) в зависимости от формы протекания и направленности процессов изменения общественные трансформации могут рассматриваться как комплекс направленных или ненаправленных процессов;

2) в зависимости от движущих сил и причин общественные трансформации могут рассматриваться как эндогенные или экзогенные процессы изменений. Отметим, что рассмотрение процесса как экзогенного или эндогенного всегда зависит от принятых ученым рамок анализа. Как указывает П. Штомпка, если проследить процессы на более продолжительном отрезке времени, то большинство из них можно считать экзогенно-эндогенными: развиваясь, они приводят к результатам, которые влияют не только на правила функционирования системы, где протекают эти процессы, но и на ее окружение, что также вызывает соответствующую реакцию [Штомпка 1996, с. 42];

3) в зависимости от оценки последствий и результатов общественные трансформации могут пониматься, во-первых, как процессы реализации сущностных, качественных изменений социальной системы, ведущих к ее усовершенствованию, повышению степени ее адаптированности к внешнему окружению, прорыву в новое качество. Во-вторых, они могут рассматриваться как катастрофические процессы, несущие негативные последствия как для системы в целом, так и для ее отдельных составляющих. Примерами второго подхода могут служить концепции «травмы социальных изменений» П. Штомпки и «шока будущего» Э. Тоффлера.

Рассмотрим тему общественных трансформаций применительно к России. Анализ существующей научной литературы показывает, что тема общественных трансформаций в России рассматривается прежде всего в контексте распада СССР и последовавших трансформационных процессов. Как указывает Т.И. Заславская, в современной отечественной социологии нет единой точки зрения относительно сути данных трансформационных процессов – различными авторами они рассматриваются как либерально-демократическая революция, антисоциалистический переворот и т. п. Сама Т. И. Заславская обосновывает понимание трансформационных процессов 1990-х гг. как «череду недостаточно подготовленных, противоречивых, можно сказать, судорожных реформ и прямых политических мер, вызвавших цепь политических

и социально-экономических кризисов. Такой характер развития не соответствует понятиям ни революции, ни великих реформ, я скорее назвала бы его кризисной трансформацией» [Заславская 2004, с. 391–392].

Нет единой точки зрения и относительно завершенности общественных трансформаций, связанных с распадом СССР. Так, например, Н. И. Лапин отмечает завершенность (на момент начала 2000-х гг.) кризисного этапа социетальной, общесистемной трансформации, затрагивающей все структуры общества, последствия которой могут долгое время сказываться на жизни общества. В настоящее время протекает институционализация нового социального порядка – послекризисный этап развития общества [Лапин 2003]. М. К. Горшков в 2009 г. указывал на преодоление Россией системного кризиса 1990-х гг. и выход на траекторию последовательного и устойчивого развития [Горшков 2009]. В фокусе внимания находятся последствия общественных трансформаций, как они обусловили современное состояние российского общества.

Напротив, исследовательский проект «Индекс трансформации» фонда им. Бертельсмана [TransformationIndex BTI 2016] подразумевает рассмотрение России как трансформирующейся страны. Данный индекс отражает степень приближения трансформирующихся стран к демократии и рыночной экономике, а также качество управления трансформационными процессами. Индекс России в 2016 г. составил 5,06 по шкале от 1 до 10, где 10 – высший уровень трансформированности (81 ранг из 129 стран, определяемых как находящиеся в процессе трансформации). Согласно классификации авторов исследования, значение для России указывает на очень низкий уровень трансформированности, основной причиной которого являются трудности в трансформации политической сферы. К их числу относится ограничение свободы СМИ и деятельности негосударственных организаций, слабость институтов демократического общества и участия в них, недостатки в действии системы сдержек и противовесов.

Авторы исследования также подчеркивают низкую степень управляемости трансформаций в России – она оценена на 3,17 балла из 10 возможных. В качестве структурных ограничений, не позволяющих достичь более высокого темпа трансформаций, авторы исследования выделяют: негативные демографические тенденции,

низкий уровень институционального и межличностного доверия граждан, отсутствие традиций политического участия граждан, слабое развитие гражданского общества и неэффективность его институтов (вместе с тем отмечаются и отдельные признаки становления и развития гражданского общества в России) и др.

Отметим, что жители России скорее не рассматривают текущую ситуацию в стране как стабильную и не строят долгосрочных планов на будущее. Так, 46 % опрошенных не чувствуют уверенность в завтрашнем дне, прежде всего в связи с нестабильной ситуацией в стране и мире (11 %). При этом, хотя у 74 % опрошенных есть заветная мечта, 30 % не строят планы на будущее, а 45 % строят планы только на ближайшее будущее [Представления о будущем... 2017].

Анализ общественных трансформаций в России затрагивает не только тему их завершенности или незавершенности, но и их результатов, т. е. состояния общества, сложившегося по итогам общественных трансформаций на данный момент. Характеризуя эффективность сложившихся базовых институтов, Т.И.Заславская указывает, что сформировавшаяся в России нормативная система, хотя и приобрела демократические черты, всё же является неполной, содержит нелегитимные, неэффективные и противоречивые нормы. Существующие формально закрепленные нормы не соблюдаются и противоречат нормам, закрепленным в национальной культуре. Социальная структура общества в результате произошедших изменений стала характеризоваться значительной величиной социального расслоения, неразвитостью среднего класса, снижением человеческого потенциала, негативными демографическими тенденциями. Новая институциональная структура охарактеризована автором как преимущественно неформальная, но имеющая достаточно жесткий характер. Таким образом, в данном случае скорее можно говорить о признаках травматических процессов общественных трансформаций [Заславская 2004]. Данный вывод относится к началу 2000-х гг., однако и в актуальной временной перспективе мы можем наблюдать отмеченные автором явления.

На сохранение несоответствия официальных и неформальных норм указывают результаты социологических исследований. Так, результаты опросов, проведенных фондом «Общественное

мнение» в 2013 и 2014 гг., указывают, что 16% граждан России считают необязательным следовать закону, если он плохой, а еще 12% не определились с мнением по данному вопросу. 51% опрошенных указали, что россияне чаще всего нарушают законы, потому что вынуждены это делать, 30% – потому что россияне относятся к законам неуважительно. Соблюдаются законы, по мнению респондентов, по привычке (37%) и из-за страха наказания (33%) [О соблюдении законов... 2014]. Более того, по оценкам граждан России, в их жизни не было ситуаций, когда знание законов помогало им защитить свои интересы (61% опрошенных в 2014 г.) и не было ситуаций, когда незнание законов нанесло им вред (69%) [Знание законов ... 2014].

Расхождение формальной и неформальной структуры проявляется и в достаточно низком доверии к институтам власти. Так, результаты исследования «Доверие к государственным институтам и стратегии экономического поведения граждан», проведенного Центром социологических исследований РАНХиГС в рамках проекта «Евробарометр в России», показывают, что с начала 2015 до начала 2016 г. снизилось доверие жителей России как к федеральным, так и к региональным и местным властям. В наибольшей степени снизилось доверие правительству (с 80% до 59%), муниципальным (с 65% до 46%) и региональным (с 68% до 51%) законодательным собраниям. Уровень доверия президенту и полиции сократился приблизительно на 3%. При этом в наименьшей степени государственным институтам доверяют экономически активные группы населения. Так, люди, которые занимаются предпринимательской деятельностью или планируют открыть свое дело в ближайшем будущем, в 2,2 раза реже говорят о доверии институтам [Итоги соцопроса РАНХиГС... 2017]. Результаты исследовательского проекта «Edelman Trust Barometer» за 2017 г. показывают, что среди населения всех из исследованных 28 стран отмечается снижение доверия к институтам (правительству, бизнесу, СМИ и негосударственным организациям), однако в России данный уровень является наименьшим (34% населения доверяют данным институтам) [Global results]. Помощи от государства в случае болезни ожидают 25% населения, в данном случае жители России полагаются на непосредственное социальное окружение – родственников (88%) и друзей (68%) [Доверие как фактор общественной жизни...

2017]. Таким образом, можно говорить о том, что доверие и нормы жителей России скорее сосредоточены на уровне их непосредственного окружения и сетей контактов и существуют в некоторой степени обособленно от уровня формальных институтов и норм.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Генон Р.* Кризис современного мира // Арктогея. URL: arctogaia.com/public/guenon/guenon.htm
- Горшков М. К.* Российское общество в социологическом измерении // Мир России. 2009. № 2. С. 3–21.
- Доверие как фактор общественной жизни // Россия будущего 2017–2035. 2017. 6 июня. URL: www.russia2035.ru/works/pautova-interview/
- Заславская Т. И.* Современное российское общество: Социальный механизм трансформации. М.: Дело, 2004. 400 с.
- Знание законов. Нужно ли «обычному человеку» знать законы? Может ли он сам в них разобраться? // Фонд «Общественное мнение». 2014. 26 ноября. URL: fom.ru/interaktiv/11844
- Итоги соцопроса РАНХиГС: россияне стали меньше верить государственным институтам // Портал социологических данных РАНХиГС. 2017. 29 мая. URL: social.ranepa.ru/novosti/item/itogi-socoprosa-ranhigs-rossiyane-stali-menshe-verit-gosudarstvennym-institutam
- Карасев В. И.* Социальная трансформация как предмет философского анализа: дис. ... д-ра филос. наук. М., 2000. 358 с.
- Латин Н. И.* Началась институционализация нового социального порядка – какого? // Куда пришла Россия?... Итоги социетальной трансформации: материалы ежегодного симпозиума, проводимого Интерцентром и Московской высшей школой социальных и экономических наук под рук. Т. И. Заславской, 16–18 января 2003 г. / под общ. ред. Т. И. Заславской. М.: МВШСЭН, 2003. 408 с.
- Локосов В. В.* Трансформация социетальных систем: Опыт реформ в современной России: дис. ... д-ра соц. наук. М., 2002. 308 с.
- О соблюдении законов. Как россияне оценивают российские законы и считают ли, что следовать им обязательно // Фонд «Общественное мнение». 2014. 13 мая. URL: fom.ru/Bezopasnost-i-pravo/11495
- Представления о будущем. Об уверенности в завтрашнем дне и планах на будущее // Фонд «Общественное мнение». 2017. 28 июня. URL: fom.ru/Nastroeniya/13594 (дата обращения: 29.06.2017).
- Социологический энциклопедический словарь. На русском, английском, немецком, французском и чешском языках. М.: НОРМА, 2000. 488 с.
- Тоффлер Э.* Шок будущего / пер. с англ. М.: АСТ, 2002. 577 с.

Штомпка П. Социология социальных изменений / пер. с англ. ; под ред.

В. А. Ядова. М. : Аспект-Пресс, 1996. 416 с.

Global results // Edelman Trust Barometer. URL: www.edelman.com/global-results/

TransformationIndex BTI 2016 // Bertelsmann Stiftung. URL: www.bti-project.org/en/index/

УДК 316.444.56

А. В. Саблуков, И. Т. Арабидзе

Саблуков А. В., доктор социологических наук; профессор кафедры социологии Института международных отношений и социально-политических наук, МГЛУ; e-mail: asablukov@mail.ru

Арабидзе И. Т., аспирант кафедры социологии Института международных отношений и социально-политических наук, МГЛУ;
e-mail: ati30@mail.ru

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОДДЕРЖКА ИНВАЛИДОВ
ВСЛЕДСТВИЕ ВОЕННОЙ ТРАВМЫ И ЗАБОЛЕВАНИЯ,
ПОЛУЧЕННОГО В ПЕРИОД ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ, И ЧЛЕНОВ
ИХ СЕМЕЙ: СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ**

В современной военно-социальной политике Российской Федерации важное место занимают вопросы государственной поддержки инвалидов вследствие военной травмы и заболевания, полученного в период военной службы, и членов их семей. В статье приводятся правовые акты, регулирующие эту сферу, анализируются тенденции в изменении ситуации с государственной поддержкой указанных категорий граждан в последние годы. Определены основные проблемы в законодательном регулировании государственной поддержки инвалидов вследствие военной травмы и заболевания, полученного в период военной службы и членов их семей, сформулирован ряд предложений по устранению имеющихся пробелов.

Ключевые слова: военная служба; государственная поддержка; инвалид; военная травма.

Sablukov A. V.

Doctor of Sociology (Dr.habil), Professor, Department of Sociology, Institute of International Relations and Social and Political Sciences, MSLU;
e-mail: asablukov@mail.ru

Arabidze I. T.

Postgraduate Student, Department of Sociology, Institute of International Relations and Social and Political Sciences, MSLU;
e-mail: ati30@mail.ru

**GOVERNMENT SUPPORT FOR THE PERSONS,
WHO ARE DISABLED AS A RESULT OF WAR INJURIES
AND DISEASES OBTAINED DURING THE MILITARY SERVICE,
AND THEIR FAMILIES: STATUS AND PROBLEMS**

In the modern military-social policy of the Russian Federation important place occupies issues of the Government support for the persons, who are

disabled as a result of war injuries and diseases obtained during the military service, and their families. The article presents the legal acts regulating this sphere, analyzes trends in the situation connected with the state support of these categories of people in recent years. The main problems in the legislative regulation of state support for people with disabilities due to war injuries and diseases during the military service and their families obtained, made a number of proposals to address the gaps.

Key words: military service; government support; the disabled person; military trauma.

Специфика военной службы такова, что вероятность получить травму весьма высока. Вред, нанесенный здоровью в период военной службы, называется «военная травма». Определяется это состояние военно-врачебными экспертами, которые руководствуются Положением о военно-врачебной экспертизе, утвержденном Постановлением Правительства РФ от 04.07.13 г. № 565, п. 94 этого документа описывает военную травму как телесное повреждение, полученное при исполнении военных служебных обязанностей [Постановление Правительства РФ... 2013].

Таким образом, инвалиды в результате военной травмы – это военные, утратившие здоровье из-за телесных повреждений, полученных при исполнении воинских обязанностей, которым специальной комиссией присвоена инвалидность той или иной степени.

В настоящее время обязательства государства по обеспечению социально-правовой защищенности инвалидов вследствие военной травмы и вследствие заболевания, полученного в период военной службы, наступают в отношении военнослужащих, увольняющихся с военной службы в связи с получением военной травмы или по болезни, после признания за ними инвалидности, а также если инвалидность наступила в течение 5 лет после увольнения с военной службы.

Необходимость социально-правовой защиты инвалидов вследствие военной травмы и вследствие заболевания, полученного в период военной службы, обуславливается важнейшими социальными правами и гарантиями, закрепленными в законодательных актах государства и субъектов Российской Федерации, направленных на удовлетворение необходимых материальных и духовных потребностей людей с ограниченными возможностями и на предоставление им возможно максимальной компенсации за ущерб, причиненный здоровью при выполнении обязанностей военной службы.

Меры государственной поддержки инвалидов вследствие военной травмы или заболевания, полученного в период военной службы, регулируются целым рядом законодательных актов, основными из которых являются:

– Закон Российской Федерации от 21 января 1993 г. № 4328-1 «О дополнительных гарантиях и компенсациях военнослужащим, проходящим военную службу на территориях государств Закавказья, Прибалтики и Республики Таджикистан, а также выполняющим задачи в условиях чрезвычайного положения и при вооруженных конфликтах»;

– Федеральный закон от 12 января 1995 г. № 5-ФЗ «О ветеранах»;

– Федеральный закон от 16 мая 1995 г. № 75-ФЗ «О распространении действия Закона Российской Федерации «О дополнительных гарантиях и компенсациях военнослужащим, проходящим военную службу на территориях государств Закавказья, Прибалтики и Республики Таджикистан, а также выполняющим задачи в условиях чрезвычайного положения и при вооруженных конфликтах» на военнослужащих, а также лиц рядового и начальствующего состава, курсантов и слушателей учебных заведений Министерства внутренних дел Российской Федерации, выполняющих и выполнявших задачи в условиях вооруженного конфликта в Чеченской Республике»;

– Федеральный закон от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе»;

– Федеральный закон от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих»;

– Федеральный закон от 15.12.2001 г. № 166-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации»;

– Федеральный закон от 20 декабря 2006 г. № 284-ФЗ «О социальных гарантиях и компенсациях военнослужащим, проходящим военную службу в воинских формированиях Российской Федерации, дислоцированных на территории Республики Белоруссия, Республики Казахстан и Киргизской Республики, а также лицам, работающим в этих формированиях»;

– Федеральный закон от 7 ноября 2011 г. № 306-ФЗ «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат».

Помимо перечисленных законов, которые изданы специально для регулирования тех или иных областей военно-социальных отношений, в сфере которых действуют также другие законы, содержащие правовые нормы, учитывающие специфику их применения в отношении инвалидов вследствие военной травмы или заболевания, полученного военнослужащими или членами их семей. К ним относятся:

- Федеральный закон от 24 ноября 1995 г. № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации»;
- Федеральный закон от 29.11.2010 г. №326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации»;
- Федеральный закон от 19.07.2011г. № 247-ФЗ «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»;
- Федеральный закон от 12 ноября 2012 г. № 181-ФЗ «О внесении изменения в статью 24 Закона Российской Федерации «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, и их семей»;
- Федеральный закон от 1 декабря 2014 г. № 419-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам социальной защиты инвалидов в связи с ратификацией Конвенции о правах инвалидов»;
- Постановление Правительства Российской Федерации от 22 февраля 2012 г. № 142 «О финансовом обеспечении и об осуществлении выплаты ежемесячной денежной компенсации, установленной частями 9, 10, 13 ст. 3 Федерального закона “О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат”» (в редакции от 10.02.2016 г. № 92).

Согласно этим документам ежемесячная денежная компенсация назначается военнослужащим, проходившим военную службу по призыву, и военнослужащим, проходившим военную службу по контракту, гражданам, призванным на военные сборы, пенсионное обеспечение которых осуществляется Пенсионным фондом РФ, а также членам их семей.

Перечень льгот, предусмотренных для инвалидов вследствие военной травмы или заболевания, полученного в период военной службы, достаточно обширен. Различные министерства и ведомства, а также субъекты Российской Федерации проводят работу по совершенствованию механизма реализации принятых законодательных актов, дополняя их.

Медико-социальная защита инвалидов входит в число приоритетных национальных проектов и находится под постоянным контролем федеральных органов исполнительной и законодательной власти. Основными направлениями государственной политики в отношении инвалидов вследствие военной травмы или заболевания, полученного в период военной службы, являются:

- реализация мер социальной поддержки, установленных федеральными законами и нормативными правовыми актами для инвалидов вследствие военной травмы или заболевания, полученного в период военной службы, и членов их семей;
- выделение из бюджетов различных средств, необходимых для реализации мер социальной поддержки.

За гражданами Российской Федерации, уволенными с военной службы и ставшими инвалидами вследствие увечья или иного повреждения здоровья, полученного в связи с выполнением служебных обязанностей либо вследствие заболевания в период прохождения военной службы, законодательно закреплено:

- бесплатное медицинское обслуживание, в том числе изготовление и ремонт зубных протезов (за исключением зубных протезов из драгоценных металлов и других дорогостоящих материалов);
- бесплатное обеспечение лекарственными препаратами для медицинского применения по рецептам выданным врачом, изделиями медицинского назначения в ведомственных медицинских организациях;
- лечение в санаторно-курортных учреждениях указанного федерального органа за плату в размере 25 % стоимости путевки;
- медицинское обслуживание в лечебных учреждениях государственной и муниципальной систем здравоохранения за счет средств обязательного медицинского страхования в рамках территориальной и базовой программ.

В настоящее время меры социальной поддержки по оплате жилой площади и коммунальных услуг, установленные Федеральным

законом от 12 января 1995 г. № 5-ФЗ «О ветеранах» (далее – Федеральный Закон «О ветеранах»), указанной категории граждан сохранены независимо от получения пенсий по ведомственной принадлежности (за исключением льгот по оплате за телефон).

В соответствии со ст. 14 Федерального закона «О ветеранах» инвалидам войны, к которым относятся инвалиды боевых действий, предоставляется льгота: оплата в размере 50 % коммунальных услуг (водоснабжение, водоотведение, вывоз бытовых и других отходов, газ, электрическая и тепловая энергия – в пределах нормативов потребления указанных услуг, установленных органами местного самоуправления); инвалидам войны, проживающим в домах, не имеющих центрального отопления, – топлива, приобретаемого в пределах норм, установленных для продажи населению, и транспортных услуг для доставки этого топлива. Обеспечение топливом инвалидов войны производится в первоочередном порядке. Меры социальной поддержки по оплате указанных услуг предоставляются независимо от вида жилищного фонда.

С 1 января 2005 г. некоторые меры социальной поддержки лиц, относящихся к федеральным льготникам, предусмотренные Федеральным законом «О ветеранах», заменены ежемесячными денежными выплатами (ЕДВ), которые, независимо от ведомственной принадлежности по пенсионному обеспечению, устанавливаются и выплачиваются территориальными органами Пенсионного фонда Российской Федерации. По этому же закону они имеют право на получение набора социальных услуг (социального пакета), который включает в себя:

- дополнительную бесплатную медицинскую помощь, в том числе обеспечение необходимыми лекарственными средствами по рецептам врачей, предоставление бесплатной путевки на санаторно-курортное лечение при наличии медицинских показаний, бесплатный проезд на междугородном транспорте к месту лечения и обратно;
- бесплатный проезд на пригородном железнодорожном транспорте.

Решение вопросов обеспечения необходимыми лекарственными средствами возложено на медико-санитарную помощь по месту жительства.

Перечень лекарственных средств, отпускаемых по рецептам врача (фельдшера) при оказании дополнительной бесплатной медицинской помощи отдельным категориям граждан, имеющим право на получение государственной социальной помощи, утвержден приказом Минздравсоцразвития России от 2 декабря 2004 г. № 296 [Приказ Министерства здравоохранения... 2004].

В случае недостаточности лекарственной терапии при лечении отдельных заболеваний по жизненно важным показаниям могут применяться иные лекарственные средства по решению врачебной комиссии, утвержденному главным врачом лечебно-профилактического учреждения.

Инвалидам боевых действий разрешается использование ежегодного отпуска в удобное для них время и предоставление отпуска без сохранения заработной платы сроком до 60 календарных дней в году. Инвалидам I и II групп при недостаточности ежегодного и ежегодного дополнительного отпусков для лечения и проезда в санаторно-курортные организации и обратно разрешается выдавать листки временной нетрудоспособности на необходимое число дней и производить выплату пособий по государственному социальному страхованию независимо от того, кем и за чей счет предоставлена путевка.

Преимущественным правом на поступление в государственные и муниципальные образовательные учреждения среднего профессионального образования и государственные и муниципальные образовательные учреждения высшего профессионального образования пользуются дети лиц, погибших или умерших вследствие военной травмы либо заболеваний, полученных ими при участии в проведении контртеррористических операций и (или) иных мероприятий по борьбе с терроризмом.

Дети сотрудников органов внутренних дел, проходивших службу по контракту в МВД Чеченской Республики и погибших при исполнении служебных обязанностей, или сотрудников органов внутренних дел, проходивших (проходящих) службу по контракту в МВД Чеченской Республики и получивших травму, увечье, заболевание, препятствующие дальнейшему прохождению службы, принимаются без вступительных испытаний в образовательные учреждения МВД России при условии их соответствия всем

другим требованиям профессионального отбора и приема в указанные образовательные учреждения.

При равенстве общей суммы баллов преимущественное право на зачисление в образовательные учреждения среднего профессионального и высшего профессионального образования и бесплатного обучения в них получают дети умерших (погибших) Героев Советского Союза, Героев Российской Федерации и полных кавалеров ордена Славы при условии, если образование данного уровня они получают впервые.

Инвалиды боевых действий в соответствии с Федеральным законом «О ветеранах» принимаются вне конкурса в государственные образовательные учреждения высшего и среднего профессионального образования, на курсы обучения соответствующим профессиям. Предусмотрена выплата специальных стипендий, устанавливаемых Правительством РФ, студентам из числа инвалидов войны, обучающимся в указанных образовательных учреждениях.

Кроме того, инвалиды вследствие военной травмы или иного повреждения здоровья, полученных в связи с выполнением обязанностей военной службы, повлекшего стойкую утрату трудоспособности, имеют право на получение ежемесячной денежной компенсации в размере утраченного денежного довольствия по состоянию на день увольнения со службы за вычетом размера назначенной пенсии по инвалидности.

Постановлением Правительства Российской Федерации от 22 февраля 2012 г. № 142 «О финансовом обеспечении и об осуществлении выплаты ежемесячной денежной компенсации, установленной частями 9, 10, 13 ст. 3 Федерального закона “О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат”» (в редакции от 10.02.2016 г. № 92) ежемесячная денежная компенсация назначается военнослужащим, проходившим военную службу по призыву, и военнослужащим, проходившим военную службу по контракту, гражданам, призванным на военные сборы, пенсионное обеспечение которых осуществляется Пенсионным фондом РФ, и членам их семей. Ежемесячная денежная компенсация выплачивается военнослужащим или гражданам, призванным на военные сборы, которым в период прохождения военной службы (военных сборов) либо после увольнения с военной службы (отчисления с военных сборов или окончания военных

сборов) установлена инвалидность вследствие военной травмы [Постановление Правительства РФ... 2012].

Установленный с 1 января 2010 г. порядок выплаты пенсий инвалидам в зависимости от группы инвалидности, а не от степени ограничения способности к трудовой деятельности позволил увеличить размер пенсии тем гражданам, у которых группа инвалидности выше, чем степень ограничения трудоспособности, а также назначать пенсию инвалидам, не имеющим степень ограничения способности к трудовой деятельности.

1 мая 2016 г. подписана новая редакция Федерального закона № 125-ФЗ «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» от 24.07.1998 г., которая определяет, что инвалиды вследствие военной травмы должны получать компенсации в зависимости от степени утраты трудоспособности, а не от вида получаемой пенсии. Законом установлено, что при установлении инвалидности вследствие военной травмы, исключившей возможность гражданину дальнейшего прохождения службы, ему выплачивается ежемесячная денежная компенсация, с последующим взысканием суммы компенсации с виновных лиц. Размер такой компенсации рассчитывается исходя из размера месячного оклада (содержания) и размера ежемесячной надбавки за стаж с применением следующих коэффициентов: для инвалидов I группы – 1; для инвалидов II группы – 0,5; для инвалидов III группы – 0,3 [Федеральный закон... 1998].

С 1 января 2012 г. вступил в силу Федеральный закон от 7 ноября 2011 г. № 306-ФЗ «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат», гарантирующий военнослужащему или гражданину, призванному на военные сборы, при установлении инвалидности вследствие военной травмы, выплату ежемесячной денежной компенсации в возмещение вреда, причиненного его здоровью, в твердых размерах в зависимости от группы инвалидности [Федеральный закон... 1995]. Таким образом, с 2012 г. инвалиды вследствие военной травмы дополнительно к пенсии стали получать ежемесячную денежную компенсацию.

С 1 февраля 2016 г. произошло увеличение на 7% ежемесячных денежных выплат (ЕДВ) с учетом прогнозного уровня инфляции на текущий год. Это увеличение коснулось 16,5 млн человек. Размер увеличения для каждой категории федеральных льготников

индивидуален. Изменения в размере ЕДВ для основных категорий федеральных льготников представлены в таблице 1.

Таблица 1

Изменения в размере ЕДВ для бывших военнослужащих, относящихся к льготным категориям с 1 февраля 2016 г.

Категория льготника	Размер ЕДВ до 01.02.2016 г.	Размер ЕДВ с 01.02.2016 г.
Инвалиды войны и участники Великой Отечественной войны, ставшие инвалидами	4481,47 руб.	4795,17
Военнослужащие, ставшие инвалидами вследствие ранения, контузии или увечья, полученных при исполнении обязанностей военной службы (служебных обязанностей)	4481,47 руб.	4795,17
Участники Великой Отечественной войны	3361,09 руб.	3596,37
Ветераны боевых действий	2465,67 руб.	2638,27
Инвалиды вследствие чернобыльской катастрофы	2240,74 руб.	2397,59
Военнослужащие, получившие профессиональные заболевания, связанные с лучевым воздействием на работах в зоне отчуждения, ставшие инвалидами	2240,74 руб.	2397,59
Военнослужащие, получившие профессиональные заболевания, связанные с лучевым воздействием на работах в зоне отчуждения	1793,74 руб.	1919,30
Граждане из подразделений особого риска, имеющие и не имеющие инвалидность.	2240,74 руб.	2397,59

При желании получатель пенсии может за счет ежемесячной денежной доплаты получить набор социальных услуг (НСУ). Размер набора социальных услуг с 1 февраля 2016 г. – 995 руб. 23 коп. в месяц, который предоставляется всем получающим ЕДВ и включает в себя:

- лекарственные препараты для медицинского применения по рецептам, медицинские изделия по рецептам, специализированные продукты лечебного питания для детей-инвалидов;
- путевки на санаторно-курортное лечение для профилактики основных заболеваний;
- бесплатный проезд на пригородном железнодорожном транспорте, а также на междугородном транспорте к месту лечения и обратно.

С 1 апреля 2016 г. государственные, в том числе социальные, пенсии увеличены на 4%. Увеличение пенсий с 1 апреля 2016 г.

получили более 45 тыс. пенсионеров, являющихся получателями государственных пенсий (в том числе в качестве второй пенсии – 2 314 чел.) и социальных пенсий. В среднем социальные пенсии увеличились на 300 руб. и их средний размер составил 8 553 руб. (на 1 марта было 8 251,22 руб.). Данные изменения коснулись военнослужащих, получающих пенсию по инвалидности и ставшими инвалидами в период прохождения военной службы по призыву, и членов их семей, членов семей, получающих пенсии по случаю гибели военнослужащих, а также ветеранов и инвалидов Великой Отечественной войны.

Ранее, с 1 сентября 2005 г. Указом Президента РФ от 1 августа 2005 г. № 887 «О мерах по улучшению материального положения инвалидов вследствие военной травмы» было установлено дополнительное ежемесячное обеспечение в размере 1 тыс. руб. в месяц для инвалидов вследствие военной травмы [Закон РФ... 1993]. Причем не имеет значения в период какой военной или приравненной к ней служб гражданин стал инвалидом вследствие военной травмы и связана ли указанная причина инвалидности с прохождением военной или приравненной службы в «горячих» точках либо исполнением других служебных обязанностей. Главное, чтобы в действующем документе учреждения медико-социальной экспертизы была указана причина инвалидности – «военная травма». Также не имеет значения, в какие годы получена эта инвалидность.

Увеличились размеры пенсий по государственному пенсионному обеспечению граждан из числа инвалидов вследствие военной травмы и участников Великой Отечественной войны, получающих две пенсии. Данные категории являются получателями двух пенсий: страховой и государственной. Страховые пенсии были проиндексированы с 1 февраля 2015 г. на 4 %. Государственная пенсия увеличилась с 1 апреля 2016 г. также на 4 % и с 1 февраля проиндексировано ЕДВ на 7 %.

В итоге, средний размер пенсии по инвалидности участников Великой Отечественной войны составил 32 748 руб. в месяц; пенсии инвалидов вследствие военной травмы составил 30 546 руб. в месяц. Средний размер пенсии по инвалидности военнослужащих, проходивших военную службу по призыву, увеличился на 440 рублей и составил 12 165 руб. в месяц.

По данным Пенсионного фонда России, после индексации с 1 апреля 2016 г. средний размер гражданской пенсии по

инвалидности составляет 8 553 руб. в месяц, средний размер пенсии вследствие военной травмы (могут получать две пенсии: государственную пенсию по инвалидности вследствие военной травмы и трудовую пенсию по старости) – 30 546 руб в месяц. Таким образом, в октябре 2016 г. средний размер пенсии по инвалидности вследствие военной травмы превышает среднюю гражданскую пенсию по инвалидности в 3,57 раза и среднюю трудовую пенсию по России (12 440 руб. в месяц) в 2,46 раза.

Проведенный анализ состояния государственной поддержки инвалидов вследствие военной травмы и заболевания, полученного в период военной службы и членов их семей, позволяет сделать ряд выводов.

- Проблемы поддержки инвалидов вследствие военной травмы и заболевания, полученного в период военной службы, и членов их семей постоянно находятся в центре внимания органов государственной власти и управления и находят отражение в проводимой военно-социальной политике.

- Существует ряд проблем в законодательном регулировании социальной поддержки инвалидов вследствие военной травмы и вследствие заболевания, полученного в период военной службы, участников боевых действий и членов их семей. Это, во-первых, множественность нормативных правовых актов, во-вторых, значительная часть правовых норм, содержащихся в указанных выше законах, не являются нормами прямого действия, а рассчитаны на совокупность подзаконных нормативных правовых актов, в-третьих, нестабильность законодательства, подверженность законов в данной сфере частым изменениям и, наконец, наличие значительного числа правовых пробелов и противоречий в законодательстве, регулирующем правоотношения в сфере военно-социальной политики Российской Федерации.

- Исходя из сложившейся социально-правовой практике в Российской Федерации было бы целесообразно разработать и принять ряд специальных законов регулирующих меры социальной поддержки инвалидов вследствие военной травмы и заболевания, полученного в период военной службы и членов их семей. В частности, речь могла бы идти о таких законах, как «Об инвалидах военной службы» и «О льготах для военнослужащих, принимавших участие в боевых действиях», в которых бы были закреплены

статус и государственные гарантии для уволенных в запас инвалидов военной травмы и вследствие заболевания, полученного в период военной службы, льготы и возможности по реабилитации, а также приложен уточненный перечень государств, городов, территорий и периодов ведения боевых действий с участием граждан Российской Федерации, повлекших за собой гибель или непосредственную угрозу жизни лицам, находившимся на военной службе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Закон РФ от 21 января 1993 г. № 4328-1 «О дополнительных гарантиях и компенсациях военнослужащим, проходящим военную службу на территориях государств Закавказья, Прибалтики и Республики Таджикистан, а также выполняющим задачи в условиях чрезвычайного положения и при вооруженных конфликтах» (с изменениями и дополнениями). URL: base.garant.ru/182576/#ixzz4ZbiCAgWZ
- Приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 24 декабря 2004 г. № 321 «О внесении изменений и дополнений в приказ Минздравсоцразвития России от 2 декабря 2004 года № 296». URL: base.garant.ru/12138301/#ixzz4ZcxjREvU
- Постановление Правительства РФ от 4 июля 2013 г. № 565 «Об утверждении Положения о военно-врачебной экспертизе» (с изменениями и дополнениями). URL: base.garant.ru/70411156/#ixzz4ZbgrWagm
- Постановление Правительства РФ от 22 февраля 2012 г. № 142 «О финансовом обеспечении и об осуществлении выплаты ежемесячной денежной компенсации, установленной частями 9, 10 и 13 ст. 3 Федерального закона “О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат”» (с изменениями и дополнениями). URL: base.garant.ru/70144112/#ixzz4ZcvzTynA
- Федеральный закон от 24 ноября 1995 года № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями). URL: base.garant.ru/178405/#ixzz4ZbrSAEJi
- Федеральный закон от 12 ноября 2012 г. № 181-ФЗ «О внесении изменения в ст. 24 Закона Российской Федерации “О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, и их семей”» (с изменениями и дополнениями). URL: base.garant.ru/178405/#ixzz4ZbrSAEJi

Федеральный закон от 24 июля 1998 г. № 125-ФЗ «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» (с изменениями и дополнениями). URL: base.garant.ru/12112505/#ixzz4ZczEq36V

Сетевое электронное научное издание

ВЕСТНИК Московского государственного лингвистического университета	VESTNIK of Moscow State Linguistic University
Общественные науки	Social Sciences
Выпуск 1 (778)	Issue 1 (778)

Ответственные за выпуск 1 (778):
доктор политических наук, доц. В. К. Белозеров
доктор исторических наук Л. Г. Ивашов
доктор социологических наук И. В. Образцов

Редакторы:
Н. Г. Павлова, Е. М. Евдокимова
Компьютерная верстка *Г. П. Лопатиной*
Дизайн обложки *А. Г. Проскуракова*

ФГБОУ ВО МГЛУ
Подписано в печать 18.11.2017 г.
Усл. печ. л. 14,7 Формат 60х90/16.
Заказ № 1548

Адрес редакции:
119034, Москва, ул. Остоженка, 38
Тел.: (499) 245 33 23
E-mail: ipk-mglu@rambler.ru

В «Вестнике Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки» публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим отраслям науки:

07.00.00 – Исторические науки и археология
22.00.00 – Социологические науки
23.00.00 – Политология

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки» является преемником сборников научных трудов с 1940 года и, начиная с 2002 года, следующих выпусков «Вестника Московского государственного лингвистического университета»: «Исторические науки», «Политические науки», «Исторические науки. Политические науки», «Общественные науки».

© ФГБОУ ВО МГЛУ, 2016

Издание зарегистрировано 10 июня 2016 г. Эл № ФС77-66049 Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Доменное имя сайта: MSLU-SOC.RU
Учредитель: ФГБОУ ВО МГЛУ

Перепечатка материалов возможна при обязательном письменном согласовании с редакцией издания. Ссылка на издание при перепечатке обязательна